

55 #4 2025

ТРУДЫ
ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ
СОБСТВЕННОСТИ

WORKS
ON INTELLECTUAL
PROPERTY

Vol. 55 #4 2025

WORKS ON INTELLECTUAL PROPERTY

ISSUE TOPICS

- ♦ *UNESCO's Ark: For the 80th Anniversary of the Organization*
- ♦ *Prompt as a Subject of Legal Discussions*
- ♦ *Extraterritoriality of the Author's Moral Rights*
- ♦ *A Serious Conversation About Parodies*
- ♦ *Protection of the Information Space*
- ♦ *The Fashion Market as an Sector of Creative Industries*
- ♦ *Digital Model as an Object of IP Rights*
- ♦ *Harmony and Artificial Intelligence*

HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS
NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY

MOSCOW 2025

Том 55 #4 2025

ТРУДЫ ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

ТЕМЫ НОМЕРА

- ♦ *Ковчег ЮНЕСКО: К 80-летию
Организации*
- ♦ *Промпт как предмет правовых дискуссий*
- ♦ *Экстерриториальность моральных
прав автора*
- ♦ *Серьезный разговор о пародиях*
- ♦ *Защита информационного пространства*
- ♦ *Креативные индустрии и мода*
- ♦ *Цифровая модель как объект
интеллектуальной собственности*
- ♦ *Гармония и искусственный интеллект*

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

МОСКВА 2025

unesco
Chair

UNESCO Chair on Copyright,
Neighboring, Cultural
and Information Rights,
HSE University, Moscow,
Russian Federation

The journal is registered on
September 16, 2021 in the Federal
Service of Supervision of Communications,
Information Technology and Mass Media.
Certificate of registration of mass media
ΦC77–81925.

The reproduction of articles and other
materials against the will of the copyright
holders is prohibited in accordance with
paragraph 3 of Art. 1274 of the Civil Code
of the Russian Federation.

The RLS "ConsultantPlus" was used when
preparing the journal.

The journal is included in the List of
peer-reviewed scientific publications
recommended by the Higher Attestation
Commission of the Ministry of Higher
Education and Science of Russian
Federation for the publication of the
main research results for the degree of
candidate and doctor of Legal Sciences.

Subscription Index
Unified catalogue "Russian Press" 11287

Address:
National Research University Higher
School of Economics

20 Myasnitskaya St.
Moscow 101000, Russia

Tel. +7 495 772 95 90 *23017
e-mail: tis@hse.ru

Executive editor:
Ruslan Budnik

Designer
Valery Korshunov

Pre-press
Natalya Puzanova

Proofreader:
Elena Satarova

© National Research University
Higher School of Economics, 2025

ISSN 2225-3475
ISSN 2713-1270 (Online)

WORKS ON INTELLECTUAL PROPERTY

Vol. 55 #4 2025. DOI: 10.17323/tis.2025.v55

Scientific and analytical journal
Issued since 1999

(Certificates of registration of mass media

018878 dated 28/05/1999 and ΦC77–45963 dated 15/07/2011)

Publisher

National Research University Higher School of Economics

The designations employed and the presentation of material throughout this publication do not imply the expression of any opinion whatsoever on the part of UNESCO concerning the legal status of any country, territory, city or area or of its authorities, or concerning the delimitation of its frontiers or boundaries. The ideas and opinions expressed in this publication are those of the authors; they are not necessarily those of UNESCO and do not commit the Organization as well as of the UNESCO Chair.

Editor-in-Chief

MIKHAIL FEDOTOV (HSE, Russian Federation)

Deputy Editor-in-Chief

RUSLAN BUDNIK (HSE, Russian Federation)

Executive secretary

MARIA KATKOVA (HSE, Russian Federation)

Editorial Board:

BATURIN YURI (Lomonosov Moscow State University, Russian Federation)

BLIZNETS IVAN (Griboedov Moscow University, Russian Federation)

DIETZ ADOLF (Max Planck Society, Germany)

FICSOR MIHALY (Hungarian Copyright Experts Body, Hungary)

GADZHIEV GADIS (HSE University, Russian Federation)

GAVERILOV EDUARD (HSE University, Russian Federation)

IVLIEV GRIGORY (Eurasian Patent Office)

IMANOV KAMRAN (Intellectual Property Agency, Republic of Azerbaijan)

KOVALEVA NATALIA (HSE University, Russian Federation)

KRASNOV MIKHAIL (HSE University, Russian Federation)

MAGGS PETER (University of Illinois, USA)

NAUMOV VICTOR (Institute of State and Law of RAS, Russian Federation)

NERETIN OLEG (Federal Institute of Industrial Property, Russian Federation)

NUSSBERGER ANGELIKA (University of Cologne, Germany)

PASCALI MICHELANGELO (University of Naples Federico II, Italy)

POLYAKOVA TATIANA (Institute of State and Law of RAS, Russian Federation)

POTAPENKO SERGEY (Kuban State University, Russian Federation)

RASSOLOV ILYA (Moscow City University, Russian Federation)

SAIDOV AKMAL (National Center for Human Rights of the Republic of Uzbekistan)

SERGEEV ALEXANDR (HSE University, Russian Federation)

SERGO ANTON (Kutafin Moscow State Law Academy, Russian Federation)

TEDEEV ASTAMUR (Lomonosov Moscow State University, Russian Federation)

SHAKHNAZAROV BENIAMIN (Kutafin Moscow State Law University, Russian Federation)

SHAKHRAIY SERGEY (Russian State University for Humanities, Russian Federation)

VOINIKANIS ELENA (Kutafin Moscow State Law University, Russian Federation)

unesco

Кафедра

Кафедра ЮНЕСКО
по авторскому праву,
смежным, культурным
и информационным правам,
НИУ ВШЭ, Москва,
Российская Федерация

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций и включен в реестр зарегистрированных средств массовой информации, серия ПИ № ФС77–81925 от 16 сентября 2021 г.

Перепечатка материалов против воли правообладателей запрещена в соответствии с п. 3 ст. 1274 ГК РФ. При подготовке журнала использована СПС «КонсультантПлюс».

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России для публикации основных результатов исследований на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук.

Распространяется по подписке. Объединенный каталог «Пресса России» — подписной индекс 11287.

Координаты редакции:
адрес фактический: 109028, Москва, Б. Трехсвятительский пер., д. 3, оф. 436; почтовый: 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20, журнал «Труды по интеллектуальной собственности», тел.: +7 495 772 95 90 *23017, e-mail: tis@hse.ru

Координаты издателя и распространителя:
адрес фактический: 117312, Москва, ул. Вавилова, д. 7, Издательский дом НИУ ВШЭ; 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20, Издательский дом НИУ ВШЭ, тел. +7 495 772 95 90 * 15298, e-mail: id@hse.ru

Выпускающий редактор:
Будник Р.А.

Художественное оформление:
Коршунов В.П.

Верстка:
Пузанова Н.Е.

Корректор:
Сатарова Е.В.

© Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2025

Напечатано с готового оригинал-макета. Отпечатано ООО «Фотоэксперт», 109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42

Подписано к печати 07.11.2025
Формат 60×90 1/8. Усл.печл. 17,25.
Тираж 150 экз. Заказ №

ISSN 2225-3475
ISSN 2713-1270 (Online)

ТРУДЫ ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Том 55 #4 2025. DOI: 10.17323/tis.2025.v55

Научно-аналитический журнал
Издается с 1999 г.

(Свидетельства о регистрации СМИ

№ 018878 от 28. 05.1999 и ФС77–45963 от 15.07.2011)

Учредитель

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Использованные названия и представление материалов в данной публикации не являются выражением со стороны ЮНЕСКО какого-либо мнения относительно правового статуса какой-либо страны, территории, города или района или их соответствующих органов управления, равно как и линий разграничения или границ. Идеи и мнения, выраженные в этой публикации, принадлежат авторам. Они не обязательно совпадают с позицией ЮНЕСКО и не накладывают на Организацию каких-либо обязательств, равно как и на Кафедру ЮНЕСКО НИУ ВШЭ.

Главный редактор

ФЕДОТОВ М.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Заместитель главного редактора

БУДНИК Р.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Ответственный секретарь

КАТКОВА М.М. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

Редакционный совет:

БАТУРИН Ю.М. (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация)

БЛИЗНЕЦ И.А. (Московский университет им. А.С. Грибоедова, Российская Федерация)

ВОЙНИКАНИС Е.А. (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Российская Федерация)

ГАВРИЛОВ Э.П. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

ГАДЖИЕВ Г.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

ДИТЦ А. (Институт Макса Планка, ФРГ)

ИВЛИЕВ Г.П. (Евразийское патентное ведомство)

ИМАНОВ К.С. (Агентство интеллектуальной собственности, Азербайджанская Республика)

КОВАЛЕВА Н.Н. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

КРАСНОВ М.А. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

МЭГГС П. (Иллинойский университет, США)

НАУМОВ В.Б. (Институт государства и права РАН, Российская Федерация)

НЕРЕТИН О.П. (Федеральный институт промышленной собственности, Российская Федерация)

НУССБЕРГЕР А. (Кёльнский университет, ФРГ)

ПАСКАЛИ М. (Неаполитанский университет имени Федерико II, Италия)

ПОЛЯКОВА Т.А. (Институт государства и права РАН, Российская Федерация)

ПОТАПЕНКО С.В. (Кубанский государственный университет, Российская Федерация)

РАССОЛОВ И.М. (Московский городской педагогический университет, Российская Федерация)

САИДОВ А.Х. (Национальный центр по правам человека, Республика Узбекистан)

СЕРГЕЕВ А.П. (НИУ ВШЭ, Российская Федерация)

СЕРГО А.Г. (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Российская Федерация)

ТЕДЕЕВ А.А. (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Российская Федерация)

ФИЧОР М. (Венгерский совет экспертов по авторскому праву, Венгрия)

ШАХНАЗАРОВ Б.А. (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина, Российская Федерация)

ШАХРАЙ С.М. (Российский государственный гуманитарный университет, Российская Федерация)

TABLE OF CONTENTS

5.1.2; 5.1.3. Juridical Sciences	
UNESCO SUPPORT FOR RULEMAKING AND ENFORCEMENT	
FEDOTOV M.A. UNESCO's Ark: 80 Years of Journey to an Unattainable Goal	8
SAIDOV A.Kh. Chingiz Aitmatov and UNESCO	14
NAUMOV V.B. Development of the Ideas of the UNESCO Charter on the Preservation of Digital Heritage in the Age of Artificial Intelligence	24
INFORMATION. STATE. HUMAN RIGHTS	
ZHAROVA A.K. Protection of the Information Space from Destructive Information by Legal Means	31
INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS	
KAMINSKAYA E.I. Extraterritoriality of the Author's Moral Rights: Idea and Realization	42
VITKO V.S. On the Need to Establish the Nature of Labor when Resolving Disputes with the Courts about Parodies	49
SINELNIKOVA V.N., PLESHKOVA M.D. The Fashion Market as an Example of Creative Industries	58
VASYUCHKOVA O.A., AFONIN V.P. The Digital Model as an Object of Intellectual Property: Theoretical Aspects of Possible Application Based on the Analysis of International Analogues.	68
SERGEeva N.Y. If the Copyright Holder is not the Inventor, or How to Protect the Rights of an Employee (Author) from the Actions of an Unscrupulous Employer.	79
POKROVSKAYA A.V. Harmony in the Scale: Protection of Musical Works in the Digital Age	88
VARTANOV A.S. Unauthorized Copying of Digital Content	99
ARTIFICIAL INTELLIGENCE LAW	
KOVALEVA N.N., ROZHKOVA M.A. Whether Prompt is an Object of Copyright: Pros and Cons.	107
OMOROV R.O. Copyright for Publications Using Artificial Intelligence Systems.	116
RUDENKO T.Yu. Legal Aspects of the Use of Artificial Intelligence in the Music Field.	124
BIBLIOGRAPHY OF THE "WORKS ON INTELLECTUAL PROPERTY" QUARTERLY FOR 2025	132
ABOUT UNESCO CHAIR ON COPYRIGHT, NEIGHBORING, CULTURAL AND INFORMATION RIGHTS AT THE HSE UNIVERSITY	136

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.2; 5.1.3. Юридические науки	
ЮНЕСКО: НОРМОТВОРЧЕСТВО И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ	
ФЕДОТОВ М.А. Ковчег ЮНЕСКО: 80 лет пути к недостижимой цели	8
САИДОВ А.Х. Чингиз Айтматов и ЮНЕСКО	14
НАУМОВ В.Б. Развитие идей Хартии ЮНЕСКО о сохранении цифрового наследия в эпоху искусственного интеллекта.	24
ИНФОРМАЦИЯ. ГОСУДАРСТВО. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА	
ЖАРОВА А.К. Защита информационного пространства правовыми средствами от деструктивной информации	31
ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ	
КАМИНСКАЯ Е.И. Экстерриториальность личных неимущественных прав автора как идея и реальность	42
ВИТКО В.С. О необходимости установления характера труда при разрешении судами споров о пародиях.	49
СИНЕЛЬНИКОВА В.Н., ПЛЕШКОВА М.Д. Креативные индустрии на примере рынка моды	58
ВАСЮЧКОВА О.А., АФОНИН В.П. Цифровая модель как объект интеллектуальной собственности: теоретические аспекты возможного применения на основе анализа международных аналогов	68
СЕРГЕЕВА Н.Ю. Если правообладатель — не изобретатель, или Как защитить права работника (автора) от действий недобросовестного работодателя.	79
ПОКРОВСКАЯ А.В. Гармония в гамме: защита музыкальных произведений в цифровую эпоху.	88
ВАРТАНОВ А.С. Несанкционированное копирование цифрового контента.	99
ПРАВО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА	
КОВАЛЕВА Н.Н., РОЖКОВА М.А. Является ли промпт объектом авторского права: аргументы «за» и «против».	107
ОМОРОВ Р.О. Авторские права на публикации с использованием систем искусственного интеллекта.	116
РУДЕНКО Т.Ю. Правовые аспекты использования искусственного интеллекта в музыкальной сфере	124
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ «ТРУДЫ ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ» В 2025 г.	132
О КАФЕДРЕ ЮНЕСКО ПО АВТОРСКОМУ ПРАВУ, СМЕЖНЫМ, КУЛЬТУРНЫМ И ИНФОРМАЦИОННЫМ ПРАВАМ НИУ «ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»	134

Научная статья
УДК 341.1.
DOI: 10.17323/tis.2025.28838

Original article

КОВЧЕГ ЮНЕСКО: 80 ЛЕТ ПУТИ К НЕДОСТИЖИМОЙ ЦЕЛИ UNESCO'S ARK: 80 YEARS OF JOURNEY TO AN UNATTAINABLE GOAL

Михаил Александрович ФЕДОТОВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация,
mfedotov@hse.ru,
ORCID: 0000-0002-2591-1770,
Scopus ID: 57188800734,
SPIN-код: 8819-5654, AuthorID: 823309

Информация об авторе

М.А. Федотов — директор Международного научно-образовательного центра «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам» НИУ «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, Чрезвычайный и Полномочный посол РФ

Аннотация. В статье, посвященной 80-летию Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), проанализирован путь, пройденный этой важной международной институцией, к тем высоким целям, которые были закреплены в ее Уставе в 1945 году. Рассмотрены философские, исторические и международно-правовые предпосылки создания специализированной организации в области гуманитарного сотрудничества. Раскрыта органическая идейная связь Устава ЮНЕСКО с таким основополагающим документом всей системы ООН, как Всеобщая декларация прав человека.

Уставная миссия ЮНЕСКО наиболее ярко выражена в недостижимо высокой, но поистине кантовской

- формуле: «Мир, основанный лишь на экономических и политических соглашениях правительств, не сможет завоевать единодушной, прочной и искренней поддержки народов; он должен базироваться, во избежание неудачи, на интеллектуальной и нравственной солидарности человечества». Дальнейший ход истории подтвердил как практическую недостижимость данного идеала, так и его непреходящую ценность как цели развития цивилизации *homo sapiens*.

- Рассмотрены некоторые перипетии развития отношений Советского Союза, а позднее и Российской Федерации с ЮНЕСКО. Намечены пути преодоления такой застарелой проблемы ЮНЕСКО, как политизация программной деятельности. Практически по любому вопросу, относящемуся к компетенции Организации, прогресс может быть достигнут, если страны-члены проявят добрую волю, откажутся от выдвигания надуманных проблем или политизации проблем реальных и если ни одна из стран или групп стран не будет стремиться к какому-то привилегированному положению в Организации, что само по себе несовместимо с сутью многостороннего международного сотрудничества.

- Отмечается необходимость модернизации Организации, повышения ее эффективности, концентрации активности на решении проблем, требующих объединения интеллектуальных сил всего человечества.

- **Ключевые слова:** ЮНЕСКО, Устав ЮНЕСКО, права человека, ООН, интеллектуальная и нравственная солидарность, интеллектуальное сотрудничество, кафедры ЮНЕСКО, культура мира

Для цитирования: Федотов М.А. Ковчег ЮНЕСКО: 80 лет пути к недостижимой цели // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 55, № 4. С. 8–13; DOI: 10.17323/tis.2025.28838

Mikhail A. FEDOTOV

National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russian Federation, mfedotov@hse.ru, ORCID: 0000-0002-2591-1770, Scopus ID: 57188800734

Information about the author

M.A. Fedotov — Doctor of Legal Sciences, Professor, Director of the International Scientific and Educational Center "UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights" at the National Research University "Higher School of Economics", Honorable Lawyer of the Russian Federation, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation

Abstract. An article dedicated to the 80th anniversary of the establishment of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO) analyzes the path taken by this important international institution to the lofty goals that were enshrined in its Constitution in 1945. The philosophical, historical and international legal prerequisites for the creation of a specialized organization in the field of humanitarian cooperation are considered. The organic ideological connection of the UNESCO Constitution with such a fundamental document of the entire UN system as the Universal Declaration of Human Rights is revealed.

The statutory mission of UNESCO is most clearly expressed in an unattainably high, but truly Kantian formula: "A peace based only on the economic and political agreements of governments will not be able to win the unanimous, lasting and sincere support of peoples; it must be based, to avoid failure, on the intellectual and moral solidarity of mankind". The subsequent course of history confirmed both the practical unattainability of this ideal and its enduring value as a goal for the development of the civilization of *homo sapiens*.

Some vicissitudes of the development of relations between the Soviet Union, and later the Russian Federation with UNESCO, are considered. Ways to overcome such a long-standing problem of UNESCO as the politicization of program activities are outlined. On almost any issue within the competence of the Organization, progress can be made, if the member states show good will, refrain from raising imaginary issues or politicizing real problems, and

- if no country or group of countries seeks any privileged position in the Organization, which is incompatible itself with the essence of multilateral international cooperation.
- There is a need to modernize the Organization, increase its efficiency, and concentrate its activity on solving problems that require the unification of the intellectual forces of whole mankind.

Keywords: UNESCO, UNESCO Constitution, human rights, UN, intellectual and moral solidarity, intellectual cooperation, UNESCO Chairs, culture of peace

For citation: Fedotov M.A. UNESCO's Ark: 80 Years of Journey to an Unattainable Goal // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2025. Vol. 55 (4). P. 8–13; DOI: 10.17323/tis.2025.28838

Intellectual voices must unite to expose injustice,
the trampling or infringement of human rights.
They must propose new solutions to new problems.
Creativity and ideas contain the power to inspire change.
Freedom and justice must be reaffirmed
and forged anew every day.

*Federico Mayor Zaragoza,
Director-General of UNESCO from 1987 to 1999*

November 16, 2025, marked the 80th anniversary of the foundation of the United Nations Educational, Scientific, and Cultural Organization — UNESCO. The Editorial Board of the journal “Works on Intellectual Property”, published for over a quarter of a century by the UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural, and Information Rights at the National Research University Higher School of Economics, could not ignore this significant event.

The philosophical justification for humanity’s need for such an international organization can be found in Kant’s legacy and, in particular, in his treatise “To Perpetual Peace”. Here in particular the organic connection between such categories as “politics”, “peace”, “morality”, “human dignity”, and “human rights” is revealed. Kant was convinced: “True politics, therefore, cannot take a step without giving morality its due first, and although politics itself is a difficult art, its connection with morality is not an art at all, since morality cuts the knot which politics could not untie while they were in dispute. Human rights must be considered sacred, no matter what sacrifices it may cost the ruling power. There is no middle ground here, and one cannot invent a middle ground of pragmatically determined rights (something between rights and benefits)” [1].

These humanistic ideas received universal recognition and normative enshrinement in the fundamental documents of international law only in the mid-20th century, when the unprecedented horrors of World War II were still fresh in the conscience of humanity. It was the barbaric acts of the Nazi invaders and their satellites that pushed the world community to the understanding that “recognition of the inherent dignity and of the equal and inalienable rights of all members of the human family is the foundation of freedom, justice and peace in the

world” [2]. In turn, “since wars begin in the minds of men, it is in the minds of men that the defences of peace must be constructed”, for which “That the wide diffusion of culture, and the education of humanity for justice and liberty and peace are indispensable” [3].

The rejection of mercantilism and political conformism, characteristic for the nascent UNESCO, was most clearly expressed in the unattainably high, but truly Kantian formula: “A peace based only on the economic and political agreements of governments will not be able to win the unanimous, lasting and sincere support of peoples; it must be based, to avoid failure, on the intellectual and moral solidarity of mankind” [3]. The subsequent course of history confirmed both the practical unattainability of this ideal and its enduring value as a goal for the development of the civilization of *homo sapiens*.

In the practice of international relations, attempts have been made before to create a specialized organization whose goal is to develop education and culture on a global scale in order to overcome ignorance and prejudice — fertile ground for hatred, hostility, and discrimination on racial, national, religious, or linguistic grounds. In particular, the International Committee on Intellectual Cooperation, created at the suggestion of Nobel Peace Prize laureate, legal scholar, and theorist of solidarism Leon Bourgeois, has been operating within the framework of the League of Nations since 1922. The executive body of the 12-member Committee was the International Institute of Intellectual Cooperation, founded with financial support from France in 1926. At the same time, the International Bureau of Education was opened in Geneva, which exists to this day as a structural subdivision of UNESCO.

The League of Nations, which during its relatively short history of about a quarter of a century contributed to the settlement of approximately forty international conflicts, nevertheless failed to prevent the Second World War and was doomed. But the idea of the widespread implantation of education and culture for the sake of restoring and preserving world peace has not died. It was already November 16, 1942, when a conference of education ministers of the anti-Hitler coalition countries opened in London. Its initiators were two English intellectuals: Richard Butler and Malcolm Robertson.

In the first stage, they were joined by representatives of eight so-called governments in exile based in London. Step by step, the circle of participants expanded, and the conference acquired the character of a regular event: by December 1945, about 60 meetings were held, in which a representative of the USSR participated as an observer. It was in the depths of the conference that both the idea and the draft of the UNESCO Constitution matured.

Despite the fact that the Soviet observer regularly participated in the conference, the Soviet Union did not become one of the UNESCO founders. Surviving archival documents reveal the reasons for it. On August 3, 1945, three months before the opening of the international conference on establishing UNESCO, the British government sent Moscow an official invitation to take part in it. On September 10, the invitation to the conference opening on November 1 was sent again. However, the persistent politeness of the British did not prevent V.M. Molotov from personally approving a rather harsh response: "In the opinion of the Soviet Government, measures for the preparation and creation of an Organization for Education and Culture, as well as measures for convening a conference to establish such an Organization, should be carried out by the Social and Economic Council of the United Nations after its formation at the upcoming first session of the General Assembly" [4].

Thus, in a personal note from the Soviet ambassador to Great Britain on September 30, 1945, the official version was formulated: the Soviet Union refuses to participate in the creation of UNESCO, as it is outraged by the violation of procedure. And when the British, on November 2, appealed for the third time to the Soviet government to take part in the conference, they were only given the confirmation of the Kremlin's unchanged position.

Finally, on November 13, shortly before the conference closed, the British Embassy transmitted to the USSR Ministry of Foreign Affairs a message from its chairman, once again inviting Moscow to send its representatives. The response given by A.Ya. Vyshinsky, incidentally, much later, on November 21, when the conference had already become a thing of the past, was purely formal and not without a touch of mockery: "The Conference's appeal, received with such a great delay, has been forwarded to the interested Soviet authorities" [5].

As for the real reasons for Moscow's hostile attitude towards the creation of UNESCO, they were obviously rooted in the ideological blinkeredness of the that-time leadership of the totalitarian state. They were organically repelled by the classless, universal human values for which the Organization was founded: intellectual and moral solidarity, respect for the dignity of the human person, freedom to seek objective truth and exchange thoughts and knowledge, and the rooting of the idea of

protecting peace in the minds of people. They say that V.M. Molotov explained to one of his assistants the true reason for the USSR's refusal to participate in the creation of UNESCO: "We cannot allow Anglo-American spies to roam freely throughout our country" [6].

Only on June 25, 1953, after the death of I.V. Stalin and some weakening of the totalitarian order, the board of the USSR Ministry of Foreign Affairs spoke in favor of the country joining UNESCO, together with the "people's democracies" [7]. The Central Committee of the CPSU supported the initiative, and on April 21, 1954, the Soviet ambassador to Great Britain, on behalf of the Government of the USSR, signed the UNESCO Constitution [8].

Russian delegation on 27th session of the General Conference of UNESCO, October 25, 1993 (from left to right): Permanent Representative, Ambassador Mikhail Fedotov, counselor Vladimir Gay, Deputy Permanent Representative Albert Roganov, Chairman of the National Commission for UNESCO, Minister of Science Boris Saltikov (photo is from private archive of author)

Decades have passed since then. Today, we live not only in a different century, but even in a different millennium. Has UNESCO, with its humanistic ideals, become a thing of the irrevocable past? I believe that this is impossible, just as it is unthinkable to abandon the ideals of universal peace, respect for human rights, and the intellectual and moral solidarity of humanity. Of course, in today's conditions these ideals seem even more unattainable than they did at the height of the Cold War. But nevertheless, our country is objectively interested in the UNESCO's ark continuing its' saving journey.

As noted in the Concept of the Humanitarian Policy of the Russian Federation Abroad, "it is necessary to consistently develop cooperation with UNESCO, the purpose of which is to promote the strengthening of peace and security by expanding cooperation between peoples in the fields of education, science and culture. It is important to prevent further politicization of this Organi-

zation by excluding from its agenda issues of territorial integrity and sovereignty, which lead to the emergence of conflict potential on this important international platform. In the interests of preserving UNESCO's traditional atmosphere of consensus, universal involvement, mutual respect, and equal dialogue, attempts by individual states to promote politically motivated and non-universal initiatives should be resolutely suppressed, and the unfounded imposition of discussions on human rights issues within the framework of this Organization should be countered". At the same time, "it is necessary to promote the unification of the Russian public on the basis of the values enshrined in the Constitution of UNESCO, and to more actively utilize Russia's intellectual potential in order to implement the objectives of the Russian Federation's humanitarian policy abroad" [9].

The editorial board of the journal "Works on Intellectual Property" and the staff of the UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights at the Higher School of Economics hope to preserve UNESCO's unique nature — a combination of extraordinary breadth of competence with the organic integrity of its mission — strengthening peace in the minds of people, when international intellectual cooperation fosters a culture of peace as a counterweight to the culture of violence, when solidarity and morality displace suspicion and ignorant aggression.

International cooperation in education, science, culture, and communication is particularly valuable for understanding new civilizational challenges, as the long-term strategic solutions to the problems of strengthening peace and stability in the modern era lay in these areas. This approach to the UNESCO's objectives fits seamlessly into the concept of a multipolar and interdependent world based on the equality of states, the rejection of "double standards", respect for the diversity of cultures, national traditions, and religions, the existence of a single standard of human rights and fundamental democratic institutions throughout the world, and the need for states to pool their efforts in the fight against intolerance, aggressive nationalism, xenophobia, organized crime, and terrorism.

As a person who served as Russia's Ambassador and Permanent Representative to UNESCO in the 1990s, I would venture to note that the continued enhancement of the effectiveness of our interaction with UNESCO is, in my view, linked, firstly, to the growing genuine involvement of Russian partners in its multifaceted practical activities and, secondly, to the persistent search for new points of convergence between the interests of Russia and various groups of countries in specific projects and programs, such as, for example, the preservation of cultural heritage, including intangible heritage, the devel-

opment of creative industries, the regulation of artificial intelligence, etc. The principle of "more specificity, less politicization" perfectly corresponds to the real needs of both the Member States and the entire international community.

Of course, the position of any UNESCO Member State is based on its political preferences and doctrines. And in this sense, every intergovernmental organization is political. But, unlike many other international organizations, such as the OSCE, there are simply no issues within UNESCO's mandate that cannot be resolved by consensus. Agreement can be reached on practically any issue if the member countries show good will, refrain from raising imaginary issues or politicizing real problems, and if no country or group of countries seeks any privileged position in the Organization, which is incompatible itself with the essence of multilateral international cooperation.

Finally, it is fundamentally important to achieve increased efficiency within UNESCO itself, which undoubtedly needs to be modernized as a part of the reform of the entire UN system. This applies even to such small matters as correctness and punctuality in correspondence between the UNESCO Secretariat and partner organizations: national commissions, chairs, associated schools, clubs, etc. At the General Assembly of the Commission of the Russian Federation for UNESCO held in February 2025, it was noted that its members "expect a correction of the current course after the re-election of the Director-General of the Organization at the 43rd session of the General Conference in November of this year".

Guided by the well-known principle of "thinking globally, acting locally", it is necessary to orient the Organization's activities to the maximum extent possible toward solving problems that require the unification of the intellectual and practical efforts of all humanity. As UN Secretary-General Antonio Guterres noted in his opening address to the 40th session of UNESCO's General Conference, "A world with so many divisions and fault lines cannot be sustainable. In this context, UNESCO's work plays a key role in uniting the world" [10].

REFERENCES

1. Kant I. To Perpetual Peace: a Philosophical Essay. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Kant_K_vechnomu_miru.pdf
2. Universal Declaration of Human Rights (adopted by the UN General Assembly on 10.12.1948). Preamble // SPS "ConsultantPlus".
3. Constitution of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (Adopted in

- London on 16 November 1945). Preamble // SPS "ConsultantPlus".
4. Foreign Policy Archives of the Russian Federation. Fund 69, op. 36, p. 117, c. 7, sh. 183.
 5. Foreign Policy Archives of the Russian Federation. Fund 69, op. 37, p. 126, c. 33, sh. 33-34.
 6. Quoted from: UNESCO: Objectives, Structures, Activities. Chronicle, Facts and Figures / comp. W. Reuter and K. Hüfner. M.: Rudomino Publishing House, 2002. P. 149.
 7. Foreign Policy Archives of the Russian Federation. Fund 06, op. 12a, p. 98, c. 41, sh. 16.
 8. Foreign Policy Archives of the Russian Federation. Fund 06, op. 13, p. 74, c. 9, sh. 8–10: Fund 97, op. 36, p. 145, c. 16, sh. 1-2.
 9. Decree of the President of the Russian Federation of September 5, 2022 No. 611 "On approval of the Concept of the Humanitarian Policy of the Russian Federation Abroad" (as amended on October 17, 2022) // SPS "ConsultantPlus".
 10. Official website of UNESCO. URL: <https://www.unesco.org/ru/articles/generalnyy-sekretar-oon-podchekivaet-globalnoe-liderstvo-yunesko-v-oblasti-obrazovaniya-na-40-y>

ЧИНГИЗ АЙТМАТОВ И ЮНЕСКО CHINGIZ AITMATOV AND UNESCO

Акмаль Холматович САИДОВ

Национальный центр Республики Узбекистан по правам человека, Ташкент, Узбекистан,
ncpch2@mail.ru,
ORCID: 0000-0001-9990-0655

Информация об авторе

А.Х. Саидов — депутат Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан, директор Национального центра Республики Узбекистан по правам человека, член Комитета ООН по правам человека, академик Академии наук Республики Узбекистан, иностранный член Российской академии наук, доктор юридических наук, профессор

Аннотация. Проанализированы деятельность Чингиза Айтматова на посту Постоянного представителя Кыргызстана при ЮНЕСКО и его вклад в продвижение концепции «от культуры войны к культуре мира». По инициативе Ч. Айтматова и при поддержке ЮНЕСКО был организован Иссык-Кульский форум, ставший важным шагом в укреплении взаимопонимания между Востоком и Западом. Рассмотрены философско-гуманистические идеи писателя, отраженные в его литературном наследии, общественной и дипломатической деятельности.

Особое внимание уделено концепции ответственности человека перед цивилизацией и проблеме сохранения культурного наследия. Сделан вывод о значительном вкладе Ч. Айтматова в продвижение идеалов ЮНЕСКО и в развитие культурных и образовательных инициатив в мировом масштабе.

Ключевые слова: ЮНЕСКО, дипломатия, культура мира, культура войны, Иссык-Кульский форум, Центральная Азия, международные связи, кыргызская культура, литература

Для цитирования: Саидов А.Х. Чингиз Айтматов и ЮНЕСКО // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 55, № 4. С. 14–23; DOI: 10.17323/tis.2025.28841

• Akmal Kh. SAIDOV

• National Centre of the Republic of Uzbekistan for Human Rights, Tashkent, Uzbekistan,
• ncpch2@mail.ru,
• ORCID: 0000-0001-9990-0655

• Information about the author

• Akmal Kh. Saidov — Deputy of the Legislative Chamber of the Oliy Majlis of the Republic of Uzbekistan, Director of the National Center of the Republic of Uzbekistan for Human Rights, Member of the United Nations Human Rights Committee, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Foreign member of Russian Academy of Science, Doctor of Legal Sciences, Professor

• **Abstract.** The article examines the activities of Chingiz Aitmatov as the Permanent Representative of the Kyrgyz Republic to UNESCO and his contribution to promoting the concept of “from a culture of war to a culture of peace”. On Ch. Aitmatov’s initiative and with the support of UNESCO, the Issyk-Kul Forum was organized an important step toward strengthening mutual understanding between East and West. The paper explores the philosophical and humanistic ideas of the writer, reflected in his literary legacy as well as in his public and diplomatic work.

• Particular attention is given to Ch. Aitmatov’s concept of human responsibility before civilization and to the issue of preserving cultural heritage. The study concludes that Ch. Aitmatov made a significant contribution to promoting UNESCO’s ideals and to the development of cultural and educational initiatives worldwide.

• **Keywords:** UNESCO, diplomacy, culture of peace, culture of war, Issyk-Kul Forum, Central Asia, international relations, Kyrgyz culture, literature

• **For citation:** Saidov A. Kh. Chingiz Aitmatov and UNESCO // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2025. Vol. 55 (4). P. 14–23; DOI: 10.17323/tis.2025.28841

INTRODUCTION

Or, chaque être humain est confronté
à une tâche impérissable —
rester humain, aujourd’hui,
demain, toujours.

Tchinguiz Aïtmatov

Tchinguiz Aïtmatov n’est pas seulement un grand écrivain ; il est une figure d’envergure planétaire, dont les idées artistiques et philosophiques ont façonné non seulement la littérature, mais aussi le paysage culturel du monde contemporain. Il est devenu le symbole même de la capacité de la littérature à influencer les processus mondiaux, à transformer la conscience des peuples et à contribuer à la paix et à la compréhension mutuelle entre les nations.

L’œuvre de Tchinguiz Aïtmatov est aujourd’hui considérée comme un patrimoine commun de l’ensemble du monde turcique. Lorsqu’on évoque la littérature nationale kirghize, le premier nom qui vient à l’esprit, après l’épopée de *Manas*, est celui de Tchinguiz Aïtmatov.

Tout au long de sa vie, Aïtmatov s’est efforcé non seulement de transmettre, à travers ses écrits, de profondes idées philosophiques et humanistes, mais aussi de participer activement à la construction d’une diplomatie de la culture de la paix et au développement des échanges interculturels internationaux. Il croyait fermement que les initiatives littéraires et culturelles pouvaient servir de pont entre les pays, les peuples et les civilisations.

Aujourd’hui, face aux nouveaux défis auxquels l’humanité est confrontée, il importe plus que jamais de se rappeler combien l’héritage créateur de Tchinguiz Aïtmatov demeure un exemple vivant de la manière dont l’art peut constituer un instrument puissant pour la résolution des conflits et le renforcement de la solidarité internationale.

TCHINGUIZ AÏTMATOV — PREMIER REPRÉSENTANT PERMANENT DU KIRGHIZISTAN AUPRÈS DE L’UNESCO

Tchinguiz Aïtmatov a laissé une empreinte profonde dans la diplomatie mondiale, se distinguant non seulement

comme un écrivain de génie, mais également comme une figure majeure du développement des relations culturelles, humanitaires et éducatives internationales [1, p. 3–6]. Sa nomination en tant que premier Représentant permanent du Kirghizistan auprès de l’UNESCO fut un événement hautement symbolique, marquant l’importance de l’échange culturel et de l’établissement de relations diplomatiques pour une jeune nation indépendante.

Durant cette période, Tchinguiz Aïtmatov mit pleinement à profit son prestige international pour promouvoir, sur la scène mondiale, les intérêts d’un Kirghizistan souverain, ainsi que la richesse de sa culture et de son patrimoine littéraire. Son rôle d’ambassadeur dépassait largement les cadres protocolaires de la diplomatie traditionnelle : il devint un véritable pont entre les peuples et les civilisations.

Nommé représentant de son pays auprès de l’UNESCO en qualité “d’ambassadeur de la culture”, Aïtmatov exerça, jusqu’en mars 2008, les fonctions d’Ambassadeur extraordinaire et plénipotentiaire du Kirghizistan en France, en Belgique, au Luxembourg et aux Pays-Bas.

Écrivain profondément humaniste, dont les œuvres ont toujours abordé les grandes questions universelles, Aïtmatov soulignait que la culture, en tant que fondement de l’identité humaine, devait servir de lien essentiel entre les nations. Il comprenait que, dans le monde contemporain, la diplomatie ne saurait se limiter à des considérations politiques ou économiques.

Aïtmatov considérait la littérature comme un instrument privilégié de dialogue interculturel, capable d’instaurer une confiance réciproque entre les États. Il croyait que, grâce à l’éducation permanente pour tous, aux initiatives culturelles et aux échanges scientifiques, l’humanité pouvait s’attaquer aux grands défis de notre temps — guerres, inégalités sociales et incompréhensions entre les peuples.

Pour Tchinguiz Aïtmatov, le rôle de l’UNESCO, en tant qu’organisation internationale, revêtait une dimension non seulement institutionnelle, mais également philosophique et humaniste. Il voyait en elle une plateforme essentielle pour le règlement des questions relatives à la paix, à l’éducation, à la science et à la préservation du patrimoine culturel mondial. Dans sa vision, l’UNESCO devait devenir un centre intellectuel où s’opère un

échange mondial des connaissances et des expériences, favorisant ainsi la stabilité et la paix dans le monde.

Cette conception, Aïtmatov la soutenait activement et la développait à travers son action diplomatique, notamment en intervenant dans divers forums internationaux pour y défendre l'idée du rôle fondamental de la culture et de l'éducation dans la construction d'un monde harmonieux et sûr.

En tant que Représentant permanent du Kirghizistan auprès de l'UNESCO, Tchinguiz Aïtmatov prit une part active à la promotion de projets culturels visant à sauvegarder le patrimoine culturel immatériel. Ces projets comprenaient aussi bien la préservation des traditions populaires que la mise en place de programmes éducatifs destinés à former une nouvelle génération de citoyens d'un jeune État, capables de bâtir la paix sur la base de la compréhension mutuelle.

Dans l'ensemble de son activité diplomatique, Tchinguiz Aïtmatov s'efforça toujours de souligner l'importance du dialogue interculturel comme moyen de renforcer les liens entre les peuples à tous les niveaux — éducatif, social, culturel et politique [2].

Tchinguiz Aïtmatov savait à quel point l'échange ne doit pas se limiter au partage de connaissances, mais inclure également la circulation des idées. Il était convaincu que la littérature, les arts et les sciences humaines jouent un rôle déterminant dans la construction de ponts entre les peuples, particulièrement dans le contexte contemporain marqué par la mondialisation et la diversité culturelle.

Dans son activité diplomatique, il plaçait l'échange culturel au premier plan, considérant que la culture constituait le fondement le plus solide de la coopération entre les nations, indépendamment de leur situation politique ou de leur condition économique. L'application d'une approche civilisationnelle à la pratique diplomatique fut l'un des éléments les plus remarquables de son travail au sein de l'UNESCO.

La valeur de Tchinguiz Aïtmatov en tant que diplomate résidait dans sa capacité à nouer des liens fondés non sur des intérêts conjoncturels, mais sur une vision de coopération durable et sur le respect des valeurs spirituelles et culturelles. Dans le cadre de sa mission d'ambassadeur du Kirghizistan, il sut établir des contacts significatifs avec de nombreux pays et organisations internationales, permettant ainsi à son pays de se faire reconnaître comme un centre culturel et éducatif majeur d'Asie centrale.

Il fut la véritable voix de son peuple, défendant ses intérêts non seulement dans les rencontres officielles, mais aussi dans le cadre plus large des initiatives internationales.

L'action de Tchinguiz Aïtmatov au sein de l'UNESCO permit également au Kirghizistan de mettre en valeur

sa singularité sur la scène mondiale. Ses efforts pour promouvoir la culture kirghize à travers la littérature, la musique et les arts représentèrent une étape décisive dans la construction de l'image internationale du pays en tant que pont culturel entre l'Orient et l'Occident.

Il est important de souligner qu'Aïtmatov insistait toujours sur la nécessité de préserver les traditions nationales tout en restant ouvert au monde — un principe qu'il incarna pleinement à travers sa participation active aux projets internationaux de l'UNESCO. Grâce à ses efforts diplomatiques, le Kirghizistan parvint non seulement à consolider sa position sur la scène internationale, mais aussi à jeter les bases d'une coopération culturelle et éducative durable avec d'autres pays.

L'action de Tchinguiz Aïtmatov au sein de l'UNESCO a démontré de manière éclatante que la diplomatie culturelle peut constituer un instrument puissant pour répondre aux défis mondiaux tels que les conflits, la violence et les inégalités. Dans ses discours comme dans ses écrits, Aïtmatov abordait fréquemment les thèmes du pacifisme, de l'humanisme, de la justice et de la tolérance.

Il croyait profondément que c'est par le respect des cultures et des traditions de chaque peuple que l'on peut construire un monde véritablement pacifique et équitable. Tel fut le message central qu'il s'attacha à diffuser tout au long de sa carrière — un message qui devint une composante essentielle et indissociable de sa mission diplomatique.

Durant son mandat en qualité de Représentant permanent, Tchinguiz Aïtmatov démontra combien la diplomatie culturelle joue un rôle essentiel dans la formation et l'évolution des relations internationales. Sa conception de la diplomatie reposait sur le respect mutuel, un intérêt sincère pour la culture des autres peuples et une volonté constante de bâtir une coopération à long terme. Ces principes, il les incarnait tant lors des rencontres officielles que dans ses échanges personnels avec les représentants d'autres pays.

Tchinguiz Aïtmatov fut l'exemple éclatant d'un "Ambassadeur de la culture" dont l'influence dépassait largement le cadre de l'UNESCO pour rayonner dans un contexte international plus vaste.

L'importance de son travail à la tête de la Représentation permanente du Kirghizistan auprès de l'UNESCO résidait également dans sa contribution au renforcement de l'intérêt mondial pour l'Asie centrale et son patrimoine culturel. Grâce à son activité diplomatique, Aïtmatov contribua à faire mieux connaître, au sein de la communauté internationale, la richesse historique et culturelle de cette région du monde. Ce rayonnement apporta au Kirghizistan, ainsi qu'aux autres pays d'Asie centrale, un prestige et une reconnaissance accrues sur la scène internationale.

L'œuvre diplomatique de Tchinguiz Aïmatov au sein de l'UNESCO reçut une haute appréciation de la part de l'ancien Directeur général de l'Organisation, M. Koïchiro Matsuura, profondément attristé par la nouvelle de sa disparition. Dans son message de condoléances, il souligna :

“Le monde a perdu l'un des grands classiques de la littérature du XXe siècle. Tchinguiz Aïmatov a collaboré étroitement avec l'UNESCO pendant de nombreuses années. Il s'est constamment élevé contre la violence et a plaidé pour le dialogue des civilisations, si indispensable à la préservation de la diversité culturelle unique de l'humanité”, déclara Koïchiro Matsuura [3].

Il adressa ses condoléances à la famille de Tchinguiz Aïmatov, aux autorités du Kirghizistan et à l'ensemble du peuple kirghiz.

Tout en poursuivant son activité littéraire, Tchinguiz Aïmatov exerçait simultanément ses fonctions de Représentant permanent du Kirghizistan auprès de l'UNESCO. Il fut à l'origine de l'organisation du Forum international d'Issyk-Koul, destiné à offrir aux écrivains et aux acteurs de la culture une tribune où partager leur vision du monde contemporain avec les décideurs politiques et initier un dialogue constructif.

Il fut également l'un des principaux organisateurs du Sommet mondial de la montagne [4, p. 265–268], tenu à Bichkek sous l'égide des Nations Unies. Grâce à son engagement actif, l'UNESCO proclama en 2003 l'art oral des conteurs *akyns* du Kirghizistan chef-d'œuvre du patrimoine oral et immatériel de l'humanité [5].

LA PARTICIPATION DE TCHINGUIZ AÏMATOV AUX ACTIVITÉS DE L'UNESCO

Tchinguiz Aïmatov joua un rôle déterminant dans l'organisation, la tenue et la participation à plusieurs événements historiques majeurs de l'UNESCO. Ces manifestations mirent en lumière, aux yeux de la communauté internationale, la richesse du patrimoine culturel de l'Asie centrale et soulignèrent l'importance de la littérature, des arts, des sciences et de l'éducation comme vecteurs essentiels de compréhension mutuelle et de consolidation de la paix entre les nations.

Parmi les manifestations les plus marquantes auxquelles Tchinguiz Aïmatov prit part figurent les célébrations consacrées aux anniversaires de grandes figures historiques et de monuments culturels emblématiques, tels que le 1000e anniversaire de l'épopée de Manas, le 600e anniversaire de Mirzo Ulughbek, le 660e anniversaire d'Amir Timur et le 2500e anniversaire de Boukhara et de Khiva. Ces événements, d'une portée considérable pour l'Asie centrale, revêtirent également une importance mondiale, car ils permirent de mieux faire connaître les spécificités culturelles et historiques uniques de cette région.

Le premier de ces événements majeurs, auquel Tchinguiz Aïmatov participa activement, fut la célébration du 1000e anniversaire de l'épopée de Manas. Ce texte fondateur constitue l'un des trésors culturels les plus précieux du Kirghizistan et de l'ensemble du monde turcique [4]. En 1995, grâce aux efforts personnels de Tchinguiz Aïmatov, l'UNESCO reconnut officiellement le 1000e anniversaire de Manas comme un événement international d'envergure.

Aïmatov contribua non seulement à l'organisation des festivités et des conférences dédiées à cette épopée, mais il prononça également de nombreux discours où il souligna la signification universelle de *Manas* en tant que patrimoine culturel mondial [6]. Cet anniversaire constitua un moment historique pour le Kirghizistan et pour toute l'Asie centrale, attirant l'attention de la communauté mondiale sur cette œuvre monumentale.

L'importance de la célébration du 1000e anniversaire de *Manas* résidait dans le fait que l'épopée ne représente pas uniquement un chef-d'œuvre littéraire, mais aussi un symbole de l'unité des peuples d'Asie centrale. Elle transmet les valeurs les plus profondes et la vision du monde des peuples turciques — leur rapport à la vie, au combat, à l'amour et à la fidélité. *Manas* agit comme un lien entre les générations, et sa reconnaissance internationale dans le cadre de l'UNESCO constitua une étape décisive dans la promotion du patrimoine culturel du Kirghizistan et des pays voisins. Grâce à l'engagement de Tchinguiz Aïmatov, *Manas* fut présenté au monde non seulement comme un monument littéraire, mais également comme un objet d'étude et de reconnaissance universelle.

Un autre événement marquant fut la célébration du 600e anniversaire de la naissance du grand savant et astronome Mirzo Ulughbek. En 1994, grâce aux efforts du Gouvernement de la République d'Ouzbékistan, l'UNESCO organisa une série d'événements internationaux commémorant cet anniversaire, auxquels participèrent d'éminents scientifiques et personnalités culturelles du monde entier.

Mirzo Ulughbek fut l'un des plus grands esprits de son époque, et sa contribution au développement de l'astronomie et de la science universelle demeure inestimable. Son observatoire de Samarcande constitua un centre majeur de savoir et d'enseignement, à partir duquel furent réalisées des découvertes fondamentales dans le domaine astronomique.

Tchinguiz Aïmatov, pour sa part, prit une part active à la préparation et à la tenue de ces célébrations, et dans ses allocutions, il insista sur l'importance du legs scientifique de Mirzo Ulughbek pour la science mondiale et pour l'humanité dans son ensemble.

Tchinguiz Aïmatov soulignait constamment que Mirzo Ulughbek n'était pas seulement une figure historique, mais également un symbole de la quête du savoir

et du progrès scientifique. Ses travaux influencèrent non seulement le développement de la science en Asie centrale, mais également celui du monde arabe et de l'Europe. Selon Aïtmatov, la reconnaissance internationale de Mirzo Ulughbek revêtait une importance particulière, car elle permettait à la communauté mondiale de comprendre que la science et la culture constituent des valeurs universelles, indépendantes du temps et de la géographie.

L'organisation des manifestations commémoratives consacrées à Mirzo Ulughbek représenta ainsi une contribution majeure au renforcement de la coopération scientifique internationale et à la diffusion, à travers le monde, des grandes réalisations de l'Asie centrale.

Un autre événement de haute importance fut la célébration du 660e anniversaire de la naissance de Sahibqiran Amir Timur, figure emblématique qui marqua profondément l'histoire et la culture de l'Asie centrale. Amir Timur fut non seulement un grand stratège et conquérant, mais aussi un mécène éclairé, qui contribua activement au développement des arts, des sciences et de l'éducation dans son empire.

En 1996, l'UNESCO organisa, en collaboration avec la République d'Ouzbékistan, les célébrations du 660e anniversaire d'Amir Timur. Ces commémorations furent accompagnées de conférences scientifiques internationales, où furent abordés non seulement les exploits militaires du grand conquérant, mais aussi son rôle dans le progrès culturel et intellectuel de son temps.

Tchinguiz Aïtmatov prit une part active à ces manifestations, en soulignant l'importance d'Amir Timur non seulement en tant que chef militaire d'exception, mais aussi comme bâtisseur de civilisation, dont les idées et les réalisations conservent une portée durable pour la région et pour le monde. Il fut parmi ceux qui insistèrent sur la nécessité de préserver la mémoire historique et de reconnaître la valeur du patrimoine culturel légué par les grandes figures du passé.

Dans son allocution prononcée lors de la célébration du 660e anniversaire d'Amir Timur, Aïtmatov mit en avant la nécessité de préserver et de faire fructifier cet héritage pour les générations futures, afin qu'elles puissent s'inspirer de l'exemple de tels hommes d'exception. Il observa que la "Timouride" ouzbèke avait su ranimer l'histoire et la modernité, prendre une dimension populaire et devenir un symbole d'unité nationale.

Tchinguiz Aïtmatov affirmait qu'en se tournant vers la figure d'Amir Timur, il percevait sa place singulière et intemporelle dans la conscience des peuples turcophones. À ses yeux, la personnalité d'Amir Timur incarnait un véritable crédo pan-turcique du patriotisme et de la dignité [7].

Un autre événement d'envergure auquel participa activement Tchinguiz Aïtmatov fut la célébration du 2500^e

anniversaire des villes historiques de Boukhara et de Khiva. Ces cités, véritables joyaux du patrimoine universel, ne sont pas seulement des centres culturels et historiques majeurs de l'Asie centrale, mais également des carrefours essentiels de la Route de la Soie.

La célébration de leur 2500e anniversaire constitua un événement d'importance non seulement pour le Kirghizistan, mais aussi pour toute la région. Aïtmatov soutint activement ces commémorations, insistant sur le fait que des villes telles que Boukhara et Khiva ont joué un rôle clé dans le développement du commerce mondial, de la science et de la culture. Leur reconnaissance internationale fut un jalon essentiel dans la mise en valeur de leur contribution à l'histoire de la civilisation mondiale.

Tchinguiz Aïtmatov rappelait inlassablement que la préservation de la mémoire historique et le respect du patrimoine culturel de telles cités ne constituent pas seulement une expression de la fierté nationale, mais aussi un élément fondamental de la culture universelle.

Il était convaincu que la reconnaissance internationale de villes comme Boukhara et Khiva contribue à renforcer la compréhension mutuelle et la paix entre les peuples. Dans toute son activité diplomatique, il s'efforça de démontrer que l'histoire de l'Asie centrale est indissociable de celle du monde, et que le patrimoine culturel de cette région mérite d'être transmis, protégé et célébré par les générations à venir.

LA CONTRIBUTION DE TCHINGUIZ AÏTMATOV À LA CONCEPTION "DE LA CULTURE DE LA GUERRE À LA CULTURE DE LA PAIX"

Tchinguiz Aïtmatov a toujours accordé une attention particulière aux questions de paix, d'humanisme, de science et d'éducation. Son héritage intellectuel ne se limitait pas à son œuvre littéraire: il englobait également une profonde réflexion philosophique sur la place de l'être humain dans le monde, ainsi que sur la nécessité de rechercher les voies d'une coexistence pacifique entre les peuples et les cultures.

L'un des aspects les plus marquants de sa contribution intellectuelle fut sa participation active à l'élaboration de la conception "de la culture de la guerre à la culture de la paix", soutenue par l'UNESCO [8] et l'Assemblée générale des Nations Unies [9]. Cette conception exerça une influence considérable sur la communauté internationale, en soulignant l'importance de surmonter la violence, de lutter pour la paix et d'instaurer un nouvel ordre mondial fondé sur le respect mutuel et la compréhension entre les peuples.

Pour Tchinguiz Aïtmatov, cette question revêtait une signification vitale. Il était convaincu que la littérature et l'art peuvent jouer un rôle déterminant dans la formation

d'une nouvelle culture de la paix. Dans ses œuvres majeures telles que *Le Pendu* (La Plakha), *Djamila* ou *Le Bateau blanc*, il aborda à maintes reprises les thèmes de la violence, de ses conséquences dévastatrices sur la conscience humaine et sur la société, ainsi que la quête intérieure de paix dans un monde traversé par les conflits globaux.

Aïtmatov s'éleva constamment contre toutes les formes de violence, qu'il jugeait incompatibles avec les idéaux humanistes et la bonté intrinsèque de l'être humain. Il croyait fermement que la paix ne peut être atteinte que lorsque les peuples parviennent à se comprendre et à se respecter mutuellement, au-delà des différences de culture, de religion ou de tradition.

Il fut l'un des penseurs contemporains qui propagea avec le plus de conviction l'idée de la paix par la culture. Dans ses discours publics comme dans ses écrits, il souleva à maintes reprises les questions cruciales de la violence, des inégalités et de l'injustice sociale, en appelant à la formation d'une nouvelle culture fondée sur les valeurs de paix, d'amour et d'humanisme.

Dans sa vision, la paix ne se construit pas uniquement par des accords politiques ou des efforts diplomatiques, mais avant tout par la transformation de la conscience humaine, par la reconnaissance de l'importance de la paix intérieure et de l'harmonie. Cette approche constitua le fondement même de sa philosophie et influença profondément son œuvre littéraire, sa pensée morale et son action diplomatique.

Aïtmatov porta une attention particulière à la jeunesse, qu'il considérait comme la force motrice du changement et du renouveau du monde. Il soulignait sans relâche que la construction d'une société pacifique nécessite une éducation fondée sur le respect, la tolérance et l'amour de la paix. Selon lui, c'est par l'éducation, l'échange culturel, la littérature et l'art que l'on peut former une nouvelle génération prête à résoudre les défis mondiaux par des moyens pacifiques.

Dans sa pratique diplomatique, Tchinguiz Aïtmatov soutint activement les projets éducatifs et culturels destinés à promouvoir une culture de paix et de dialogue entre les civilisations.

Son engagement ne se limita pas à la réflexion littéraire et philosophique: il prit une part directe à l'élaboration de programmes et d'initiatives concrètes visant à renforcer la paix et la stabilité à l'échelle mondiale. Il fut parmi ceux qui encouragèrent la participation de l'UNESCO à des initiatives globales pour la sauvegarde de la paix, et dans ce cadre, il proposa la création de plateformes culturelles et éducatives destinées à favoriser la compréhension mutuelle et la coopération entre les peuples.

Tchinguiz Aïtmatov a également apporté un soutien constant aux programmes consacrés à la préservation du patrimoine culturel immatériel, considérant que c'est par

la sauvegarde des cultures et des traditions vivantes que l'on peut établir les fondations de la paix et de la stabilité durables.

Son action au sein de l'UNESCO, tout comme sa participation à d'autres forums internationaux consacrés à la paix, visait à rassembler les efforts des peuples et des États pour relever les défis mondiaux, tels que les guerres, la violence et la pauvreté. Il soulignait inlassablement que la paix ne saurait exister sans concorde ni respect mutuel, et que la culture devait devenir la force unificatrice capable de rapprocher les êtres humains à travers le monde.

La conception de Tchinguiz Aïtmatov intitulée "de la culture de la guerre à la culture de la paix" constitue une étape majeure de la diplomatie internationale, ayant exercé une influence profonde sur l'évolution des initiatives humanitaires et culturelles mondiales.

Aïtmatov était convaincu que la réalisation d'une paix véritable exigeait non seulement une coopération politique, mais aussi une compréhension profonde des différences culturelles, un respect inébranlable des droits humains et une disposition sincère au compromis. Dans cette perspective, son œuvre littéraire et son activité diplomatique illustrent avec éclat la manière dont la culture et la littérature peuvent devenir des instruments au service de la construction d'une société pacifique et harmonieuse.

Il estimait que l'art, la littérature et la culture sont les vecteurs privilégiés de la réconciliation et du dialogue, capables de surmonter les conflits et de créer les conditions d'une coexistence pacifique entre les peuples.

Dans ses romans, ses entretiens et ses interventions lors de forums internationaux, Tchinguiz Aïtmatov ne cessait d'alerter sur les conséquences dévastatrices de la violence et de plaider pour le renoncement aux conflits armés. Il affirmait que l'humanité devait apprendre à résoudre ses différends par des voies pacifiques, et que la culture et l'éducation représentent les instruments essentiels pour y parvenir.

Il convient de souligner que Tchinguiz Aïtmatov ne se contentait jamais de réflexions abstraites: il s'efforçait toujours de proposer des solutions concrètes pour améliorer la condition humaine et réduire la violence dans le monde contemporain.

Le rôle de Tchinguiz Aïtmatov dans le développement de la culture de la paix demeure inestimable. Ses idées conservent aujourd'hui toute leur pertinence, à une époque où le monde se trouve confronté à de nouvelles menaces et de nouveaux défis. Il appelait sans relâche au dialogue, à l'ouverture et à la recherche de solutions communes, susceptibles d'améliorer les relations internationales et de renforcer la paix universelle.

Tchinguiz Aïtmatov était profondément convaincu que la littérature et la culture possèdent le pouvoir de transformer le monde, et sa vie même incarne l'exemple

éclatant d'un homme qui a su influencer le destin de la société tout entière par la force de la pensée et de la parole.

L'UNESCO ET LES FORUMS D'ISSYK-KOUL

Le Forum international d'Issyk-Koul a été créé à l'initiative de Tchinguiz Aïtmatov, dans le but de rassembler les représentants de l'intelligentsia mondiale durant la période soviétique [10, p. 6–7].

Ce forum est devenu un événement international majeur consacré à la réflexion sur les questions d'échanges culturels, de coopération et de paix [11, p. 103–122]. Organisé avec le soutien de l'UNESCO, il a constitué une plateforme significative d'échanges de connaissances et d'expériences entre chercheurs, acteurs culturels, diplomates et responsables politiques.

Tchinguiz Aïtmatov a joué un rôle déterminant dans l'organisation et la tenue du forum, qui s'est déroulé en 2000 sur les rives du lac Issyk-Koul, un lieu porteur d'une profonde signification culturelle et historique dans l'histoire de l'Asie centrale.

Ce forum était consacré aux questions du développement mondial, de la paix et de la coopération durable entre les différentes cultures et régions. Il a réuni d'éminents spécialistes des sciences humaines, de l'éducation et de la culture, et visait à renforcer les liens internationaux tout en recherchant des voies nouvelles pour résoudre les problèmes globaux contemporains.

Les Forums d'Issyk-Koul n'ont pas été de simples manifestations culturelles: ils ont constitué une étape importante dans le renforcement de la compréhension mutuelle entre l'Orient et l'Occident. En tant qu'organisateur et inspirateur du forum, Tchinguiz Aïtmatov souhaitait créer un espace de dialogue ouvert où les participants pouvaient débattre librement des grands défis de l'humanité: la lutte contre la violence, le développement de technologies durables, et la formation de nouveaux standards mondiaux au bénéfice des générations futures.

Dans sa vision, Issyk-Koul représentait non seulement une merveille naturelle, mais également un symbole du potentiel unificateur des efforts pacifiques pour atteindre des objectifs communs.

Les participants du forum, parmi lesquels figuraient des scientifiques et des responsables politiques de renom, ont abordé des thèmes relatifs à la préservation du patrimoine culturel, à l'écologie, ainsi qu'à la création de plateformes éducatives innovantes destinées aux générations futures.

L'un des moments les plus marquants du forum fut la participation de Federico Mayor, éminente personnalité de l'UNESCO, qui prononça un discours majeur sur le rôle des échanges culturels dans le renforcement de la paix internationale.

Federico Mayor souligna l'importance d'initiatives telles que le Forum d'Issyk-Koul, véritables ponts entre les peuples, favorisant le dialogue entre les cultures [12]. Ses propos furent largement soutenus par les autres participants, convaincus que ce type de rencontres constitue un élément essentiel pour le développement de la paix et de la stabilité à l'échelle mondiale.

Il rappela que la coopération dans les domaines de l'éducation et de la culture devait devenir le fondement d'un nouvel ordre mondial, où chaque peuple pourrait préserver son identité culturelle tout en participant activement aux processus globaux.

LE RÔLE DE TCHINGUIZ AÏTMATOV ET L'HÉRITAGE DES FORUMS D'ISSYK-KOUL

Tchinguiz Aïtmatov soutenait activement cette idée, soulignant que la compréhension mutuelle entre les cultures est impossible sans une conscience profonde de la valeur propre à chaque peuple et de son héritage historique. Dans le cadre du Forum, il proposa une série d'initiatives destinées à renforcer la coopération culturelle et éducative en Asie centrale et au-delà.

Parmi ces initiatives figurait un programme de sauvegarde et de valorisation du patrimoine culturel immatériel, visant à mieux faire prendre conscience de l'importance de la préservation des traditions culturelles.

Il affirmait avec conviction que la culture constitue le lien durable entre les nations, un lien capable de favoriser, à long terme, la résolution des problèmes mondiaux.

Les Forums d'Issyk-Koul marquèrent également une étape essentielle dans le développement de la coopération écologique, l'une des principales thématiques abordées étant la préservation des ressources naturelles et l'utilisation durable des ressources hydriques en Asie centrale.

Homme profondément attaché à la nature, qu'il considérait comme une composante indissociable du patrimoine culturel, Tchinguiz Aïtmatov proposa la création de projets écologiques internationaux consacrés à la protection du patrimoine naturel unique de la région. Il estimait que la protection de l'environnement représente un élément fondamental dans la construction d'une paix durable, et que la culture doit servir de catalyseur incitant les peuples à unir leurs efforts pour préserver la nature au bénéfice des générations futures.

Le point culminant du Forum fut l'adoption de résolutions traduisant la volonté des pays d'Asie centrale et d'autres participants de renforcer leurs liens culturels, éducatifs et écologiques sur la scène internationale. L'une des propositions phares portait sur la création d'une plateforme éducative internationale favorisant l'échange de connaissances et de pratiques dans les domaines du

développement durable, de la protection de l'environnement et du patrimoine culturel.

Cette proposition fut unanimement soutenue par les participants du Forum et servit de fondement à plusieurs projets internationaux ultérieurs auxquels les pays d'Asie centrale participèrent activement. Le Forum constitua également une étape décisive dans la promotion du concept de coexistence pacifique entre les peuples, fondée sur le respect, la compréhension mutuelle et la volonté de collaboration.

Ainsi, les Forums d'Issyk-Koul s'imposèrent comme un événement emblématique pour le développement de la diplomatie culturelle en Asie centrale et pour le renforcement des relations internationales dans le domaine humanitaire.

Tchinguiz Aïtmatov, Federico Mayor, ainsi que les autres participants du Forum, démontrèrent comment la culture et l'éducation peuvent devenir des instruments puissants de résolution des défis mondiaux et d'édification d'une paix durable.

Le Forum mit également en lumière l'importance du rôle des acteurs culturels dans la création de plateformes de coopération mondiale, fondées sur les valeurs de paix, de durabilité et de compréhension mutuelle. Dans son discours, Tchinguiz Aïtmatov souligna que seul l'échange culturel peut conduire à un monde libéré de la violence et de l'agression.

Les Forums d'Issyk-Koul ont par ailleurs constitué une étape majeure dans la reconnaissance de l'importance géoculturelle de l'Asie centrale sur la scène internationale.

Tchinguiz Aïtmatov était convaincu que l'intégration des régions et des peuples représente la voie essentielle vers la construction d'un monde où chaque nation serait également estimée et respectée.

Par le biais de ce Forum, furent posées les bases d'une coopération durable, permettant à l'Asie centrale de s'affirmer comme un espace culturel et éducatif de premier plan, contribuant activement à la paix et à la compréhension mutuelle dans le monde.

LES ŒUVRES DE TCHINGUIZ AÏTMATOV EN LANGUE FRANÇAISE

Tchinguiz Aïtmatov a laissé une empreinte indélébile non seulement dans la littérature mondiale, mais aussi dans les traditions littéraires de nombreux pays, grâce à sa capacité unique à transmettre des émotions humaines profondes et des idées philosophiques d'une portée universelle. Écrivain bilingue appartenant à deux cultures, il rédigeait sa prose et ses pièces aussi bien en kirghiz qu'en russe, et ses œuvres ont été traduites dans plus de cent cinquante langues [13].

L'un des exemples les plus éloquentes de sa reconnaissance internationale réside dans la traduction de ses œuvres en langue française, étape majeure dans la diffusion de la littérature kirghize au-delà de ses frontières nationales. Son roman *Djamilia*, traduit en français par Louis Aragon, constitua un véritable événement littéraire en Europe. Le grand poète et écrivain français salua ce texte avec enthousiasme, le qualifiant de "plus beau roman d'amour du monde" [14, p. 7-9]. Grâce à cette traduction, le public francophone découvrit l'univers artistique de Tchinguiz Aïtmatov et fut initié à la profondeur philosophique qui imprègne son œuvre.

La traduction de *Djamilia* devint un pont culturel entre la France et le Kirghizistan, mais aussi entre l'Orient et l'Occident. Ce succès fut bien plus qu'une réussite littéraire: il symbolisa la puissance de la littérature comme instrument de dialogue entre les peuples et les civilisations. Dans ce roman, Aïtmatov aborde des thèmes universels: l'amour, les relations humaines, le patriotisme, ainsi que la lutte contre les barrières intérieures et extérieures. Louis Aragon, profondément ému par le texte, sut en restituer non seulement la finesse artistique, mais aussi la résonance philosophique, touchant ainsi le cœur des lecteurs français.

Pour Tchinguiz Aïtmatov, la traduction de ses œuvres dans d'autres langues représentait toujours une étape essentielle vers la reconnaissance internationale et la diffusion de ses idées humanistes. Il considérait que la littérature devait être accessible à tous, indépendamment des frontières géographiques, et qu'elle constituait un moyen privilégié de promouvoir les valeurs de paix, d'amour et de compréhension mutuelle. La traduction française de *Djamilia* marqua un tournant décisif dans la diffusion de la littérature kirghize en Europe, permettant aux lecteurs francophones de mieux comprendre la culture et les traditions de l'Asie centrale.

Cette traduction n'ouvrit pas seulement les portes de l'univers d'Aïtmatov au lectorat étranger; elle révéla également l'importance du dialogue culturel entre l'Orient et l'Occident. Les lecteurs français purent apprécier pleinement non seulement le style littéraire singulier d'Aïtmatov, mais aussi ses méditations philosophiques sur la vie, l'amour et les valeurs humaines. Ce premier succès marqua le début d'une large diffusion de la littérature kirghize en Europe, et les œuvres d'Aïtmatov gagnèrent progressivement en popularité dans de nombreux pays. Le monde littéraire français, pour sa part, découvrit à travers lui non seulement un écrivain majeur, mais également une nouvelle vague de littérature d'Asie centrale, désormais reconnue à l'échelle internationale.

L'importance de la traduction des œuvres d'Aïtmatov en français réside non seulement dans la transmission de ses idées, mais aussi dans l'ouverture d'une nouvelle

tradition culturelle centrasiatique au public occidental. Il devint ainsi un ambassadeur des cultures, un messenger universel qui, à travers ses livres, ses idées et sa philosophie, s'efforçait de transmettre au monde des valeurs humaines essentielles.

La traduction de Djamilia en français constitua une étape majeure dans la création d'un échange culturel global, un processus qui se poursuit encore aujourd'hui.

Cependant, ce succès ne fut pas un cas isolé. Les romans et nouvelles de Tchingiz Aïmatov furent traduits dans des dizaines de langues, dont l'anglais, l'allemand, l'italien, le japonais et bien d'autres. L'écrivain entretenait une collaboration étroite avec ses traducteurs étrangers, convaincu que la littérature est un langage universel capable d'unir les êtres humains. Ses œuvres ne se limitent pas à transmettre les valeurs de la culture kirghize; elles abordent des thèmes universels qui résonnent dans toutes les sociétés et à toutes les époques.

Aïmatov soulignait constamment que ses livres, quelle que soit la langue dans laquelle ils étaient écrits, devaient servir de ponts entre les peuples. Selon lui, le monde est riche d'une multitude de cultures, chacune porteuse de valeurs précieuses pouvant enrichir les autres. À travers sa littérature, il aspirait à abolir les frontières culturelles et à créer un espace de dialogue autour des grandes questions de l'humanité. La traduction de ses œuvres en d'autres langues constituait donc une étape essentielle dans la réalisation de cet idéal.

Une autre œuvre importante d'Aïmatov traduite en français est le roman *Adieu, Goulsary!* ("Прощай, Гульсары!"), publié en 1966 et traduit en 1968 par Lily Denis. Dans ce texte, Aïmatov explore non seulement le monde intérieur des émotions humaines, mais aussi des questions plus vastes liées au destin de l'homme et à la lutte pour la survie dans les conditions souvent rudes de la réalité sociale. Ce roman représente une contribution majeure à la littérature universelle, en illustrant la force des liens affectifs et la résilience face aux épreuves de l'existence.

Tchingiz Aïmatov ne s'est jamais limité à une ou deux œuvres. En 2008, il publia en français son dernier roman, *Quand les montagnes s'effondrent*, traduit en 2024 par Raphaël Pache. Dans ce livre, Aïmatov poursuit ses réflexions sur le destin de l'humanité, sur la relation entre l'homme et la nature, et sur la quête spirituelle comme dimension essentielle de la vie moderne. Ce roman apparaît comme le testament intellectuel de l'écrivain: une méditation sur le sens de la vie et de la mort, mais aussi sur la responsabilité écologique et morale de l'homme face au monde qu'il habite.

Chaque œuvre de Tchingiz Aïmatov traduite en français représente non seulement un événement littéraire, mais aussi un pont culturel entre l'Orient et l'Occident. Ces traductions constituent un acte de transmission

du souffle et de l'unicité de l'âme kirghize. Qu'il s'agisse de Louis Aragon, de Lily Denis ou plus récemment de Raphaël Pache, chacun de ses traducteurs a cherché à préserver la profondeur de la pensée d'Aïmatov, sa musicalité intérieure et son humanisme. À travers ces traductions, le lecteur francophone découvre un univers encore méconnu: celui de l'Asie centrale, de ses paysages, de ses traditions et de ses hommes, qui, malgré les épreuves, demeurent porteurs d'une inaltérable dignité et d'une force d'âme exceptionnelle.

CONCLUSION

Tchingiz Aïmatov demeure une figure essentielle non seulement de la littérature mondiale, mais aussi de la pensée humaniste contemporaine. Son œuvre, traduite dans de nombreuses langues, a élargi les horizons de la littérature universelle et contribué au dialogue interculturel.

Son héritage ne se résume pas à ses romans: il incarne une véritable philosophie de l'humanité, dans laquelle la culture devient un instrument de paix, de compréhension mutuelle et de transformation sociale. La vie et l'œuvre d'Aïmatov démontrent que la littérature peut non seulement émouvoir, mais aussi éclairer les consciences, rapprocher les peuples et encourager la coopération entre les nations.

Tchingiz Aïmatov reste ainsi un symbole de la puissance morale et spirituelle de la parole écrite — un écrivain et penseur dont le message continue d'inspirer les initiatives culturelles et éducatives dans le monde entier, au service de la paix, du développement durable et du respect mutuel entre les peuples.

REFERENCES

1. Chinaliev U. Predislovie // *Filosofiya zhizni i tvorchestva Chingiza Ajtmatova* / sost. N. Alymbekov, T. Kurbanov, Ch. Kurbanov. Tashkent: Advers-Rous, 2004. S. 3–6.
2. Saidov A.H. Chingiz Ajtmatov kak diplomat // *Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava*. 2012. No. 4. S. 21–42.
3. UNESCO skorbit po povodu konchiny Chingiza Ajtmatova. URL: <https://news.un.org/ru/story/2008/06/1127061> 13 iyunya 2008
4. Akaev A. *Kyrgyzskaya gosudarstvennost' i narodnyj epos "Manas"*. Bishkek: Raritet, 2004. 310 s.
5. Chingiz Ajtmatov — pervyj uchitel' nezavisimogo Kyrgyzstana. URL: <https://www.kp.kg/daily/24213.4/415638/> 11 dekabrya 2008
6. Ajtmatov Ch. *Siyayushchaya vershina drevnekyrgyzskogo duha* // *Enciklopedicheskij fenomen epasa "Manas": sb. st. ob epose "Manas"*. Bishkek, 1995. S. 14–15.

7. *Ajmatov Ch.* Na traverze Amira Temura // Obshchestvennoe mnenie. Prava cheloveka. 2000. No. 1–2. S. 113–116.
8. *Crews J.* UNESCO Mainstreaming — The culture of peace. URL: https://www.researchgate.net/publication/280012004_UNESCO_Mainstreaming_-_The_culture_of_peace
9. Deklaraciya i Programma dejstvij v oblasti kul'tury mira. Prinyata rezolyuciej 53/243 General'noj Assamblei ot 13 sentyabrya 1999 g. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/culture_of_peace.shtml
10. *Ajmatov Ch.* Zavtra rozhdaetsya segodnya // Major Saragosa F. Zavtra vseгда pozdno / per. s isp. Ch. Ajmatova. M.: Progress, 1989. S. 6–7.
11. *Saidov A.* Fenomen Chingiza Ajmatova. Tashkent: Muharrir nashriyoti, 2019. S. 103–122.
12. *Major Saragosa F.* Kul'tura mira kak osnova social'nogo, kul'turnogo i ekonomicheskogo razvitiya // Central'naya Aziya i kul'tura mira. 1997. No. 2-3.
13. A Kyrgyz writer, his books were translated into 150 languages // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/books/2008/jul/15/culture.obituaries>
14. *Aragon L.* Samaya prekrasnaya povest' o lyubvi v mire // Kovcheg Chingiza Ajmatova. M.: Voskresen'e, 2004. S. 7–9.

РАЗВИТИЕ ИДЕЙ ХАРТИИ ЮНЕСКО О СОХРАНЕНИИ ЦИФРОВОГО НАСЛЕДИЯ В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

DEVELOPMENT OF THE IDEAS OF THE UNESCO CHARTER ON THE PRESERVATION OF DIGITAL HERITAGE IN THE AGE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Виктор Борисович НАУМОВ

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Российская Федерация,
nau@russianlaw.net,
ORCID: 0000-0003-3453-6703

Информация об авторе

В.Б. Наумов — главный научный сотрудник Сектора информационного права и международной информационной безопасности ИГП РАН, руководитель проекта «Сохраненная культура», доктор юридических наук

Аннотация. Проанализировано развитие общественных отношений, связанных с цифровым сохранением наследия и цифровой трансформацией жизнедеятельности человека. Дана оценка применимости положений Хартии ЮНЕСКО о сохранении цифрового наследия и рассмотрены новые угрозы для сохранения наследия в мире. Предложены идеи и тезисы для обновления Хартии в современную эпоху искусственного интеллекта.

Ключевые слова: ЮНЕСКО, культурное наследие, цифровое сохранение, знания, цифровая трансформация, искусственные интеллект

Для цитирования: Наумов В.Б. Развитие идей Хартии ЮНЕСКО о сохранении цифрового наследия в эпоху искусственного интеллекта // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 55, № 4. С. 24–30; DOI: 10.17323/tis.2025.28842

• **Victor B. NAUMOV**
• State and Law Institute of the Russian Academy of Sciences,
• Moscow, Russian Federation,
• nau@russianlaw.net,
• ORCID: 0000-0003-3453-6703

• Information about the author

• V.B. Naumov — Principal Researcher of the Sector of Information Law and International Information Security, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Head of the “Preserved Culture” project, Doctor of Legal Sciences

• **Abstract.** The article provides an analysis of the development of public relations related to the digital preservation of heritage and the digital transformation of human life. It assesses the applicability of the UNESCO Charter on the Preservation of Digital Heritage and examines new threats to the preservation of heritage around the world. The article also offers ideas and principles for updating the Charter in the modern era of artificial intelligence.

• **Keywords:** UNESCO, cultural heritage, digital preservation, knowledge, digital transformation, artificial intelligence

• **For citation:** Naumov V.B. Development of the Ideas of the UNESCO Charter on the Preservation of Digital Heritage in the Age of Artificial Intelligence // Trudi po Intellectually Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). Vol. 55 (4). P. 24–30; DOI: 10.17323/tis.2025.28842

В случае непринятия мер, направленных на предотвращение преобладающих угроз, произойдет быстрая и неизбежная утрата цифрового наследия.

Ст. 4 Хартии ЮНЕСКО о сохранении цифрового наследия, 2003 г. [1]

Осенью 2025 г. мировая общественность отметила не только 80-летний юбилей ЮНЕСКО, но и очередную годовщину принятия Хартии ЮНЕСКО о сохранении цифрового наследия.

В этом документе, принятом в 2003 г., ЮНЕСКО объявила о том, что различные информационные ресурсы и творческие произведения «во все большей степени создаются, распространяются, становятся доступными и сохраняются в цифровой форме, образуя тем самым новый вид наследия — цифровое наследие». Так ЮНЕСКО обозначила новую веху, которая могла бы ознаменовать переход от информационного общества к обществу знаний. Однако по независящим от создателей Хартии причинам этого не произошло. Что на это повлияло и как целесообразно далее развивать указанный документ, рассмотрим с учетом тех общественных закономерностей, которые сложились в последние годы, в том числе в связи с массовым внедрением в коммуникации и распространением контента технологий искусственного интеллекта. Также для определения путей совершенствования Хартии спустя десятилетия немаловажно оценить, насколько выявленные в ней закономерности развития нового информационного общества в части культурного наследия релевантны реалиям первой четверти XXI в.

Хартия ЮНЕСКО о сохранении цифрового наследия следующим образом раскрывает понятие наследия: «Оно охватывает ресурсы, относящиеся к области культуры, образования, науки и управления, а также информацию технического, правового, медицинского и иного характера, которые создаются в цифровой форме либо переводятся в цифровой формат путем преобразования существующих ресурсов на аналоговых носителях». Там же указано, что эти «цифровые материалы включают в себя текстовые документы, базы данных, неподвижные и движущиеся изображения, звуковые и графические материалы, программное обеспечение и веб-страницы, представ-

ленные в значительном и непрерывно увеличивающемся количестве форматов» (ст. 1).

Для целей настоящего анализа можно довольствоваться указанным определением и не углубляться в имеющийся в международно-правовой сфере терминологический аппарат, но при этом нужно иметь в виду, что ряд его позиций может быть предметом существенной критики и требовать переосмысления. Например, понимание категории «нематериальное культурное наследие» в Конвенции ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия, принятой 17 октября 2003 г. [2] раскрывается как «обычай, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия» (ст. 2). Этот термин в Конвенции взаимосвязан с такими понятиями, как традиции, обряды, обычаи, исполнительские искусства и тому подобное, что представляется неправильным сужением предметной области. Таких предметных методологических моментов в международно-правовом регулировании и программных документах немало, что потребует в ближайшем будущем ревизии системы понятий и принципов в сфере создания и охраны цифрового культурного наследия человечества.

В 2003 г. было заявлено, что в рамках обозначенного нового этапа развития человечества цифровое наследие должно служить для поддержки творческой деятельности, коммуникаций между социальными группами и народами и, как отдельно отмечалось, для совместного использования знаний в мире. По сути, был объявлен лозунг «Цифровое наследие как общее наследие».

Созданная де-факто на рубеже столетий Хартия была прогрессивным на тот момент средоточием идей развития человечества, в правильности которых мало кто сомневался. Сейчас было бы неправильно критиковать создателей этого документа, ведь для начала столетия предложенные основания для развития человечества были представлены сообразно существовавшим на тот момент пониманию и ожиданиям развития информационных отношений и технологий

и всеобъемлющего прогресса человечества. Нужно отдавать себе отчет, что прошедшие два десятилетия кардинально изменили траекторию развития информационного общества и человечества в целом, поэтому, к сожалению, говорить о прогрессе пока рано.

К числу факторов и обстоятельств в мире, влияющих на развитие человечества, технологий и культуру, которые на момент разработки документа было очень сложно или невозможно предвидеть, можно отнести:

1) деглобализацию, геополитические войны, противостояние в информационном пространстве, а также активное использование цифровых технологий для подрыва суверенитета и вмешательства во внутренние дела государств, когда в результате интернет и цифровые технологии перестали восприниматься как исключительное благо;

2) монополизм ограниченного количества цифровых платформ в мире и регионах (их несколько десятков), владельцы которых организуют информационные отношения по доступу к контенту, имея во главе угла единственную цель бизнеса — извлечение прибыли, через максимальную монетизацию активности собственных пользователей; на этом фоне многообразие интернет-ресурсов 90-х годов прошлого века и начала 2000-х, хоть и сохранилось, но их посещаемость резко сократилась и стала составлять доли процента посещаемости мегаплатформ, а также ставших популярными десятилетия назад мессенджеров;

3) ослабление значения духовно-нравственных ценностей в мире и падение роли учреждений культуры и образования в информационном пространстве в условиях деятельности указанных цифровых платформ;

4) повсеместное использование в качестве стандарта в цифровом бизнесе в течение последнего десятилетия технологий таргетирования пользователей и рекомендательных технологий, навязывающих контент и лишаящих человека права выбора, в том числе из реально интересующих его знаний, что приводит к замене знаний развлекательным контентом и геймификацией коммуникаций;

5) современное победное шествие генеративного искусственного интеллекта, когда доля созданного не человеком контента стала резко уменьшаться, а его творческое участие в информационных процессах — сокращаться;

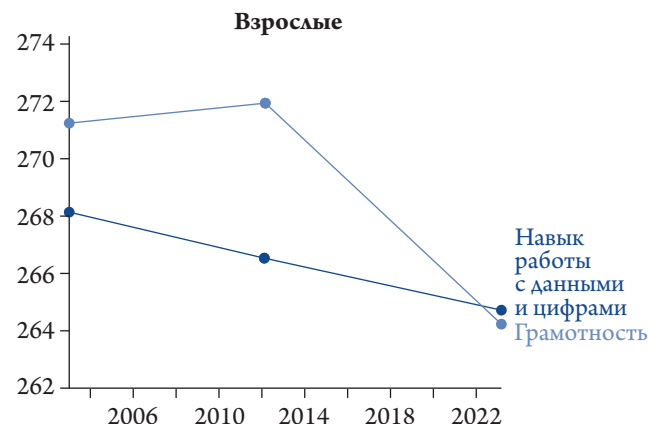
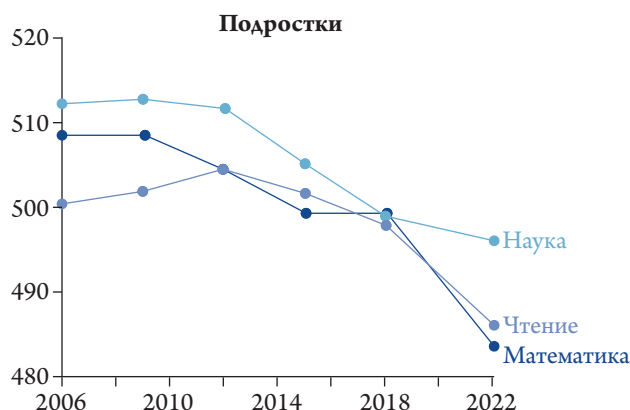
6) COVID-19 как инструмент, разрушивший для части человечества традиционные стабильные коммуникации и основы человеческого общежития, когда управление страхом переформатировало очень многое в нашей жизни.

Соглашаясь с тезисом о том, что всегда гораздо проще критиковать, тем более спустя много лет, следует отметить, что в начале XXI в. при прогнозировании логики развития человечества в нематериальном информационном мире возможно стало учитывать и возрастающую зависимость от технологий, которая сейчас близка к критической, серьезный «информационный шум», усталость индивидуума из-за потоков информации, развитие известного еще в конце 90-х явления «цифрового неравенства» и, главное, сформировавшуюся в мире устойчивую систему потребления в капиталистическом обществе, когда потребительские ценности многие десятилетия активно и эффективно эксплуатируются в современном цифровом мире, порождая в том числе тотальную пропаганду преимущества всего цифрового, включая искусственный интеллект, перед устаревшей и «неутилитарной» моделью прошлого.

Нужно отметить, что подход через ценность потребления нашел выражение еще в одном важном международном документе — Конвенции ЮНЕСКО об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения [3], принятой 20 октября 2005 г. В ст. 4 этой Конвенции говорится о культурной деятельности, культурных товарах и услугах, а также декларируется «индустрия культуры». Несомненно, сочетание культуры с товарами и услугами в последнее время встречается реже, оно заменено категорией «креативные индустрии», но деформированное понимание действительности в отношении явления культуры в развитии человечества, появившееся ровно два десятилетия назад (очередной юбилей!), как тесно взаимосвязанного с бизнесом, до сих пор оказывает негативное методологическое влияние, например, в части критериев оценки успешности культурной деятельности, взятых из системы критериев успешности деятельности коммерческой. Это рождает ложное понимание, что главное, например, для успешного цифрового проекта — это количество посещений ресурса, а они сейчас, как и все связанное с цифровым бизнесом, не отражают объективную картину освоения знаний и восприятия культурно-исторического наследия.

В 2003 г. еще не был замечен эффект от воздействия на людей сочетания экономики потребления и информационного общества. Сейчас он выглядит драматически — на рисунке представлены результаты исследований из [4], построенных на данных Организации экономического сотрудничества и развития (OECD) об уровне знаний подростков и взрослых применительно к сфере логических рассуждений и решению интеллектуальных задач.

Средние баллы по оценкам интеллектуальных навыков и знаний в различных областях
в странах с высоким уровнем дохода

Снижение интеллектуальных навыков не способствует даже поддержанию интереса человечества к знаниям и культуре на уровне прежних десятилетий.

Достижением Хартии ЮНЕСКО о сохранении цифрового наследия можно назвать обозначение существенного для человечества риска, ранее не рассматриваемого ни в программных документах, ни в нормативно-правовых актах в мире, — риска утраты цифрового наследия. Говоря об угрозах утраты цифрового наследия, ЮНЕСКО перечисляет причины: устаревание оборудования и программ, неопределенность финансирования, отсутствие предметного законодательства и др. (ст. 3). К сожалению, в России соответствующие полноценные законодательные решения о цифровом сохранении наследия до сих пор не появились, и в целом координацией усилий государства и общества в этой сфере никто предметно и систематически не занимается.

В ст. 9 Конвенции говорится, что, хотя «цифровое наследие по своей природе не ограничено с точки зрения времени, географии, культуры или формы... оно, тем не менее, потенциально доступно любому человеку на планете. Меньшинство имеет возможность обратиться к большинству, индивидуум — к мировой аудитории». В ст. 5 упоминается об обеспечении преемственности цифрового наследия. В Хартии указано, что сохранение наследия потребует принятия мер на протяжении всего «периода жизни» цифровой информации — от ее создания до получения доступа.

Критически важным в этих тезисах является указание на категорию «возможность», которая никем не гарантирована и не обеспечена ресурсами, то есть такое обращение — это удел долей процента пользователей. Эта же категория указана в отношении получения доступа для упомянутой выше преемственности, когда доступ получить технически можно, но совершенно непонятно, как это обеспечить на практике для

значительного числа людей, смотрящих только то, что им навязывают платформы-монополисты.

Это представляется одной из самых болезненных точек применения Хартии в современном мире, что требует глубокого переосмысления и может стать важной причиной разработки и принятия нового программного документа ЮНЕСКО (или иной международной организации).

На основе собственного опыта реализации проекта «Сохраненная культура», развивающегося без государственного и грантового финансирования [5], автор этой статьи предлагает следующее понимание явления цифрового сохранения наследия, включающего несколько взаимосвязанных процессов и видов отношений. На современном этапе под сохранением наследия в цифровом пространстве следует понимать не только «1) создание произведений, 2) актуализацию старых объектов и 3) их представление в «цифре», но и 4) их продвижение и 5) привлечение внимания за счет вовлечения в это разных поколений, включая молодежь» [6], в рамках организации социальных процессов по созданию сообщества единомышленников вокруг той или иной культурной инициативы.

Продвижение идеи сохранения наследия, привлечение внимания к ней и соответствующая социальная кооперация людей не были предметом внимания Хартии, несмотря на то что частично о кооперации упоминает ее ст. 10, указывающая на побуждение «разработчиков аппаратного и программного обеспечения, создателей, издателей, производителей и распространителей цифровых материалов, равно как и других партнеров, представляющих частный сектор, к сотрудничеству по вопросам сохранения цифрового наследия с национальными библиотеками, архивами, музеями и иными публичными организациями в области наследия».

Еще одной важной причиной, требующей разработки нового документа, является массовое падение

доверия к знаниям и информации в цифровом пространстве, а также взаимосвязанное с этим негативное влияние технологий искусственного интеллекта — создающее угрозу достоверности и доверию и приводящее к «замусориванию» информационных ресурсов и систем контентом, как не имеющим никакого существенного значения, так и сгенерированным исключительно с помощью технологий ИИ.

Масштабы перечисленных явлений до конца неясны, но уже сейчас наличие этих отрицательно воздействующих процессов (обусловленных в том числе «галлюцинациями» ИИ, информационными войнами и мошенничеством с использованием дипфейков) игнорировать невозможно — они стали касаться буквально каждого пользователя. Так, можно привести сравнительно безобидный пример «фантазий» ИИ о несуществующих публикациях автора (и, возможно, несуществующих цитатах, обусловленных несуществующими работами), почерпнутый из автоматической выдачи информационной системы Elibrary (см. таблицу)¹.

Несуществующие научные работы В.Б. Наумова (с соавторами)

1	Архипов В.В., Наумов В.Б. Очерки робототехники и права. СПб.: АСТ, 2017. 224 с.
2	Наумов В.Б. Искусственный интеллект и право. СПб.: АСТ, 2018. 216 с.
3	Архипов В.В., Наумов В.Б. Правосубъектность искусственного интеллекта: к постановке проблемы // Право и современные технологии. 2017. № 2. С. 160–172.
4	Наумов В.Б. Информационное право. СПб.: Питер, 2022.
5	Наумов В.Б., Незнамов А.В., Смирнова К.М. Этико-правовые принципы применения технологий искусственного интеллекта в медицине: международные стандарты и российская перспектива // Вестник Московского университета. Сер. 11: «Право». 2023. № 2. С. 63–76.
6	Архипов В.В., Наумов В.Б. Очерки робототехники и права. СПб.: АСТ, 2017. 224 с.
7	Наумов В.Б. Искусственный интеллект и право. СПб.: АСТ, 2018. 216 с.

Примеров «замусоривания» и искажений из-за функционирования искусственного интеллекта становится все больше, и в ряде случаев это уже приводит

¹ Запрос в системе Elibrary.Ru по состоянию на 14 октября 2025 г. выглядел следующим образом: «Вывести список публикаций, цитирующих работы автора» / «непривязанные ссылки, которые могут принадлежать данному автору».

к неработоспособности существовавших много лет информационных систем и ресурсов. В этой связи интересен опыт WikiProject AI Cleanup², когда в известной интернет-энциклопедии стали целенаправленно бороться с плодами фантазии искусственного интеллекта [7].

Автор придерживается позиции, что генеративный ИИ в слабой современной предметной системе этики и права, которая крайне скупо регулирует область, — это удар по сохранению культурного наследия и в целом по накапливаемым человечеством знаниям. Однако это, конечно, не означает, что системы с искусственным интеллектом³ — это исключительно негативный инструментарий. Есть масса сфер, где указанные технологии улучшают результаты жизнедеятельности человека и человечества⁴, вопрос — в глубине их проникновения в социальную сферу и процессы, связанные с человеческой личностью.

Закономерно, что Хартия не могла учитывать эти обстоятельства, хотя в ее ст. 8 упоминается такое явление, как манипуляции с материалами цифрового наследия или намеренное внесение в них изменений.

В эпоху искусственного интеллекта требование аутентичности нужно расширить требованием идентификации контента и его авторов, что позволит отличать сгенерированное информационными системами от интеллектуальной человеческой деятельности, а также различать степень участия человека в создании контента при использовании им искусственного

² В соответствии с ч. 1 ст. 11 ФЗ от 01.07.2021 № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” на территории Российской Федерации», Роскомнадзор принял решение об информировании пользователей ru.wikipedia.org, что иностранное лицо, владеющее информационным ресурсом, является нарушителем законодательства Российской Федерации.

³ По мнению автора, «искусственный интеллект — информационная система, результаты функционирования которой являются непредсказуемыми для человека по причине способности соответствующей системы самостоятельно определять порядок решения заданных для нее задач (в том числе в силу применения технологий самообучения)». См. термин в статье: Архипов В.В., Брагинцев А.Ю., Грачева А.В., Наумов В.Б. На пути к юридическому определению искусственного интеллекта // Информационное право. 2021. № 4. С. 22–26.

⁴ Без технологий искусственного интеллекта в авторском проекте «Сохраненная культура» не удалось бы достичь интересных результатов по трехмерному аутентичному восстановлению разрушенных зданий и городов. См., в частности, инициативы «Цифровой Сталинград» (https://kochedamov.ru/3d_stalingrad), которые служат улучшению качества исходных изображений и построению и обработке трехмерных моделей. См. подробнее статью В.Б. Наумова, Е.С. Радченко, А.Н. Асмолова, П.П. Олейникова, О.Г. Мельникова «Методология цифрового сохранения архитектурного наследия, в общественной инициативе “Цифровой Сталинград”», опубликованную в журнале «Архитектура и строительство России» (2023. № 3 (247). С. 95–101).

интеллекта. При экспоненциально растущей популярности этих технологий важно оперативное создание «системы идентификаторов, связанной с использованием искусственного интеллекта, служащей для идентификации объектов, созданных на основе технологий искусственного интеллекта, и установления требований по самоидентификации устройств и решений на основе технологий искусственного интеллекта при взаимодействии с человеком и гражданином по вопросам, затрагивающим его права, свободы и законные интересы» [8].

Если, с одной стороны, не будет указано, что сделано человеком, а что — результат функционирования «машины», а с другой стороны, не будет защищена сама творческая деятельность как неотъемлемая часть бытия, то человечество ожидают возрастающие риски потери доверия к знаниям, выраженным в форме цифровых объектов, а также потеря осознания важности творческой деятельности. Это может привести к трансформации человека во что-то иное.

Помимо потери доверия есть еще управление доступностью тех или иных знаний и информации за счет использования все тех же технологий искусственного интеллекта — рекомендательных технологий. Год назад автор описал в «Трудах по интеллектуальной собственности» эксперимент по «рилизации» фильма «Архитектура блокады» [6] и обратил внимание читателей на то, что именно они все больше влияют на доступ к цифровому культурному наследию. В будущих международных программных документах и актах требуется представить механизмы, учитывающие это явление, направленное пока только на повышение доходности доставки контента его потребителям.

Отдельным правовым механизмом защиты человека и человечества в этих условиях должно стать право на отказ от использования цифровых технологий, включая технологии искусственного интеллекта. Это право «должно стать универсальным правом человека и гражданина и развиваться совместно с формируемыми сейчас требованиями к идентификации объектов в сфере использования искусственного интеллекта» [9]. Оно должно сочетаться с частичным запретом на его использование в ряде сфер, включая дошкольное и школьное образование.

Двадцать с лишним лет назад создатели Хартии прозорливо указывали (ст. 3) на то, что «развитие технологий опережает изменение поведенческих установок» и что «цифровая эволюция оказалась слишком стремительной и дорогостоящей, для того чтобы правительства и учреждения смогли ... разработать стратегии сохранения цифрового наследия». Представляется, что за этот большой (с учетом недолгого периода истории процессов цифровой трансформа-

ции на фоне истории развития человечества и научно-технического прогресса) период времени человечество, международные организации и государства проигнорировали обозначенные риски и угрозы, не создав устойчивой системы управления цифровым сохранением наследия.

Это означает, что в России экстренно требуется «кардинальное обновление законодательства об объектах культурного наследия совместно с принятием новых и изменением существующих стратегических документов и программ» [6] с учетом реалий новых общественных отношений и тех угроз, которые таит в себе цифровая трансформация.

В отношении предмета Хартии необходимы пересмотр логики и структуры документа и раскрытие всех процессов по цифровому сохранению наследия как системной деятельности, связанной с жизненным циклом оборота соответствующих знаний. Она тем успешнее, чем сильнее кооперация между людьми и социальными группами, для которых культурно-историческое наследие является объективной ценностью.

Это должно сочетаться с защитой творчества человека и мерами по обеспечению привлечения внимания и пропаганде достоверных знаний о наследии человечества. Проблеме достоверности и аутентичности должна быть посвящена значительная часть документа с перечислением и раскрытием мер, направленных на их обеспечение, включая маркировку контента и идентификацию участников правоотношений.

Следует также закрепить перечень сфер жизнедеятельности и видов правоотношений, где использование технологий искусственного интеллекта ограничено и/или запрещено.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хартия о сохранении цифрового наследия [2003] // Библиотекосведение. 2004. № 6. С. 40–43.
2. Конвенция об охране нематериального культурного наследия. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (дата обращения: 12.10.2025).
3. Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_expression.shtml (дата обращения: 12.10.2025).
4. Burn-Murdoch John. Have humans passed peak brain power? // Financial Times <https://www.ft.com> › Health › Technology › OECD, Mart 13, 2025.
5. Наумов В.Б. Методология сохранения культурного наследия на примере проекта «Сохраненная культура» // Ценности и смыслы. 2023. № 2 (84). С. 6–23.

6. Наумов В.Б. Проблемы цифрового сохранения культурного наследия: в поисках социально-правовых решений // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2024. Т. 51, № 4. С. 37–50.
7. В Wikipedia решили проблему сгенерированных ИИ фейковых статей // Газета.Ru. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2024/10/11/24129907.shtml> (дата обращения: 12.10.2025).
8. Наумов В.Б. Институт идентификации в информационном праве: автореф... дис. д-ра. юр. наук / Институт государства и права РАН. М., 2021. 52 с.
9. Наумов В.Б. Право на отказ от цифровых технологий в сфере искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 10 (122). С. 26–36.

REFERENCES

1. The Charter on the Preservation of Digital Heritage [2003] // Bibliotekovedenie. 2004. No.6. S. 40–43.
2. The Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_heritage_conv.shtml (data obrashcheniya: 12.10.2025).
3. The Convention on the Protection and Promotion of the Diversity of Cultural Expressions. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cultural_expression.shtml (data obrashcheniya: 12.10.2025).
4. Burn-Murdoch John. Have humans passed peak brain power? // Financial Times. URL: <https://www.ft.com › Health › Technology › OECD, Mart 13, 2025>.
5. Naumov V.B. Metodologiya sokhraneniya kulturnogo naslediya na primere proekta "Sokhrannaya kultura" // Tsennosti i smisli. 2023. No. 2 (84). S. 6–23.
6. Naumov V.B. Problemi tsifrovogo sokhraneniya kulturnogo naslediya: v poiskakh sotsialno-pravovikh reshenii // Trudi po intellektualnoi sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2024. T. 51, No. 4. S. 37–50.
7. В Wikipedia reshili problemu sgenerirovannikh II feikovikh statei // Gazeta.Ru. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2024/10/11/24129907.shtml> (data obrashcheniya: 12.10.2025).
8. Naumov V.B. Institut identifikatsii v informatsionnom prave: avtoref... dis. dok. jurid. Nauk / Institut gosudarstva i prava RAN. M., 2021. 52 s.
9. Naumov V.B. Pravo na otkaz ot tsifrovikh tekhnologii v sfere iskusstvennogo intellekta // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). 2024. No. 10 (122). S. 26–36.

Научная статья

УДК: 004.85

DOI: 10.17323/tis.2025.28810

Original article

ЗАЩИТА ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ ОТ ДЕСТРУКТИВНОЙ ИНФОРМАЦИИ

PROTECTION OF THE INFORMATION SPACE FROM DESTRUCTIVE INFORMATION BY LEGAL MEANS

Анна Константиновна ЖАРОВА

Институт государства и права РАН, Москва, Россия,
anna_jarova@mail.,
ORCID 0000-0002-2981-3369

Информация об авторе

А.К. Жарова — ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук, доцент

Аннотация. В условиях стремительной цифровизации общества и экспоненциального роста преступности в информационной сфере защита информационного пространства от деструктивного контента становится одним из приоритетных направлений государственной политики.

В статье проанализированы произошедшие в 2024 г. законодательные трансформации, осуществлена их систематизация и в структурированной форме изложена полученная система правовых норм. Также рассмотрена эволюция правового термина «деструктивный контент» и проанализированы акценты, расставленные в ходе его формирования.

Сделан вывод, что статьи КоАП РФ, УК РФ, устанавливающие меры ответственности за противодействие устойчивости функционирования критической информационной инфраструктуры (КИИ), не предусматривают ответственность за проведение компьютерной атаки. В то же время компьютерные атаки не только подрывают устойчивость функционирования КИИ, но

- и являются инструментом большинства злонамеренных действий, в том числе в целях распространения деструктивного контента. Например, это может быть сделано с использованием вредоносного программного обеспечения и бот-сетей, а также методов социальной инженерии.

- Это указывает на то, что за пределами административно-правового и уголовно-правового регулирования остаются вопросы установления ответственности за проведение компьютерных атак, в том числе за распространение деструктивного контента, ставшее следствием компьютерной атаки.

- **Ключевые слова:** деструктивный контент, информационное право, административное право, уголовное право, информационная безопасность, цифровизация, Роскомнадзор

- **Для цитирования:** Жарова А.К. Защита информационного пространства правовыми средствами от деструктивной информации // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 55, № 4. С. 31-41; DOI: 10.17323/tis.2025.28810

- **Anna Konstantinovna ZHAROVA**
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
anna_jarova@mail.ru,
ORCID 0000-0002-2981-3369

Information about the author

A.K. Zharova — Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Associate Professor, Associate Member of the UNESCO Chair of Copyright, Related, Cultural and Information Rights of the National Research University Higher School of Economics

Abstract. In the context of the rapid digitalization of society and the exponential growth of crime in the information sphere, the protection of the information space from destructive content is becoming one of the priorities of government policy.

This article analyzes the legislative changes that occurred in 2024, systematizes them, and presents the resulting system of legal norms in a structured form. It also examines the evolution of the legal term “destructive content” and analyzes the emphasis placed during its development.

It is concluded that the articles of the Administrative Code of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation, which establish measures of responsibility for countering the stability of the functioning of the Critical Information Infrastructure (CII), do not provide for responsibility for conducting a computer attack. At the same time computer attacks not only undermine the stability of the CII, they are also a tool for the most malicious actions, including the dissemination of destructive content. For example, this can be done using malicious software and botnets, as well as social engineering methods.

This indicates that the issues of establishing responsibility for computer attacks, including the distribution of destructive content committed as a result of a computer attack, remain outside the limits of administrative and criminal law regulation.

Keywords: destructive content, information law, administrative law, criminal law, information security, digitalization, Roskomnadzor

For citation: Zharova A.K. Protection of the Information Space from Destructive Information by Legal Means. 2025. No. 55 (4). P. 31–41. DOI: 10.17323/tis.2025.28810

ВВЕДЕНИЕ

Стремительное развитие информационных технологий и повсеместная цифровизация общественных отношений актуализировали проблему защиты информационного пространства от различных форм деструктивного контента. Деструктивный контент представляет серьезную угрозу для общественной безопасности, нравственности и психологического благополучия граждан, что обуславливает необходимость совершенствования в том числе уголовно-правовых методов противодействия данному явлению.

За 2024 г. произошли значительные законодательные изменения, направленные на обеспечение защищенности граждан и общества от деструктивного контента, которые затронули информационное, административное и уголовное право. Тем не менее, несмотря на внесенные изменения, вопросы распространения деструктивного контента, возникающего, например, в результате осуществления компьютерных атак, остаются вне рамок административно-правового и уголовно-правового регулирования.

В статье проанализированы произошедшие законодательные изменения, осуществлены их систематизация и структурированное представление полученной системы.

ПОНЯТИЕ «ДЕСТРУКТИВНЫЙ КОНТЕНТ»

Проблема распространения деструктивного контента существует давно. Еще в 2015 г. ученые говорили о важности принятия административных и уголовных мер к лицам, распространяющим в интернете информацию, которая порочит граждан [15, с. 1174–1177].

Впервые правовое понятие «деструктивный контент» было раскрыто в 2014 г. в Постановлении Правительства РФ «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Информационное общество”» [16] как «материалы, направленные на распространение недостоверной общественно значимой информации в сети “Интернет”». Подчеркну, что понятие «деструктивный контент» в данном постановлении связывается с распространением недостоверной общественно значимой информации в интернете. Это позволяет трактовать такой контент

очень широко. Подтверждение этому можно найти в работах других авторов, которые предлагают свои интерпретации понятия «деструктивный контент». Так, Ю.Н. Зайцева в своем исследовании выделила в социальных сетях следующие виды деструктивного контента: материалы террористической и экстремистской направленности, иную информацию, способную причинить вред общественным отношениям [10, с. 1590–1594]. К.А. Шуликов предложил рассматривать деструктивный контент как «вредную информацию, размещенную в сети интернет, обладающую свойствами вирусного распространения и представляющую собой средство противодействия достижению общественно полезных целей и решению задач государственного управления, определенных в документах стратегического планирования и иных нормативно-правовых актах» [33, с. 178].

В 2024 г. в перечень законодательных актов, направленных на противодействие распространению деструктивного контента в интернете и ограничение этого распространения, были внесены изменения. Согласно этим изменениям, к деструктивному контенту отнесена информация, распространяемая с нарушением закона. Под ней понимается информация, «оскорбляющая человеческое достоинство и общественную нравственность, выражающая явное неуважение к обществу, содержащая изображение действий с признаками противоправных, в том числе насильственных, и распространяемая из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений» (далее — деструктивная информация) (п. 7.1 ст. 15.3 ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [25] (далее — ФЗ «Об информации»)).

Таким образом, можно констатировать эволюцию правового определения понятия «деструктивный контент» в период с 2014 г., когда впервые было сформулировано данное определение, до 2024 г. Если изначально деструктивный контент трактовался как недостоверная информация, то впоследствии его определение было уточнено и расширено. В настоящее время деструктивный контент рассматривается не только как недостоверная информация, но и как информация, которая нарушает правовые принципы уважения личности, достоинства и соблюдения общественных норм и морали [17, 18], а также способствует проявлению любых форм насилия [9], корыстных и иных низменных побуждений. Фактически речь идет о распространении противоправного контента, но и в этом случае в научной литературе, например в [14], отмечена проблема отсутствия единого правового определения также и для противоправного контента.

Тем не менее не все государства ограничиваются использованием одного термина для описания подоб-

ного контента. В частности, в законодательстве Соединенных Штатов Америки (США) и Европейского Союза (ЕС) применяются несколько терминов для этой цели, а именно *harmful content* (вредоносный контент), *dangerous content* (опасный контент) и *illegal content* (незаконный контент). Представляет интерес провести сравнительный анализ этих понятий с российским подходом к определению данного вида контента.

Так, ЕС использует в регулировании цифрового пространства термины *illegal content* и *harmful content*. Согласно п. 12 Digital Services Act [3], незаконный контент должен рассматриваться «в широком смысле, охватывая информацию, относящуюся к незаконной информации, товарам, услугам и деятельности»: «В частности, под этим понятием следует понимать информацию, независимо от ее формы, которая в соответствии с применимым законодательством либо сама по себе является незаконной, например, незаконные высказывания, разжигающие ненависть, террористический контент и незаконный дискриминационный контент, либо которую применимые правила признают незаконной ввиду ее связи с незаконной деятельностью. В качестве примеров можно привести распространение изображений, демонстрирующих сексуальное насилие над детьми, незаконное распространение личных изображений без согласия, онлайн-преследование, продажу не соответствующих требованиям или контрафактных товаров, продажу товаров или предоставление услуг с нарушением законодательства о защите прав потребителей, несанкционированное использование материалов, защищенных авторским правом, незаконное предложение услуг по размещению или незаконную продажу живых животных. Напротив, видеозапись очевидца потенциального преступления не должна считаться противозаконным контентом лишь потому, что она изображает противоправное деяние, если запись или распространение такого видео не является незаконным согласно национальному законодательству или законодательству Союза. В этом отношении не имеет значения, вытекает ли противозаконность информации или действия из законодательства Союза или из национального законодательства, соответствующего законодательству Союза, а также каков точный характер или предмет рассматриваемого закона» [3].

Категория «вредоносный контент» шире и включает в себя этически спорную или социально нежелательную информацию, такую как дезинформация, пропаганда насилия, расизма или ксенофобии. Однако такие материалы не подпадают под обязательное удаление по закону, если только они не являются незаконными в соответствии с законодательством ЕС или страны — члена ЕС. Под этим понятием понимается

контент, который может причинить вред, но не обязательно является незаконным [1]. В Digital Services Act не содержится определение вредоносного контента; такое решение было принято сознательно и отражено в пояснительной записке к акту: «европейский законодатель посчитал, что определять “вредоносный контент” и устанавливать его обязательное удаление слишком рискованно с точки зрения свободы выражения мнений» [4].

В смежных нормативных документах Евросоюза, например в Audiovisual Media Services Directive [2], вредоносным признается контент, который может навредить физическому, психическому или моральному развитию несовершеннолетних, а также материалы, поощряющие опасное поведение (членовредительство, самоубийство и пр.).

В законодательстве США отсутствует унифицированное понятие «деструктивный контент». Вместо этого в американских законодательных актах используются термины *harmful content* (вредоносный контент) и *dangerous content* (опасный контент), которые охватывают материалы, потенциально причиняющие вред, включая пропаганду насилия, экстремизма, распространение дезинформации, кибербуллинг, сексуальное и психологическое насилие, фишинг и мошеннические действия. Регулирование данных вопросов чаще всего осуществляется на уровне платформ, при этом содержание такого контента регулируется индивидуально каждой компанией посредством внутренних правил и руководств, например, таких как Community rules или Guidelines.

Сравнивая особенности понимания деструктивного контента, отраженного в законодательстве Российской Федерации и за ее пределами, можно сделать следующий вывод. В российском правовом поле деструктивный контент определяется как информация, оказывающая разрушительное воздействие на психическое и социальное здоровье индивидов, а также нарушающая общественные нормы и являющаяся противоправной.

В ЕС основное различие проводится между незаконным и вредоносным контентом, причем законодательно регламентированы меры только в отношении незаконного контента.

В США регулирование деструктивного контента носит частично добровольный и платформенный характер, термины используются более обобщенно, с акцентом на потенциальный вред и индивидуальную оценку степени опасности.

В обеих зарубежных юрисдикциях регулирование вредоносного, но не являющегося незаконным контента осуществляется с учетом права на свободу выражения и осуществляется с особой осторожностью,

чтобы не нарушить баланс между свободой слова и необходимостью защиты общественного порядка.

Таким образом, российское понятие «деструктивный контент» по своему смыслу ближе к сочетанию категорий *illegal* и *harmful content* в зарубежной практике, однако трактуется более широко и консервативно в отношении допустимости и целей регулирования в цифровой среде.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕСТРУКТИВНОГО КОНТЕНТА НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Законодательные изменения, произошедшие в 2024 г., — это только один из этапов эволюции государственных мер противодействия распространению незаконного контента, формирования защищенности интересов личности, общества и государства в информационной сфере и обеспечения информационной безопасности (ИБ) [6; 8, с. 49–54; 31, с. 167–175]. Вопросы, связанные с предотвращением распространения деструктивного контента, являются частью обеспечения информационной безопасности [12, 13]. Последняя должна рассматриваться как самостоятельный объект административно-правовой и уголовно-правовой охраны.

Теоретические основы понимания информационной безопасности как самостоятельного объекта уголовно-правовой охраны были заложены в 2018 г. в докторском диссертационном исследовании М.А. Ефремовой [19]. Она предложила создание в Особенной части УК РФ раздела «Преступления против информационной безопасности», включающего в себя три главы: «Преступления против права на информацию», «Преступления против безопасности информационных ресурсов», «Преступления против безопасности информационно-телекоммуникационных технологий (ИКТ)».

Соглашаясь в целом с позицией М.А. Ефремовой, уточню, что в части уголовно-правовой охраны информационной безопасности речь должна идти не только об ИКТ, но и об информационных технологиях (ИТ), поскольку ИТ в иерархии информационных технологий обеспечивают работу компьютерных систем, в то время как ИКТ — это следующий уровень ИТ, включающий в себя технологии, основная функция которых связана с передачей информации между техническими системами и пользователями.

Для обоснования этой позиции рассмотрим данный тезис на примере обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры (КИИ). Часть КИИ можно отнести к ИКТ, поскольку она связана с передачей информации по сетям связи, а дру-

гую часть — к ИТ, включающим в себя средства обработки, хранения и защиты информации, которые не обязательно связаны с передачей данных на большие расстояния.

Сферой действия Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» (далее — ФЗ «О КИИ») [24] являются отношения в области обеспечения безопасности КИИ Российской Федерации «в целях ее устойчивого функционирования при проведении в отношении нее компьютерных атак». Тем самым данный закон сделал акцент на проведении компьютерных атак.

ФЗ «О КИИ» определяет компьютерную атаку как целенаправленное воздействие, осуществляемое посредством компьютерных сетей, на информационные системы КИИ в целях нарушения их функционирования, создания угрозы безопасности обрабатываемой информации или причинения вреда деятельности субъектов КИИ (государственных органов и учреждений, российских юридических лиц, которым принадлежат объекты КИИ). Таким образом, компьютерная атака рассматривается как основная угроза для устойчивости функционирования КИИ. Однако ее определение до настоящего времени, по мнению Г.Г. Шинкаревой, является одной из самых сложных задач в области международного права и кибербезопасности [32].

В то же время ст. 274.1 УК РФ «Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации» [20] устанавливает уголовную ответственность за ряд деяний, связанных с неправомерным доступом к информации, с изменением, удалением или блокировкой информации, а также за нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой компьютерной информации, содержащейся в КИИ. Однако здесь нет прямого упоминания о компьютерных атаках как таковых. Это создает правовую неопределенность и, строго говоря, исключает привлечение к уголовной ответственности лиц, осуществляющих компьютерные атаки на КИИ.

Таким образом, сравнивая две группы охраняемых общественных отношений, можно прийти к выводу, что УК РФ оставил часть злонамеренных действий — компьютерных атак — за рамками уголовного преследования, а также оставил за рамками уголовно-правового регулирования отношения в части обеспечения безопасности ИТ.

Тот же вывод можно сделать в части признания компьютерной атаки административным правонарушением. Так, ст. 13.12.1 КоАП РФ предусматривает наступление административной ответственности за

нарушение требований в области обеспечения безопасности КИИ Российской Федерации. Нарушения касаются требований к созданию систем безопасности значимых объектов КИИ и к обеспечению их функционирования либо требований по обеспечению безопасности значимых объектов КИИ, установленных федеральными законами и принятыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, если такие действия (бездействие) не содержат признаков уголовно наказуемого деяния. Сюда же относятся нарушение требований о порядке информирования о компьютерных инцидентах, нарушение реагирования на них, принятия мер по ликвидации последствий компьютерных атак, проведенных в отношении значимых объектов КИИ Российской Федерации, установленных федеральными законами и принятыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Статья 19.7.15 КоАП РФ предусматривает ответственность за непредставление сведений, установленных законодательством в области обеспечения безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации.

Таким образом, можно заключить, что ни в ст. 13.12.1 КоАП РФ, ни в ст. 19.7.15 КоАП РФ не установлена административная ответственность за проведение компьютерной атаки.

Частью 10 ст. 13.15 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность за «распространение в СМИ, а также в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, повлекшее создание помех функционированию объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи, если эти действия лица, распространяющего информацию, не содержат уголовно наказуемого деяния».

Объекты, перечисленные в ч.10 ст. 13.15 КоАП РФ, относятся к объектам КИИ. Для привлечения к административной ответственности в соответствии с ч. 10 ст. 13.15 КоАП РФ должны наступить материальные последствия — создание помех функционированию объектов КИИ. Но ни законодательство, ни правовые акты ФСТЭК России не раскрывают понятия «создание помех функционированию объектов КИИ». ФСТЭК России рассматривает обеспечение безопасности значимых объектов КИИ через обеспечение устойчивого функционирования значимых объектов при проведении в отношении них компьютерных атак. Но создание помех функционированию

объектов КИИ не может рассматриваться в качестве компьютерной атаки, поскольку создание помех функционированию объектов КИИ представляет собой воздействие электрических, магнитных или электромагнитных полей, токов или напряжений, направленное на нарушение нормального функционирования технических средств или приводящее к ухудшению их эксплуатационных характеристик. Помехи могут проявляться в различных формах, включая искажение сигналов, повреждение элементов аппаратуры и отдельных узлов, снижение производительности схемы работы технологии до полной остановки ее функционирования.

В системах автоматизации помехи могут приводить к скрытым нарушениям программно-аппаратных средств, к непредвиденному прохождению сигналов управления, а также к изменению функций приборов и периферийных устройств. Однако, например, нарушение работы программно-аппаратных средств обработки, передачи и хранения информации рассматривается как угроза в рамках методического документа «Методика оценки угроз безопасности информации», утвержденного ФСТЭК России 5 февраля 2021 г. [13]. Но это только одна из угроз, которая может быть реализована путем организации помех и никак не является компьютерной атакой.

Таким образом, ни одна из статей КоАП РФ, устанавливающих меры административной ответственности за противодействие устойчивости функционирования КИИ, не предусматривает юридической ответственности за проведение компьютерной атаки.

В то же время именно компьютерные атаки не только подрывают устойчивость функционирования КИИ, но и являются инструментом большинства злонамеренных действий, в том числе в целях распространения деструктивного контента [11]. Например, это может быть сделано с использованием вредоносного программного обеспечения [29] и бот-сетей, а также методов социальной инженерии [7, 30].

Это указывает на то, что за пределами административно-правового и уголовно-правового регулирования остаются вопросы установления юридической ответственности за проведение компьютерных атак, в том числе за распространение деструктивного контента, совершенное вследствие компьютерной атаки.

Для противодействия распространению деструктивного контента в период с 2022 по 2025 г. в Российской Федерации внесены изменения в некоторые законы в целях усиления контроля за распространением информации в интернете и повышения уровня безопасности информационного пространства. Для средств массовой информации (СМИ) процесс ужесточения мер юридической ответственности за рас-

пространение недостоверной общественно значимой информации под видом достоверной был инициирован ранее — в 2019 г.

АНАЛИЗ ПРОИЗОШЕДШИХ ИЗМЕНЕНИЙ

В 2019 г. Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 27-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» в ст. 13.15 КоАП РФ [23] введена ч. 9, в которой предусмотрена административная ответственность за «распространение в СМИ, а также в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо недостоверной общественно значимой информации под видом достоверных сообщений, создавшее угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи, если эти действия лица, распространяющего информацию, не содержат уголовно наказуемого деяния» (ч. 9. ст. 13.15 «Злоупотребление свободой массовой информации»).

В соответствии с ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ ответственность за такие деяния не наступает, если распространение в СМИ и информационно-телекоммуникационных сетях началось до 18 марта 2019 г.

В целях усиления противодействия правонарушениям и преступлениям в данной сфере в 2022 г. было создано специальное подразделение полиции в составе МВД России [21] — Управление по организации борьбы с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий.

В 2024 г. Указанием Генпрокуратуры России № 462/11 МВД России № 2 от 25.06.2024 [22] утвержден «Перечень № 25 преступлений, совершенных с использованием (применением) информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации», в котором данный вид преступлений делится на две категории: преступления, относящиеся к перечню без дополнительных условий, и преступления, относящиеся к перечню при наличии определенных условий.

К первой категории киберпреступлений (без дополнительных условий) отнесены те, что указаны в п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ; ст. 159.3 УК РФ и ст. 159.6 УК РФ; п. «в» ч. 3 и ч. 5 ст. 222 УК РФ, ст. 222.1 УК РФ и ст. 222.2 УК РФ; п. «д» ч. 2 ст. 230 УК РФ; п. «г» ч. 2 ст. 242.2 УК РФ; ст. 272 УК РФ, ст. 273 УК РФ, ст. 274 УК РФ, ст. 274.1 УК РФ и ст. 274.2 УК РФ.

Ко второй категории киберпреступлений (при наличии определенных условий) отнесены, например: «использование сети “Интернет”, сети Даркнет, фишингового (поддельного) сайта или ссылки, средств мобильной связи, неправомерное списание денежных средств со счетов банковских карт, использование вредоносных компьютерных программ и другие».

В 2024 г. Федеральным законом № 216-ФЗ [26] внесены изменения в действующее законодательство, направленные на расширение полномочий государственных органов и усиление контроля за распространением информации в интернете. Расширен перечень оснований для ограничения доступа к информации. Теперь ограничения доступа к информации возможны на основании не только федеральных законов, но и актов Президента Российской Федерации (ч. 1 ст. 9 ФЗ «Об информации» [25]). Это расширяет возможности оперативного реагирования на возникающие информационные угрозы и позволяет более гибко применять меры по ограничению распространения информации, представляющей опасность для общества и государства.

Изменения коснулись и обязанностей владельцев социальных сетей по осуществлению мониторинга деструктивного контента (подп. «к» п. 5 ч. 1 ст. 10.6 ФЗ «Об информации»). Эта мера направлена на повышение ответственности владельцев платформ за контент, размещаемый пользователями, и на снижение рисков, связанных с распространением противоправных материалов.

Следующее изменение коснулось полномочий Роскомнадзора по управлению сетями связи и установке технических средств контроля. Это позволило контролировать трафик, выявлять нарушения и применять меры по их пресечению, что, в свою очередь, должно способствовать повышению эффективности противодействия распространению противоправной информации.

У операторов связи появились дополнительные обязанности. Теперь они должны устанавливать технические средства контроля, предоставляемые Роскомнадзором. Эта мера обеспечивает техническую базу для реализации полномочий Роскомнадзора, позволяет эффективно контролировать трафик и пресекать нарушения.

Также в 2024 г. Федеральным законом № 217-ФЗ [27] ст. 13.15 КоАП РФ дополнена частью 12 и тем самым была введена административная ответственность за распространение деструктивного контента, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния.

С точки зрения автора этой статьи, ч. 12 ст. 13.15 КоАП РФ может быть применена в случае онлайн-трансляций, таких как, например, треш-стрим

и кибербуллинг [8]. Это является важным шагом в противодействии распространению деструктивного контента в сети интернет.

В соответствии с ч. 12 ст. 13.15 КоАП РФ в зависимости от категории нарушителей установлены штрафы, а также во всех случаях предусмотрена конфискация оборудования, использованного для изготовления материалов, содержащих деструктивный контент.

Что касается изменений за исследуемый период в области уголовной ответственности за распространение деструктивного контента, то в конце 2024 г. в УК РФ введена ст. 272.1, устанавливающая ответственность за незаконное обращение с компьютерной информацией, содержащей персональные данные, а также ответственность за создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов (сайтов, программ), заведомо предназначенных для незаконного хранения или распространения таких персональных данных.

Кроме того, Федеральным законом № 218-ФЗ [28] в целях противодействия распространению деструктивного контента с использованием, в частности, технологии треш-стрим ст. 63 УК РФ дополнена новым обстоятельством, отягчающим ответственность: совершение умышленного преступления с публичной демонстрацией, в том числе в СМИ или интернете. Одновременно ст. 105, 111, 112, 115, 116, 117, 119, 126, 127, 127.2 УК РФ дополнены новым квалифицирующим признаком, предусматривающим уголовную ответственность за указанное в соответствующей статье преступное деяние, совершенное с публичной демонстрацией, в том числе в СМИ или интернете. По указанным составам преступлений устанавливается дополнительное наказание в виде лишения права занимать определенные должности и заниматься определенной деятельностью.

О.Н. Агеева и С.В. Анощенко считают, что под публичной демонстрацией можно понимать публичное распространение материалов в Сети, их представление неограниченному кругу лиц в целях возможности их просмотра без копирования или иного воспроизведения [5]. Материалы могут транслироваться в режиме реального времени (например, в формате треш-стримов), предусматривать открытый показ или размещаться в социальных сетях и на интернет-платформах с отсроченным временным эффектом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Принятие Федеральных законов № 216-ФЗ, № 217-ФЗ, № 218-ФЗ от 8 августа 2024 г. стало важным шагом в создании правовых механизмов противодействия деструктивному контенту. Этот процесс свидетель-

ствует о стремлении государства обеспечить защищенность граждан и общества от деструктивного информационного воздействия.

В настоящее время доступ к информации может ограничиваться не только федеральными законами, но и актами Президента Российской Федерации. Для деструктивного контента в Сети, содержащего призывы к массовым беспорядкам или экстремизму, действует новый регламент реагирования, в рамках которого распоряжение о блокировке дает Генеральный прокурор РФ, а Роскомнадзор и операторы связи обязаны незамедлительно ограничить доступ.

В случае систематического нарушения авторских прав блокировку инициируют Генеральный прокурор РФ или его заместители, после чего Роскомнадзор по системе взаимодействия направляет операторам связи требование о постоянном ограничении доступа.

Расширены также полномочия Роскомнадзора и обязанности операторов связи по ограничению доступа к деструктивному контенту. Операторы связи обязаны устанавливать в своих сетях технические средства контроля, предоставляемые Роскомнадзором, и обеспечивать их работу для быстрого ограничения доступа к запрещенному контенту.

Операторы связи также обязаны предоставлять Роскомнадзору данные для идентификации пользовательского оборудования в интернете на территории РФ. В свою очередь, Роскомнадзор получает право оперативно управлять сетью связи общего пользования: направлять обязательные указания операторам, собственникам сетей и точек обмена трафиком.

Система правовых и организационно-правовых мер позволяет ускорить реагирование на деструктивный контент, обеспечивая автоматическую интеграцию реестра запрещенных ресурсов с сетевыми средствами операторов и централизованное управление блокировками.

Вопросы правового регулирования ответственности за распространение деструктивного контента, возникающего в результате осуществления компьютерных атак, пока так и не получили должного отражения в административно-правовой и уголовно-правовой сфере. В связи с такой ситуацией решением может являться криминализация компьютерных атак, а также их финансирования, то есть предоставления или собирания средств, заведомо предназначенных для организации и проведения компьютерных атак.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Assessment of platforms and tackling illegal content // Industry, Research and Energy — ITRE. URL: <https://www.europarl.europa.eu/legislative-train/package-better-business-environment-for-digital-networks-services/file-assessment-of-online-platforms-and-illegal-content>

2. Audiovisual Media Services Directive (AVMSD). URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/audiovisual-media-services-directive-avmsd.html>
3. Document 32022R2065. Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market for Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act) (Text with EEA relevance). URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj/eng>
4. Explanatory Memorandum to the draft Digital Services Act, COM(2020) 825 final 2020/0361 (COD). P. 11.
5. Агеева О.Н., Анощенко С.В. Публичная демонстрация, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть «Интернет», — новый признак состава преступления? // Уголовное право. 2025. № 6. С. 3–9. DOI: 10.52390/20715870_2025_6_3 (www.doi.org).
6. Амелин Р.В., Чаннов С.Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. М.: НОРМА, 2023. 280 с. DOI: 10.12737/2007816 (www.doi.org).
7. Ефремова М.А., Русскевич Е.А. Уголовно-правовые проблемы противодействия преступности в метавселенной: современное состояние и перспективы развития // Journal of Digital Technologies and Law. 2025. Vol. 3(2). P. 187–202. URL: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.8>. EDN: ypsxqo
8. Жарова А.К. Технологии фильтрации контента в целях предотвращения преступлений, совершенных с использованием интернета // Российский судья. 2023. № 6. С. 49–54. DOI: 10.18572/1812-3791-2023-6-49-54 (www.doi.org).
9. Жарова А.К. Буллинг: криминологические и уголовно-правовые меры противодействия. М.: ООО «Русайнс», 2025. 204 с. ISBN 978-5-466-08597-6. EDN UMFIXT
10. Зайцева Ю.Н. Юридическое регулирование деструктивного контента в социальных сетях // Научный аспект. 2022. Т. 13, № 6. С. 1590–1594. EDN MANSDF.
11. Иванов Д.С., Потапов А.В. Кибератаки // Электронный журнал: наука, техника и образование. 2024. № S1(45). С. 176–180. EDN MOWJFO.
12. Международная безопасность в среде информационно-коммуникационных технологий: Коллективная монография по проблеме применения норм ответственного поведения государств в ИКТ-среде / А.А. Стрельцов, А.Я. Капустин, Т.А. Полякова и др.; Национальная Ассоциация международной инфор-

- мационной безопасности. М.: НАМИБ, 2023. 132 с. EDN FBKNHG.
13. Методический документ. Методика оценки угроз безопасности информации (утв. ФСТЭК России 5 февраля 2021 г.; документ опубликован не был) // СПС «Консультант Плюс».
 14. Наумов В.Б. Определение понятия запрещенной информации по тематикам Единого реестра в рамках действующего законодательства РФ // Гуманитарный научный журнал. 2025. № 2-1. С. 63-69. EDN RSEIVQ.
 15. Остроушко А.В., Букалеров А.А. О необходимости разработки мер административной и уголовной ответственности к лицам, размещающим в сети «Интернет» порочащую граждан информацию // Административное и муниципальное право. 2015. № 11. С. 1174–1177.
 16. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Информационное общество”» // СЗ РФ 2014. № 18 (Ч. II). Ст. 2159.
 17. Северин В.А. Актуальные вопросы правового регулирования и защиты информации в России. М.; Л., 2022. 480 с. (Основы защиты информации). ISBN 978–5–9710–9307–7. EDN CLMMXK.
 18. Терещенко Л.К., Стародубова О.Е., Назаров Н.А. Современные информационные технологии и информационная безопасность: обзор научно-практического семинара // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 12. С. 205–213. DOI 10.61205/jrp.2023.148. EDN GRISOJ.
 19. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности / М.А. Ефремова: дисс. ... д-ра юр. наук: 12.00.08; Акад. Генер. прокуратуры РФ. М., 2017. 427 с.
 20. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 29.05.2024) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
 21. Указ Президента РФ от 30 сентября 2022 г. № 688 «О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 40. Ст. 6787.
 22. Указание Генпрокуратуры России № 462/11, МВД России № 2 от 25.06.2024 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».
 23. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 27-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2019. № 12. С. 1217.
 24. Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 31 (Ч. I). Ст. 4736.
 25. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ 2006. № 31 (Ч. I). Ст. 3448.
 26. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 216-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ 2024. № 33 (Ч. I). Ст. 4912.
 27. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 217-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ. 2024. № 33 (Ч. I). Ст. 4913.
 28. Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 33 (Ч. I). Ст. 4914.
 29. Филюшин Д.А. Путилов А.О. Анализ современного вредоносного программного обеспечения: принцип действия, особенности реализации // Криминологический журнал. 2022. № 2. С. 63–66. DOI 10.24412/2687-0185-2022-2-63-66. EDN IAVTXA.
 30. Халилаева Э.И., Маслова М.А., Герасимов В.М. Система противодействия методам социальной инженерии в области информационной безопасности // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2023. № 2 (48). С. 54–61. DOI 10.14529/secur230205. EDN JEYWGX.
 31. Шинкарецкая Г.Г. Международно-правовые основы национальной безопасности / Г. Г. Шинкарецкая // Государство и право. 2024. № 4. С. 167–175. DOI 10.31857/S1026945224040152. EDN PNXEJF.
 32. Шинкарецкая Г.Г. Проблема выработки определения кибератаки // Международное право. 2023. № 2. С. 10–21. DOI 10.25136/2644-5514.2023.2.40051. EDN NYDJJZ.
 33. Шуликов К.А. Деструктивный контент: понятие, административно-правовая характеристика, виды // Вестник ННГУ. 2023. № 2. С. 178.

REFERENCES

1. Assessment of platforms and tackling illegal content // Industry, Research and Energy — ITRE. URL: <https://www.europarl.europa.eu/legislative-train/package-better-business-environment-for-digital-networks-services/file-assessment-of-online-platforms-and-illegal-content>

2. Audiovisual Media Services Directive (AVMSD). URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/audiovisual-media-services-directive-avmsd.html>
3. Document 32022R2065. Regulation (EU) 2022/2065 of the European Parliament and of the Council of 19 October 2022 on a Single Market for Digital Services and amending Directive 2000/31/EC (Digital Services Act; text with EEA relevance). URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/2065/oj/eng>
4. Explanatory Memorandum to the draft Digital Services Act, COM(2020) 825 final 2020/0361 (COD), R. 11.
5. Ageeva O.N., Anoshchenkova S.V. Publichnaya demonstraciya, v tom chisle v sredstvakh massovoj informacii ili informacionno-telekommunikacionnyh setyah, vključaya set' Internet, — novyj priznak sostava prestupleniya? // Ugolovnoe pravo. 2025. No 6. S. 3–9. DOI: 10.52390/20715870_2025_6_3 (www.doi.org).
6. Amelin R.V., Channov S.E. Evolyuciya prava pod vozdejstviem cifrovyyh tekhnologij. M.: NORMA, 2023. 280 s. DOI: 10.12737/2007816 (www.doi.org).
7. Efremova M.A., Russkevich E.A. Ugolovno-pravovye problemy protivodejstviya prestupnosti v metavselelenoj: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya. Journal of Digital Technologies and Law. 2025. Vol. 3 (2). P. 187–202. URL: <https://doi.org/10.21202/jdtl.2025.8>. EDN: ypsxqo
8. Zharova A.K. Tekhnologii fil'tracii kontenta v celyah predotvrashcheniya prestuplenij, sovershennyh s ispol'zovaniem Interneta // Rossijskij sud'ya. 2023. No. 6. S. 49–54. DOI: 10.18572/1812-3791-2023-6-49-54 (www.doi.org).
9. Zharova A.K. Bulling: kriminologicheskie i ugolovno-pravovye mery protivodejstviya. M.: OOO "Rusajns", 2025. 204 s. ISBN 978-5-466-08597-6. EDN UMFIXT.
10. Zajceva Yu.N. Yuridicheskoe regulirovanie destruktivnogo kontenta v social'nyh setyah // Nauchnyj aspekt. 2022. T. 13, No. 6. S. 1590–1594. EDN MANSDF.
11. Ivanov D.S., Potapov A.V. Kiberataki // Elektronnyj zhurnal: nauka, tekhnika i obrazovanie. 2024. No. S1 (45). S. 176–180. EDN MOWJFO.
12. Mezhdunarodnaya bezopasnost' v srede informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij: Kollektivnaya monografiya po probleme primeneniya norm otvetstvennogo povedeniya gosudarstv v IKT-srede / A.A. Strel'cov, A.Ya. Kapustin, T.A. Polyakova i dr.; Nacional'naya Associaciya mezhdunarodnoj informacionnoj bezopasnosti. M.: NAMIB, 2023. 132 s. EDN FBKNHG.
13. Metodicheskij dokument. Metodika ocenki ugroz bezopasnosti informacii (utv. FSTEK Rossii 5 fevralya 2021 g.; dokument opublikovan ne byl) // SPS "Konsul'tant Plyus".
14. Naumov V.B. Opredelenie ponyatiya zapreshchennoj informacii po tematikam Edinogo Reestra v ramkah dejstvuyushchego zakonodatel'stva RF // Gumanitarnyj nauchnyj zhurnal. 2025. No. 2-1. S. 63–69. EDN RSEIVQ.
15. Ostroushko A.V., Bukalero A.A. O neobходимosti razrabotki mer administrativnoj i ugolovnoj otvetstvennosti k licam, razmeshchayushchim v seti Internet porochashchuyu grazhdan informaciyu // Administrativnoe i municipal'noe pravo. 2015. No. 11. S. 1174–1177.
16. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15 aprelya 2014 g. No. 313 "Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii "Informacionnoe obshchestvo" // SZ RF. 2014. No. 18 (Ch. II). St. 2159.
17. Severin V.A. Aktual'nye voprosy pravovogo regulirovaniya i zashchity informacii v Rossii. M.; L., 2022. 480 s. (Osnovy zashchity informacii). ISBN ISBN978–5–9710–9307–7. EDN CLMMXK.
18. Tereshchenko L.K., Starodubova O.E., Nazarov N.A. Sovremennye informacionnye tekhnologii i informacionnaya bezopasnost': obzor nauchno-prakticheskogo seminaru // Zhurnal rossijskogo prava. 2023. T. 27, No. 12. S. 205–213. DOI 10.61205/jrp.2023.148. EDN GRISOJ.
19. Ugolovno-pravovaya ohrana informacionnoj bezopasnosti / M.A. Efremova: diss. ... d-ra yur. nauk: 12.00.08; Mesto zashchity: Akad. Gener. prokuratury RF. M., 2017. 427 s.
20. Ugolovnyj kodeks RF ot 13 iyunya 1996 g. No. 63-FZ (red. ot 29.05.2024) // SZ RF. 1996. No. 25. St. 2954.
21. Ukaz Prezidenta RF ot 30 sentyabrya 2022 g. No. 688 "O vnesenii izmenenij v nekotorye akty Prezidenta Rossijskoj Federacii" // SZ RF. 2022. No. 40. St. 6787.
22. Ukazanie Genprokuratury Rossii No. 462/11, MVD Rossii No. 2 ot 25.06.2024 "O vvedenii v dejstvie perechnej statej Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii, ispol'zuemyh pri formirovanii statisticheskoy otchetnosti" (dokument opublikovan ne byl) // SPS "Konsul'tantPlyus".
23. Federal'nyj zakon ot 18 marta 2019 g. No. 27-FZ "O vnesenii izmenenij v Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah" // SZ RF 2019. No. 12. S. 1217.
24. Federal'nyj zakon ot 26 iyulya 2017 g. No. 187-FZ "O bezopasnosti kriticheskoy informacionnoj infrastruktury Rossijskoj Federacii" // SZ RF. 2017. No. 31 (Ch. I). St. 4736.
25. Federal'nyj zakon ot 27 iyulya 2006 g. No. 149-FZ "Ob informacii, informacionnyh tekhnologiyah i o zashchite informacii" // SZ RF. 2006. No. 31 (Ch. I). St. 3448.
26. Federal'nyj zakon ot 8 avgusta 2024 g. No. 216-FZ "O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon "Ob in-

- formacii, informacionnyh tekhnologiyah I o zashchite informacii" i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii" // SZ RF. 2024. No. 33 (Ch. I). St. 4912.
27. Federal'nyj zakon ot 8 avgusta 2024 g. No. 217-FZ "O vnesenii izmenenij v Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah" // SZ RF. 2024. No. 33 (Ch. I). St. 4913.
28. Federal'nyj zakon ot 8 avgusta 2024 g. No. 218-FZ "O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii" // SZ RF. 2024. No. 33 (Ch. I). St. 4914.
29. *Filyushin D.A., Putilov A.O.* Analiz sovremennogo vredonosnogo programmnoho obespecheniya: princip dejstviya, osobennosti realizacii // Kriminologicheskij zhurnal. 2022. No. 2. S. 63-66. DOI: 10.24412/2687-0185-2022-2-63-66. EDN IAVTXA.
30. *Halilaeva E.I., Maslova M.A., Gerasimov V.M.* Sistema protivodejstviya metodam social'noj inzhenerii v oblasti informacionnoj bezopasnosti // Vestnik UrFO. Bezopasnost' v informacionnoj sfere. 2023. No. 2(48). S. 54-61. DOI 10.14529/secur230205. EDN JEYWGX.
31. *Shinkareckaya G.G.* Mezhdunarodno-pravovye osnovy nacional'noj bezopasnosti // Gosudarstvo i pravo. 2024. No. 4. S. 167-175. DOI: 10.31857/S1026945224040152. EDN PNXFJ.
32. *Shinkareckaya G.G.* Problema vyrabotki opredeleniya kiberataki // Mezhdunarodnoe pravo. 2023. No. 2. S. 10-21. DOI: 10.25136/2644-5514.2023.2.40051. EDN NYDJJZ.
33. *Shulikov K.A.* Destruktivnyj kontent: ponyatie, administrativno-pravovaya harakteristika, vidy // Vestnik NNGU. 2023. No. 2. S. 178.

Научная статья

УДК: 347.211

DOI: 10.17323/tis.2025.28897

Original article

ЭКСТЕРРИТОРИАЛЬНОСТЬ ЛИЧНЫХ НЕИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ АВТОРА КАК ИДЕЯ И РЕАЛЬНОСТЬ EXTRATERRITORIALITY OF THE AUTHOR'S MORAL RIGHTS: IDEA AND REALIZATION

Елена Ивановна КАМИНСКАЯ

МГИМО МИД России, Москва, Россия,

e.i.kaminskaya@mail.ru,

ORCID 0000-0002-5856-4832

Информация об авторе

Е.И. Каминская — доцент кафедры международного и гражданского права имени С.Н. Лебедева МГИМО МИД России, кандидат юридических наук

Аннотация. Часть четвертая Гражданского кодекса РФ (ст. 1231) признает свойство экстерриториальности за личными неимущественными интеллектуальными правами. Данная характеристика присуща только наиболее важным общепризнанным субъективным правам (таким, как факт признания права собственности) и является уникальной в международном частном праве. Таким образом снимается коллизийная проблема.

Констатацией этого обстоятельства в доктрине (в частности, в авторитетных научных комментариях к части четвертой Гражданского кодекса [4, 5]) традиционно ограничивается описание механизма экстерриториальности указанных правомочий. Однако, как показано в настоящей статье, реализация экстерриториальности на практике фактически блокируется действием коллизийной нормы ст. 1256, посвященной процедуре определения автора (основного правообладателя). Привязка данной нормы отсылает к праву государства, в котором имел место юридический факт, породивший авторское право. Это обстоятельство соз-

- дает сложные проблемы правоприменения (в частности,
- невозможность определения носителя прав, а также
- расщепление коллизийной привязки), которые рассмо-
- трены в статье.

- **Ключевые слова:** территорияльность, экстерриториальность, личные неимущественные авторские права, моральные права, исключительные права, коллизийные нормы, квалификация

- **Для цитирования:** Каминская Е.И. Экстерриториальность личных неимущественных прав автора как идея и реальность // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 55, № 4. С. 42–48; DOI: 10.17323/tis.2025.28897

Elena I. KAMINSKAYA

MGIMO-University, Moscow, Russia,

e.i.kaminskaya@mail.ru,

- ORCID 0000-0002-5856-4832

Information about the author

- E.I. Kaminskaya — Associate professor at the Private International and Civil Law Department, Candidate of Legal Sciences, Associate professor

- **Abstract.** Part Four of the Russian Civil Code (article 1231) recognizes the property of extraterritoriality for personal non-property intellectual rights. This characteristic is peculiar

only to the most important universally recognized subjective rights (such as the fact of recognition of property rights) and is unique in international private law. Thus, the conflict-of-laws problem is removed.

Even the most accurate scientific commentators on Part Four of the Russian Civil Code [4, 5] traditionally stop at stating the said fact without going into any further explorations. However, as we contend in the present article, the realization of extraterritoriality in practice is actually blocked by the effect of the conflict of laws provision of Article 1256, dedicated to the procedure for determining the author (primary right holder). The binding of this norm refers to the law of the state in which the legal fact that gave rise to copyright took place. This circumstance creates difficult problems of law enforcement (such as impossibility of attribution of rights, *depeçage*, etc.), as also is demonstrated in the present article.

Keywords: extraterritoriality, author, conflict-of-laws rule, copyright, moral rights, exclusive rights, characterization

For citation: Kaminskaya E.I. Extraterritoriality of the Author's Moral Rights: Idea and Realization // *Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property)*. 2025. Vol. 55 (4). P. 42–48; DOI: 10.17323/tis.2025.28897

ИДЕЯ И ЕЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

- Автор статьи полагает необходимым предупредить читателя, что при размышлении о проблеме экстерриториальности в применении к действию авторских прав в пространстве речь пойдет о предельно радикальном понимании экстерриториальности.

- Предметом наших наблюдений станут не рестриктивный, контролирующий вариант, относящийся к действию недружественных мер экономического характера, и уж тем более не любая ситуация, при которой имеет место применение судами какого-либо государства норм иностранного для него права (в частности, действие коллизионного метода регулирования). Даже признание за рубежом действия национального закона в силу общепризнанных коллизионных начал (как, например, признание экстерриториального действия национализации) останется за рамками нашего исследования — по той причине, что такое признание, как показывает история международного частного права, происходило в силу конъюнктурных соображений, и принятие во внимание начала «международной вежливости» (*international comity*) носило разовый характер.

- Речь в статье пойдет о редчайшем свойстве субъективных частных прав, в силу чего они автоматически применяются за пределами правопорядка, в котором возникли. Коллизионная проблема здесь не возникает вовсе, то есть ситуация в данном случае складывается таким образом, что отсутствует необходимость в нормах международного частного права.

- Что же это за свойство? Это не что иное, как универсальность понимания какого-либо правового механизма, единство подхода национальных правопорядков в каком-либо отношении. И логичным следствием такого единства, такой универсальности становится автоматизм признания прав в силу одного только факта возникновения и признания этих прав за рубежом.

- Таковы свойства вещных прав и — наш случай — личных неимущественных прав автора. Свойства одинаково универсальны, а юридическая техника используется в этих двух случаях различная.

- Экстерриториальность вещных прав (точнее, факта признания этих прав за каким-либо субъектом)

закрепляется в п. 1 ст. 1206 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ [2]) через определение, фиксацию момента действия нормы с привязкой *lex rei sitae* (закон места нахождения вещи). Благодаря этому безвозвратность, неповторимость момента возникновения и прекращения прав не дает возможности изменить факт признания права именно за данным субъектом. Приобретенное по законам какого-либо одного государства вещное право автоматически признается таковым во всех прочих правовых порядках.

Для признания экстерриториальности личных неимущественных прав автора (именуемых в доктрине также моральными правами) российским законодателем используется (в абзаце втором п. 1 ст. 1231 ГК РФ) иной юридико-технический прием. Предмет регулирования указанной статьи охватывает действие моральных прав не только авторских, но и принадлежащих обладателям прав на иные объекты интеллектуальной деятельности. Более того, речь идет и о так называемых иных интеллектуальных правах, под которыми в российском праве понимаются имущественные по содержанию, но не исключительные права, имеющие некоторую личную привязку к субъекту (в частности, право следования). Итак, законодатель устанавливает следующее правило: «Личные неимущественные и иные интеллектуальные права, не являющиеся исключительными, действуют на территории Российской Федерации в соответствии с абзацем четвертым пункта 1 статьи 2 настоящего Кодекса». Иными словами, отечественное законодательство в одностороннем порядке признает на территории РФ все моральные и иные интеллектуальные права без исключения, независимо от страны их возникновения и принадлежности субъекту любого права (вот оно, проявление универсальности!). Как следствие наделения указанных прав свойством экстерриториальности в России им предоставляется национальный режим согласно ст. 2 ГК РФ. По выражению А.Л. Маковского, происходит «перетекание» сферы действия норм в сферу действия субъективных прав, и происходит это через установление условий, при которых соответствующие права признаются и действуют на территории РФ [7].

Сам по себе такой решительный, неординарный шаг отечественного законодателя (не говоря уже об отмеченных выше масштабах признаваемой таким образом экстерриториальности), безусловно, заслуживает внимания. Интерес вызывает и правовой контекст экстерриториальности моральных и «иных» прав. Данный контекст связан с действием исключительных (имущественных и при этом монопольных) интеллектуальных прав.

Эти права строго территориальны, что считается «в порядке вещей» (например, даже у Э. Бартена, апеллирующего к одной из наиболее либеральных из национальных систем авторского права — французской [6, с. 53]). С этим можно поспорить, поскольку средневековые индивидуально дарованные монополии как прообраз исключительных прав все же носили, как известно, конъюнктурный, то есть случайный характер. По выражению Робинсона, правообладатель был монополистом монаршей милостью [8, с. 104]. А вот моделирование этих монополий по известному образцу права собственности (что привело впоследствии, в эпоху кодификаций, к неперенным проявлениям проприетарности в режиме интеллектуальной собственности даже в континентальных странах) уже не выглядит случайным [8, с. 110; 9, с. 134,]. Можно даже сказать, что права интеллектуальной собственности являются «дважды правами человека» — и через проприетарную матрицу имущественных прав, и через гуманитарность прав моральных. Но конъюнктурность (исторический, политический, экономический, культурный и социальный ситуационный интерес) в признании имущественной монополии за теми или иными субъектами привела к узкотерриториальному действию этой монополии.

А отечественный контекст проблемы проявился в том, что при неопровержимости территориального характера, признаваемого за интеллектуальной (имущественной) авторской монополией, возникшей в иных национальных правовых порядках, случаи ограничения ее территориальности в российском праве (ст. 1256 ГК РФ) оказываются не в пример другим национальным законам настолько многочисленными, что невольно возвращаешься к мысли об абсолютном праве как универсальной, внациональной ценности.

Действительно, в российском законодательстве признается в одностороннем порядке имущественная монополия, возникшая на территории любого иного государства и признаваемая за субъектом иного правового порядка, лишь бы в этой монополии присутствовал хотя бы один российский элемент — объект, субъект либо юридический факт. Таким образом, в одностороннем порядке признаются исключительные права за российскими гражданами в отношении их произведений, где бы последние ни были созданы либо находились в объективной форме, а равным образом за иностранными гражданами и апатридами в отношении их произведений, обнародованных или находящихся в объективной форме на территории Российской Федерации.

Но это все же, хоть и обширные, но исключения, а экстерриториальность личных неимущественных прав — общее правило. Причем в процессе доказы-

вания имущественной монополии (исключительных прав) автора по российскому праву экстерриториальность личных неимущественных прав проявляется довольно оригинальным образом. Без установления авторства принадлежность такой монополии не представляется возможной, поскольку исключительные права признаются за автором, а в качестве такового, согласно ст. 1257 ГК РФ, выступает тот, кто создал произведение своим творческим трудом. Таким образом, проявления экстерриториальности моральных прав на практике оказываются в нашей стране выходящими за рамки территориального действия только моральных прав и частично охватывают сферу действия прав исключительных (помимо всех тех космополитически ориентированных исключений из их экстерриториальности, о которых говорилось выше).

В отличие от конъюнктурного характера имущественной монополии, который был следствием случайного этапа развития права, моральные (личные неимущественные) права проявляют свойства, свидетельствующие о фундаментальных, непреложных ценностях авторского права, выходящих за рамки права и граничащих с общепризнанными моральными ценностями (а может стать, не просто граничащих, а перетекающих в них). Почему нельзя приписывать себе авторство «Гамлета»? Не спрашивают же в цивилизованной среде, почему нельзя читать чужие письма. Это универсально признаваемое правило поведения. Именно поэтому ему придается наднациональный, вещный характер, отсюда и экстерриториальность действия такого правила как прямое следствие безоговорочного признания его во всех правовых порядках.

При этом Постановление Верховного Суда и Высшего Арбитражного Суда от 26 марта 2009 г. № 5/29 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с введением в действие части четвертой ГК РФ» прямо предписывало судам применять общепризнанные принципы и нормы международного права (по неисчерпываемому перечню) в качестве источника права интеллектуальной собственности. Хотя с принятием Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» Постановление № 5/29 более не подлежит применению, однако в несколько сглаженной формулировке (но без изменения сути) теперь уже в Постановлении № 10 в п. 1 утверждается, что правовое регулирование отношений в сфере интеллектуальной собственности в Российской Федерации осуществляется в том числе в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права. Таким образом, это положение устанавливает дополнительное пра-

вовое основание для экстерриториальности тех прав (в первую очередь моральных), которые следует считать общепризнанными.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ИДЕИ

Как же будет реализовываться принцип (идея) экстерриториальности? Как раз на этом этапе именно авторские, а не какие-либо иные личные неимущественные права начинают сопротивляться экстерриториальности, столь щедро для них заявленной отечественным законодателем.

Мы признаем в силу указанного принципа личные неимущественные права автоматически, в какой бы стране они ни возникли, и носитель этого права, скорее всего, должен признаваться обладателем также имущественной монополии. Выше, отмечая распространение сферы правила об экстерриториальности личных неимущественных прав на сферу исключительных (монопольных) прав, мы вкратце касались роли, которую выполняет право авторства в процессе признания такой имущественной монополии. И далее возникает следующая ситуация. Монополия (исключительное право) может признаваться только за автором (лицом, творческим трудом которого создано охраняемое авторским правом произведение). Отсутствует автор — отсутствует и монополия.

Но применительно к личным неимущественным правам и их действию в пространстве при наличии в отношении иностранного элемента ситуация приобретает тупиковый характер. Происходит это из-за коллизионной нормы ГК об определении автора.

Если за личными неимущественными правами признавать свойство экстерриториальности, где бы они ни возникли, то получается, что эти права бессубъектны, они фактически «висят в воздухе», пока не определен их обладатель. А обладатель (автор) признается российским правом отнюдь не автоматически. Согласно п. 3 ст. 1256 ГК РФ, автор должен определяться по *lex loci actus*, то есть по праву страны, на территории которой имел место юридический факт, порождающий авторское право на данное произведение. И то обстоятельство, что условием применения рассматриваемой нормы является такое основание для признания прав, как международный договор, не должно вводить в заблуждение о сужении сферы данной нормы. Бернская конвенция ВОИС об охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. (в ред. от 28 сентября 1979 г. [1]), в которой Россия участвует, дает широчайший набор оснований для признания авторских прав.

В итоге очевидна абсурдность результата применения ст. 1231 и ст. 1256 ГК РФ. Норма ст. 1256 ГК РФ

об определении автора сводит на нет экстерриториальность — великое свойство личных неимущественных авторских прав, признаваемое за ними ст. 1231 ГК РФ. Положения последней остаются декларацией и подменяются действием коллизионной нормы с двусторонней территориальной привязкой *lex loci actus*.

Трудно предположить, что подобная парализация принципа экстерриториальности входила в намерения законодателя, равно как и пребывание исключительно права в состоянии *pendentia* до момента определения лица, которому его следует атрибутировать.

А уж бессубъектное право как таковое (то есть отсутствие указания на то, какому субъекту принадлежит признаваемое законом правомочие) противоречит основным началам российского авторского права, которое настаивает на признании автором только физического лица, поскольку лишь человек способен на творчество, а личный вклад, проявление личности рассматривается как доказательство охраноспособности объекта по авторскому праву. Мало того, в результате может возникнуть тупик в международном частном праве — расщепление (*dépeçage*) при несовместимости право порядков, к которым относятся различные части единого правоотношения.

Представим, например, что литературное произведение обрело объективную форму на территории Великобритании. Там находится его рукопись. В этом и подобных случаях российский суд должен будет определять автора по праву Великобритании как *lex loci actus*, а в праве этой страны прямо признается возможность бессубъектного авторского права. Об этом прямо говорится в ст. 178 английского закона об авторском праве, промышленных образцах и патентах [3] применительно к произведениям, созданным компьютером при обстоятельствах, когда отсутствует автор-человек. Как быть российскому суду? Никакая адаптация в данном случае не представляется возможной в силу фатальной несовместимости право порядков. Ограничительные же механизмы международного частного права (*escape clauses*) — публичный порядок, сверхимперативные нормы и т.п. — не смогут оградить российское право от вторжения в основы основ авторского права. Условия применения этих механизмов на данный случай не распространяются.

Особую пикантность придает этому конкретному примеру то обстоятельство, что английское законодательство относит приведенный вид произведений к категории произведений, в отношении которых моральные (личные неимущественные) права не предусмотрены. Это объясняется тем, что в законе присутствует значительная дифференциация режимов различных категорий авторских объектов. Значит ли это, что вопрос об экстерриториальности личных

неимущественных прав в данном случае снимается, а заодно снимается и противоречие двусторонней коллизионной нормы и принципа территориальности? Вовсе нет. И набор личных неимущественных правомочий, и даже сфера их действия (по времени и по кругу объектов) за счет принципа экстерриториальности расширяются по сравнению с иностранным право порядком, в котором они возникли.

Как мы помним, последствием признания личных неимущественных прав в силу ст. 1231 ГК РФ является предоставление национального режима. Перечень подобных прав, признаваемый российским правом, несравнимо более широк, чем тот, который предусмотрен Бернской конвенцией (там их два — право авторства и право на неприкосновенность, да еще в суженном варианте), а также тот, который скрепя сердце признало право Великобритании и США после присоединения к указанной конвенции.

Значит, российское авторское право должно будет не только признать бессубъектность авторских прав, но и атрибутировать отсутствующему субъекту полноценные российские личные неимущественные права — право авторства, право на неприкосновенность в широком понимании, право на обнародование и прочие (подрывая тем самым собственные фундаментальные ценности).

Таким образом, налицо глубокая по характеру проблема практического взаимодействия (лучше сказать — несогласованности) отдельных частей механизма правового регулирования, закрепленного в гл. 69 и 70 ГК РФ. А ведь, казалось бы, законодатель использовал в ст. 1257 ГК РФ такую элегантную, законодательно экономную юридическую технику, призванную убить одним ударом двух зайцев: определение лица, которое должно считаться автором, задумано одновременно означать и определение критерия охраноспособности самого произведения...

Не поможет в подобных случаях и квалификация понятий, содержащихся в коллизионной норме. На первый взгляд, предусмотренное ст. 1187 ГК РФ правило о том, что квалификация должна проводиться по *lex fori* (по закону страны суда, то есть по российскому праву), могло бы выполнить охранительную роль по отношению к принципам и ценностям российского авторского права, включая принцип экстерриториальности, им предусмотренный. Но это только на первый взгляд, поскольку мы возвращаемся все к той же двусторонней коллизионной норме об определении автора на основании территориального критерия *lex loci actus*. Автор в силу квалификации на основании российского права будет определяться по праву той конкретной страны, где произведение фактически обрело объективную форму, без формальностей типа

регистрации или депонирования. Экстерриториальность же, как было подчеркнуто выше, по определению основана на всеобщем признании, универсальности: *где бы ни возникло личное неимущественное право, оно нами признается.*

Квалификация не только не поможет, но сделает режим экстерриториальности личных неимущественных авторских прав еще менее понятным и более запутанным для практического применения и за счет специального указания Пленума Верховного Суда РФ в абзаце втором п. 7 его Постановления от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации», касающегося необходимости применять при квалификации понятий, содержащихся в объеме коллизионной нормы, критерия, получившего в доктрине название «критерий функциональной квалификации». Это означает, что в данном случае судам следует оперировать не понятиями российского права, а цивилистическими понятиями более широкого значения, охватывающими иностранные функционально равноценные институты [10].

При этом, несомненно, можно ожидать и адаптивности, и универсализма, и нацеленности на конечный результат регулирования отношения по существу (минуя неразрешимые сложности автономной квалификации, которая предполагает буквально всеобщий сравнительно-правовой знаменатель). Но «автор» тогда будет толковаться функционально, а юридический факт, породивший возникновения авторского права, — по российскому праву. Новые несовпадения, новая несовместимость — вот результат квалификации. Вместо разрешения противоречий при правоприменении экстерриториальность как принцип станет еще менее понятной и трудноприменимой.

При исследовании данной проблемы мы еще раз увидели, что связь между материально-правовыми нормами международного частного права и коллизионными нормами может оказаться настолько сложной и тонкой, что разрешение одной отдельно взятой проблемы международного частного права (такой, как экстерриториальность), станет возможной только при комплексном и систематизированном анализе и пересмотре всего блока регулирования авторско-правовых отношений с иностранным элементом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бернская конвенция ВОИС об охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. в ред. от 28 сентября 1979 г. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/treaties/details/15>
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) № 230-ФЗ от 18.12.2006 (ред. от 30.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 25.12.2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.
3. Copyright, Designs and Patent Act 1988 (Chapter 48, incorporating amendments up to the Digital Economy Act 2017) // WIPO Database "WIPO Lex". URL: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=474030
4. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации / под ред. А.Л. Маковского. М.: Статут, 2008. 715 с.
5. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. к.ю.н. Л.А. Трахтенгерц. М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»; «ИНФРА-М», 2009. 812 с.
6. Бартен Э. Основы международного частного права согласно французскому законодательству и судебной практике / пер. с фр. Д.В. Тариканова. Т. 3. М.: Статут, 2019. 400 с.
7. Маковский А.Л. О кодификации гражданского права (1922–2006). М.: Статут, 2010. 736 с.
8. Пилленко А.А. Право изобретателя. М.: Статут, 2001. 559 с.
9. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. 353 с.
10. Тариканов Д.В. Конфликты квалификаций в международном частном праве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 11 (117). С. 113–158.

REFERENCES

1. Bernskaya konvenciya VOIS ob ohrane literaturnyh i hudozhestvennyh proizvedeniy ot 9 sentyabrya 1886 g. v red. ot 28 sentyabrya 1979 g.
2. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federacii (chast' chetvertaya) No 230-FZ ot 18.12.2006 (red. ot 30.12.2020) // Sbranie zakonodatelstva RF. 25.12.2006. № 52 (ch. 1). St. 5496.
3. Copyright, Designs and Patent Act 1988 (Chapter 48, incorporating amendments up to the Digital Economy Act 2017) // WIPO Database "WIPO Lex". URL: http://www.wipo.int/wipolex/en/text.jsp?file_id=474030
4. Kommentariy k chasti chetvertoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federacii/ Pod red. A.L. Makovskogo. M.: Statut, 2008. 715 s.
5. Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federacii chasti chetvertoy (postateyny) / otv. redaktor kandidat yuridicheskikh nauk L.A. Trakhtengerc. M.: Yuridicheskaya firma "KONTRAKT": "INFRA-M", 2009. 812 s.
6. Bartin E. Osnovy mezhdunarodnogo chastnogo prava soglasno frantzuzskomu zakonodatel'stvu i sudebnoy

- praktike. / per. s fr. D.V. Tarikanova. T. 3. M.: Statut, 2019. 400 s.
7. *Makovskiy A.L.* О кодификации гражданского права (1922–2006). M.: Statut, 2010. 736 s.
8. *Pilenko A.A.* Pravo izobretatelya. M.: Statut, 2001. 559 s.
9. *Pokrovskiy I.A.* Osnovnye problemy grazhdanskogo prava. M.: Statut, 1998. 353 s.
10. *Tarikanov D.V.* Konflikty kvalifikatsij v mezhdunarodnom chastnom prave // Vestnik ekonomicheskogo pravosudija Rossijskoj Federatsii. 2023. No. 11 (117). S. 113–158.

О НЕОБХОДИМОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ХАРАКТЕРА ТРУДА ПРИ РАЗРЕШЕНИИ СУДАМИ СПОРОВ О ПАРОДИЯХ ON THE NEED TO ESTABLISH THE NATURE OF LABOR WHEN RESOLVING DISPUTES WITH THE COURTS ABOUT PARODIES

Вячеслав Станиславович ВИТКО

Московский университет имени А.С. Грибоедова, Москва, Российская Федерация,
vitko_v_s@mail.ru,
ORCID ID: 0000-0001-9354-4207

Информация об авторе

В.С. Витко — доцент кафедры интеллектуальной собственности Московского университета имени А.С. Грибоедова, кандидат юридических наук

Аннотация. Автор проанализировал правовые подходы, сформированные арбитражными судами по ряду дел о создании пародий на основе произведения изобразительного искусства Homunkulus Loxodontus («Ждун») и пришел к выводу об умалении значения критерия «творческий труд» при квалификации результатов интеллектуальной деятельности в качестве пародий.

Ключевые слова: оригинальное произведение, Homunkulus Loxodontus («Ждун»), пародия, карикатура, свободное использование

Для цитирования: Витко В.С. О необходимости установления характера труда при разрешении судами споров о пародиях // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 55, № 4. С. 49–57; DOI: 10.17323/tis.2025.28898

- **Viacheslav S. VITKO**
- A.S. Griboyedov Moscow University, Moscow, Russian Federation,
- vitko_v_s@mail.ru,
- ORCID ID: 0000-0001-9354-4207
-
- **Information about the author**
- V.S. Vitko — Associate Professor of the Department of Intellectual Property of Moscow State University named after A.S. Griboyedov, Candidate of Law Sciences
-
- **Abstract.** The author analyzed the legal approaches formed by arbitration courts in a number of cases on the creation of parodies based on the work of fine art Homunkulus Loxodontus ("Zhdun"). The author comes to the conclusion that the criterion of "creative work" is being belittled when qualifying the results of intellectual activity as parodies.
-
- **Keywords:** original work, Homunkulus Loxodontus ("Zhdun"), parody, caricature, free use
-
- **For citation:** Vitko V.S. On the Need to Establish the Nature of Labor when Resolving Disputes with the Courts about Parodies // Works on Intellectual Property. 2025. Vol. 55(4). P. 49–57; DOI: 10.17323/tis.2025.28898
-

Согласно п. 1 ст. 1259 ГК РФ, объектами авторских прав являются произведения науки, литературы и искусства, независимо от достоинств и назначения произведения, а также от способа его выражения. В силу п. 1 ст. 1274 ГК РФ пародия — это произведение, поэтому она должна обладать общими признаками произведения: являться результатом творческого труда автора и быть выраженной в какой-либо объективной форме (ст. 1257, п. 3 ст. 1259 ГК). В силу этого кажется ясным, что создание пародии не может заключаться лишь в воспроизведении (копировании) другого (оригинального) произведения (или его частей).

На этом основании можно сделать вывод, что подход к разрешению проблемы квалификации пародии в авторско-правовом смысле должен в первую очередь основываться на положении о том, что пародия — это произведение науки, литературы или искусства, созданное творческим трудом гражданина.

Как бы ни казалось странным и даже удивительным, в судебной практике по спорам, связанным с пародийными произведениями, этому критерию произведения не придается должного значения. При этом думается, что ряд дел, связанных с квалификацией результатов интеллектуальной деятельности в качестве пародий, мог бы быть разрешен на основе общих критериев произведения, т.е. без обращения к весьма субъективным жанровым признакам пародии.

Чтобы убедиться в этом, подвергнем анализу правовые подходы, сформированные арбитражными судами в делах о пародиях, созданных на основе произведения изобразительного искусства *Homunkulus Loxodontus* («Ждун»). Как известно, это скульптура художницы из Нидерландов Маргрит ван Бревоорт (*Margriet van Breevoort*), названная автором *Homunculus loxodontus* от латинских слов *homunculus* (человечек) и *loxodontus* (африканский слон), которой она выразила чувство терпеливого смиренного ожидания.

Начнем с дела № А56-123039/2019, в котором общество с ограниченной ответственностью «Си Ди Лэнд контакт» (далее — ООО «Си Ди Лэнд контакт», истец) обратилось в арбитражный суд г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области с исковым заявлением к обществу с ограниченной ответственностью «В Контакте» (далее — ООО «В Контакте», ответчик)

о взыскании 5 млн рублей компенсации за незаконное использование произведения изобразительного искусства с условным названием «Ждун».

Истцом установлено, что ответчик использовал произведение для привлечения внимания к основной деятельности ответчика — онлайн-платформе социальной сети «ВКонтакте» — путем записи «стикеров», выполненных на основе произведения, на электронный носитель с последующим предоставлением доступа к таким стикерам любому лицу из любого места в любое время. Таким образом, предметом иска является требование о взыскании компенсации за незаконное использование произведения изобразительного искусства «Ждун» при создании и использовании спорных стикеров.

Суд первой инстанции, оценив представленные в материалы дела доказательства и набор спорных стикеров ответчика, приняв во внимание историю появления интернет-мема «Ждун», юмористическую отсылку спорного бесплатного набора стикеров ответчика к интернет-мему «Ждун», а также соответствующую комическую цель его использования, пришел к выводу, что ООО «В Контакте» на своем интернет-портале использует не что иное, как пародии на произведение, право на которое принадлежит истцу, а не само произведение, что, в свою очередь, в силу п. 4 ст. 1274 ГК РФ влечет отказа истцу в удовлетворении заявленных требований в полном объеме¹.

Суд апелляционной инстанции признал выводы суда первой инстанции законными и обоснованными, указав на следующее. Пародия — это произведение искусства, имеющее целью создание у читателя (зрителя, слушателя) комического эффекта за счет намеренного повторения уникальных черт известного произведения в специально измененной форме².

¹ См.: Решение арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 3 августа 2020 г. по делу № А56-123039/2019.

² По существу, суд основывался на правовой позиции, выраженной в Определении Высшего Арбитражного Суда РФ (далее — ВАС РФ) от 9 сентября 2013 г. № ВАС-5861/13 по делу № А40-38278/2012-12-166: «Пародия — произведение, имеющее целью создание у читателя (зрителя, слушателя) не только комического, но и критического эффекта за счет наме-

Пародия характеризуется двумя критериями: 1) она должна использовать существующий объект и при этом существенно отличаться от него; 2) она должна носить черты юмора или насмешки.

В данном случае спорный набор стикеров как вариация созданного коллективными усилиями пользователей российского сегмента сети «Интернет» интернет-мема «Ждун» является пародией, поскольку носит комический эффект за счет намеренного повторения уникальных черт известного произведения в специально измененной форме. По мнению суда, пародийный эффект достигнут за счет текста юмористического/ироничного содержания, визуального ряда, за счет которого в том числе создается узнаваемость, без чего пародийный эффект не может быть достигнут³.

Суд по интеллектуальным правам отметил: судами первой и апелляционной инстанций установлено, что спорный набор стикеров как вариация созданного коллективными усилиями интернет-мема «Ждун» является пародией, поскольку носит комический эффект за счет намеренного повторения уникальных черт известного произведения в специально измененной форме. Суд согласился с выводом, что, по сути, спорный набор стикеров является пародией⁴.

ООО «Си Ди Лэнд контакт», не согласившись с решениями судов, обратилось с кассационной жалобой в Верховный Суд РФ. Суд, указав на то, что выводы судов соответствуют правовой позиции, изложенной в п. 99 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», отказал в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ⁵.

Итак, общий вывод судов таков: спорные изображения — стикеры — являются пародией на произведение «Ждун».

Попробуем разобрать это дело. Думается, что спор можно было бы разрешить, даже не прибегая к установлению признаков пародии в спорном результате интеллектуального труда, основываясь лишь на положении ст. 1257 ГК РФ. Но прежде определимся в значении терминов, поскольку суды использовали

термин «стикер», но не разъяснили его значение. Полагаем, что под стикером можно понимать изображение чего-нибудь/кого-нибудь, как правило, с текстом либо текст (слово, словосочетание или фраза), служащие выражению определенного чувства (мысли).

Хотя общее мнение склоняется к тому, что цель пародии — высмеивание, ее создание — далеко не безделица, а возможно, «противопоставление таланта таланту» [1, с. 598], то есть, безусловно, творческий труд. Поэтому квалификация результата интеллектуальной деятельности в качестве пародии должна начинаться с установления характера труда по его созданию.

Можно ли спорные стикеры признать произведениями в понимании ст. 1257 ГК РФ?

Из суждения апелляционного суда о том, что «пародийный эффект достигнут за счет текста юмористического/ироничного содержания, визуального ряда», можно сделать вывод, что спорные стикеры представляют собой совокупность текста и изображения. Если точнее — воспроизведение (иногда измененное) произведения «Ждун» (или его части), дополненное словом или словосочетанием из следующего перечня: «Привет», «Жду...», «Жди. Я в пути...», «Ну, подождем...», «Не жди. Действуй», «Не дождался», «Жду обнимашек», «Подождешь!», «Ждунышка», «Нет!», «Не люблю ждать!», «Жди. Скоро вернусь», «Подождешь?», «Кушать», «Дождался» и т.п.⁶

Ясно, что перечисленные слова и словосочетания не могут быть признаны результатами творческого труда и тем самым подлежат охране как части спорных стикеров. Более того, даже если бы они представляли собой результаты творческого труда, которыми может быть выражена законченная мысль (фразы и предложения), то и в этом случае они не могли быть признаны частью спорной пародии в силу следующего.

Законодатель, характеризуя в п. 4 ст. 1274 ГК РФ понятие «пародия», использует выражение: «создание произведения в жанре литературной, музыкальной или иной пародии... на основе другого (оригинального) правомерно обнародованного произведения». Поскольку пародия создается путем использования (воспроизведения) формы другого (первоначального) произведения (или ее частей), она должна обладать той же формой (словесной, изобразительной, музыкальной и т.д.), что и пародируемое произведение. Поэтому спорные стикеры, созданные на основе произведения изобразительного искусства «Ждун», для признания их пародиями должны быть выражены также в изобразительной форме, т.е. представлять собой произведения изобразительного искусства (рисун-

ренного повторения уникальных черт известного произведения в специально измененной форме».

³ См.: Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 2 декабря 2020 г. по делу № А56-123039/2019.

⁴ См.: Постановление Суда по интеллектуальным правам от 2 апреля 2021 г. по делу № А56-123039/2019.

⁵ См.: Определение Верховного Суда РФ от 12 октября 2021 г. № 307-ЭС21-11864.

⁶ Всего было создано 32 стикера.

ки), а не литературные произведения. Таким образом, при квалификации результата интеллектуальной деятельности в качестве пародии не должны приниматься во внимание результаты умственного труда, формы выражения которых отличаются от формы пародируемого произведения.

Теперь зададимся вопросом: что представляют собой изображения в составе спорных стикеров? Вполне можно согласиться с мнением судов об узнаваемости в стикерах исходного произведения, поскольку часть стикеров представляет собой воспроизведение произведения «Ждун» как целого или его характерных частей без каких-либо творческих переделок. Таким образом, можно утверждать, что в подобных стикерах отсутствует результат собственного творческого труда «пародиста». Поэтому в них мы видим не новое произведение, а все то же произведение «Ждун» (или его характерные части), которое как объект пародирования не то что «просвечивает» (выражение Ю.Н. Тынянова) в спорном результате, а вообще является единственным результатом творчества. О таких «пародиях» на произведение «Ждун» можно, пожалуй, сказать: «Сотри Ждуна, / и ты увидишь — нет труда»⁷.

Таким образом, по крайней мере, некоторые из спорных стикеров не являются результатами творческого труда, то есть самостоятельными произведениями, поэтому в силу формулы п. 4 ст. 1274 ГК РФ («Пародия — это произведение») не могут быть признаны пародиями. В противном случае мы должны признать пародией, например, воспроизведение романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» с добавлением на обложку книги фразы из лексикона Элочки-людоедки: «Жуть» (И. Ильф и Е. Петров, «Двенадцать стульев»)⁸. С таким выводом, надо полагать, вряд ли кто-нибудь согласится.

Исходя из сказанного, можно, пожалуй, сказать, что использование упомянутых выше спорных стикеров, представляющих собой воспроизведение произведения «Ждун» (или его частей), в отсутствие собственного творческого вклада ведет к нарушению авторских прав на произведение «Ждун»: 1) исключительного права — права на воспроизведение произведения, 2) личного неимущественного права — права авторства, путем признания авторства на произведе-

ние, созданное творческим трудом другого автора, т.е. плагиат. При этом представляется неправильной квалификация набора спорных стикеров в целом, а не каждого стикера в отдельности как возможного самостоятельного объекта авторского права (произведения).

Теперь проанализируем дело № А40-292605/2019, в котором ООО «Си Ди Лэнд контакт» обратилось в арбитражный суд с иском требованием к негосударственному образовательному частному учреждению высшего образования «Московский финансово-промышленный университет “Синергия”» (далее — учреждение, ответчик) о взыскании компенсации за нарушение исключительного права на произведение изобразительного искусства в размере 5 млн рублей. В обоснование исковых требований истец указал, что ответчиком осуществлено использование произведения для привлечения внимания к основной деятельности ответчика, к проводимому ответчиком мероприятию Synergy Digital Forum.

Суд первой инстанции установил, что на сайте размещено в виде коллажа изображение некоего существа с головой морского слона, верхние конечности которого изображены не полностью, нижняя часть тела не изображена, со следующим текстом: «DIGITAL СТРАТЕГИИ ОТ ЖДУНА НА SYNERGY DIGITAL FORUM». Основываясь на норме п. 4 ст. 1274 ГК РФ и определении пародии, содержащемся в словаре литературоведческих терминов [2, с. 259–260] (далее — Словарь), суд пришел к выводу, что «спорный фотоколлаж является пародией, учитывая ее явный иронический, комический эффект с элементами сатиры — онлайн-стратегии от Ждуна на форуме». В итоге суд пришел к выводу, что исковые требования удовлетворению не подлежат⁹.

Истец не согласился с принятым решением и обратился в суд с жалобой. Апелляционный суд не нашел оснований для отмены или изменения решения арбитражного суда в силу следующего. Указав на те же основания (определение пародии и норму п. 4 ст. 1274 ГК РФ), суд заключил, что истец не имеет правовых оснований требовать от лиц, разместивших изображение, схожее с произведением, в пародийном представлении, компенсации за нарушение исключительного права, поскольку спорный фотоколлаж является пародией вследствие его явно иронического, комического эффекта с элементами сатиры — онлайн-стратегии от Ждуна на форуме¹⁰.

⁷ Перифраз отрывка из стихотворения А.А. Блока «Возмездие»: «Сотри случайные черты, / и ты увидишь — мир прекрасен».

⁸ Этот пример, по сути, — пародия на рассматриваемые спорные стикеры, признанные судами пародиями, т.е. пародия на пародию. По этой причине более точным видится указание в п. 4 ст. 1274 ГК РФ о создании пародии на основе первоначального (исходного), а не оригинального произведения.

⁹ Решение арбитражного суда г. Москвы от 22 декабря 2020 г. по делу № А40-292605/19-51-2279.

¹⁰ См. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 20 мая 2024 г. № 09АП-17699/2024-ГК по делу № А40-292989/23.

Суд по интеллектуальным правам согласился с выводом судов первой и апелляционной инстанций о том, что ООО «Си Ди Лэнд контакт» не имеет правовых оснований требовать от лиц, разместивших изображение, сходное с произведением, в пародийном представлении, компенсации за нарушение исключительного права, поскольку спорный фотоколлаж является пародией вследствие ее явно иронического, комического эффекта с элементами сатиры — онлайн-стратегии от Ждуна на форуме¹¹.

Насколько эти выводы справедливы? Начнем с того, что интеллектуальный труд по созданию спорного изображения (коллажа) сводится к фразе — «DIGITAL-СТРАТЕГИИ ОТ ЖДУНА НА SYNERGY DIGITAL FORUM». Эта фраза сама по себе законченной мысли не выражает, а лишь сообщает о том, что информация на сайте является онлайн-стратегией Ждуна на форуме. По этой причине в силу подп. 4 п. 6 ст. 1259 ГК РФ спорная фраза не может подлежать охране как литературное произведение. Более того, как показано выше, поскольку объектом пародирования является произведение изобразительного искусства, пародия должна быть произведением такого же вида.

Таким образом, результат интеллектуального труда ответчика по причине отсутствия собственного творческого вклада не может быть признан произведением, а значит, пародией. Сложно согласиться с тем, что добавление к произведению изобразительного искусства (или его части) только текста ведет к созданию пародии. Скорее всего, можно говорить об использовании произведения без согласия правообладателя под видом создания пародии.

По прямому указанию закона пародия создается на основе другого (оригинального) произведения, поскольку сама сущность пародии — ее двойной план, а невязка¹² планов и вызывает пародийный эффект (комизм)¹³. В данном случае в основе спорного фотоколлажа лежит «онлайн-стратегия на форуме», а не произведение. По этой причине вряд ли можно спорный фотоколлаж считать пародией в смысле п. 4 ст. 1274 ГК РФ. Так, А.С. Ворожечин, основываясь на таком критерии пародии, как обращенность на оригинальное произведение, выработанном в зарубежной

судебной практике, пришел к выводу, что «иной подход, при котором установление пародийного характера использования происходило бы в ситуации, когда последующее произведение само по себе носит комический, шуточный характер (не обращенный к оригиналу) и высмеивает некие абстрактные социальные явления, привел бы к неоправданному расширению сферы свободного использования. Тогда заинтересованным в использовании чужого произведения субъектам было бы достаточно немного творчески преобразовать оригинальное произведение в комическом ключе и вложить в переработанное произведение какой-либо дополнительный смысл, чтобы вывести произведение из сферы господства правообладателя... Подобное использование вступило бы в противоречие с нормальным использованием произведения и существенным образом нарушило бы интересы правообладателя» [5, с. 161].

Кроме того, в этом деле обращают на себя внимание следующие суждения судов. Во-первых, утверждение, что факт воспроизведения ответчиком спорного произведения изобразительного искусства с учетом имеющихся различий материалами дела не подтвержден. Но так ли это? В случае, когда суд квалифицировал спорный коллаж в качестве пародии, учитывая указание закона о том, что пародия создается на основе другого (оригинального) произведения, не правильнее ли думать, что ответчик, напротив, как раз использовал путем воспроизведения исходное произведение («Ждун») для создания пародии. Во-вторых, вывод о том, что спорное изображение — «изображение некоего существа с головой морского слона, верхние конечности которого изображены не полностью, нижняя часть тела не изображена», нельзя признать частью произведения «Ждун» в смысле п. 7 ст. 1259 ГК РФ, поскольку оно не обладает оригинальностью и как следствие не может быть признано самостоятельным результатом творческого труда автора. Кажется, приведенное описание спорного изображения легко узнаваемо как часть произведения изобразительного искусства «Ждун» и поэтому должно подлежать охране авторским правом в силу п. 81 Постановления Пленума № 10. Кроме того, вряд ли возможно отрицать отсутствие у изображения оригинальности, поскольку оно вполне выражает идею всего произведения — чувство тревоги и ожидания, надежды и незащищенности (сложенные на животе руки).

Как представляется, не было никаких причин утверждать, что воспроизведенная ответчиком часть произведения «Ждун» не является самостоятельным результатом творческого труда автора и поэтому не подлежит охране авторским правом. Ведь в противном случае, когда пародия основывается на неохраня-

¹¹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 15 июля 2021 г. № С01-975/2021 по делу № А40-292605/2019.

¹² Невязка — «отсутствие согласованности в чем-нибудь» [3, с. 332]; невязь, невязка — «недостаток связи» [4, с. 509].

¹³ Напомним, что термины «объект», «двойной план», «невязка», «пародичность» введены в теорию пародии Ю.Н. Тыняновым в работах «Достоевский и Гоголь (к теории пародии)» (1921) и «О пародии» (1929).

няемых элементах исходного произведения, создание и использование такой пародии не подлежит регулированию правилами п. 4 ст. 1274 ГК РФ. Причина в том, что на такие элементы не распространяются авторские права, возникшие на произведение в целом, и поэтому их использование в смысле ст. 1270 ГК РФ не требует разрешения автора (правообладателя).

Таким образом, не правильнее ли полагать, что если спорный фотоколлаж является пародией, то, поскольку пародия невозможна без использования «второго плана» (исходного произведения), воспроизведение ответчиком спорного произведения (или его элементов) изобразительного искусства «Ждун» является обязательным условием создания пародии. При этом используемые элементы исходного произведения непременно должны являться частями произведения в понимании п. 7 ст. 1259 ГК РФ.

Если говорить о квалификации спорного фотоколлажа в качестве пародии, то неясно, почему остался без должного внимания вопрос о том, были ли характерные черты исходного произведения «Ждун» гиперболизированы, ведь, согласно словарю, используемому судами, основное средство пародии — это «ироническое подражание осмеиваемому образцу, передача в гиперболизированном, шаржированном виде свойственных ему характерных черт, доведение их до абсурда, нелепости, чем и достигается сатирико-комический эффект»¹⁴. Завершая анализ дела, сделаю следующий вывод: основываясь лишь на общих критериях произведения, не используя жанровые признаки пародии, можно было бы разрешить рассмотренный спор, причем, скорее всего, не в пользу ответчика.

Небезынтересным видится дело № А40-106935/2021, в котором общество «Си Ди Лэнд контакт» обратилось в арбитражный суд с иском к акционерному обществу «Аргументы и факты» (далее — ответчик) о взыскании компенсации за нарушение авторских прав.

В обоснование исковых требований истец указал, что 10 мая 2018 г. ответчик допустил нарушение исключительного права истца, опубликовав на первой полосе газеты статью «ОТГРЕМЕЛИ ПРАЗДНИКИ... А ВЕТЕРАНЫ ПО-ПРЕЖНЕМУ ЖДУТ ЖИЛЬЯ» с изображением произведения изобразительного искусства — фантазийного существа под условным названием «Ждун» с головой морского слона и телом личинки, выполненным в положении сидя без ног, а также с руками человека.

По мнению суда первой инстанции, спорное изображение представляет собой фотоколлаж — произвольное соединение в одной картинке или фотографии

нескольких стилей изображения, элементом которого является несколько видоизмененное изображение произведения искусства «Ждун». Фотоколлаж создает иронический, комический эффект с элементами сатиры и относится к жанру карикатуры.

В своем выводе суд учел заключение специалистов по делу № А34-13733/18, которые установили следующие признаки карикатуры в спорном объекте исследования:

- осмеяние и острая сатирическая критика конкретных происходящих событий — «ожидание» ветеранами получения государственных льгот, в том числе предоставления жилья;
- критическое отношение к изображаемым событиям, поскольку автор использовал в фотоколлаже комический персонаж «Ждун» в контексте статьи «Умер, не дождавшись новоселья»;
- феномен преувеличенной похожести известного произведения изобразительного искусства «Ждун». В этом же проявляется неожиданное сопоставление ветерана с произведением изобразительного искусства «Ждун»;
- рассматриваемые события реальной жизни видятся художнику через призму не так давно прошедшего государственного Дня Победы, что в сочетании с произошедшими событиями создает трагикомический эффект.

В итоге суд заключил, что истец не имеет правовых оснований требовать от лица, разместившего изображение, схожее с произведением, в жанре карикатуры, компенсации за нарушение исключительного права¹⁵.

Повторно рассмотрев дело, арбитражный апелляционный суд оставил в силе решение суда первой инстанции¹⁶.

Судебная коллегия Суда по интеллектуальным правам согласилась с выводом судов, ответчик вправе использовать для создания фотоколлажа не принадлежащий ему результат интеллектуальной деятельности в силу положений п. 4 ст. 1274 ГК РФ¹⁷.

Таким образом, суды при квалификации спорного фотоколлажа в качестве карикатуры исходили из наличия у произведения (фотоколлажа) комического характера.

Оставляя без внимания наличие или отсутствие у спорного фотоколлажа комического характера, по-

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: решение Арбитражного суда г. Москвы от 6 декабря 2021 г. по делу № А40-106935/21-51-733.

¹⁶ См. Постановление Девятого апелляционного арбитражного суда № 09АП-1747/2022-ГК от 15 февраля 2022 г. по делу № А40-106935/21.

¹⁷ См. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 8 июня 2022 г. по делу № А40-106935/2021.

смотрим на этот коллаж с позиции ст. 1257 ГК РФ. Коллаж, который мы определяем как «произведение, созданное с использованием путем воспроизведения других произведений (или их частей), включая не охраняемые результаты интеллектуального труда, для выражения единой идеи» [6, с. 213], должен являться результатом собственного творческого труда. То есть коллаж не может состоять исключительно из произведений, к примеру рисунков (фотографий) или их частей, созданных другими авторами.

В данном случае спорный результат (фотоколлаж) представляет собой механическое соединение изображений ветерана и «Ждуна», размещенных на фоне недостроенных многоэтажных домов, снабженных фразой «ОТГРЕМЕЛИ ПРАЗДНИКИ... А ВЕТЕРАНЫ ПО-ПРЕЖНЕМУ ЖДУТ ЖИЛЬЯ (с. 8–9)». Фразу сложно признать частью спорного коллажа, поскольку она лишь информирует о том, что коллаж относится к статье с аналогичным заглавием, размещенной на с. 8–9. Не оспаривая, что совокупность изображений ветерана и «Ждуна», размещенных на фоне недостроенных многоэтажных домов, составляет единую композицию по выражению единой идеи, мы не можем признать спорную композицию результатом самостоятельного творческого труда — произведением и, тем самым, карикатурой. Кажется, перед нами заурядный случай копирования чужих произведений.

Таким образом, анализ дел, связанных с квалификацией результатов интеллектуальной деятельности в качестве пародии, показывает, что воспроизведение другого (оригинального) произведения (или его частей), в том числе дополненного словом (словосочетанием, фразой), в отсутствие собственного творческого вклада не может привести к созданию пародийного произведения в понимании п. 4 ст. 1274 ГК РФ. Можно, пожалуй, сказать, что такие случаи являются недобросовестной попыткой использования другого существующего произведения без согласия автора (правообладателя). К примеру, если разговор двух дам в «Мертвых душах» («приятной дамы» и «дамы приятной во всех отношениях»), комичный вследствие экспансивности, алогизма и использования салонно-дворянского жаргона, дополнить одной или несколькими словами или словосочетаниями, то вряд ли такой результат труда можно будет расценить как пародию на произведение (часть произведения) Н.В. Гоголя.

В качестве примера спора, в котором суд сформировал важный и правильный подход — внесение нетворческих изменений¹⁸ в используемое произве-

дение недостаточно для квалификации результата интеллектуальной деятельности в качестве пародии, — приведем дело № А36-12335/2019.

В этом деле общество с ограниченной ответственностью «Си Ди Лэнд контакт» (далее — ООО «Си Ди Лэнд контакт», истец) обратилось в арбитражный суд с исковым заявлением к обществу с ограниченной ответственностью «Прайм Фитнес» (далее — ООО «Прайм Фитнес», ответчик) о взыскании компенсации за незаконное использование произведения искусства в размере 450 тыс. рублей.

В обоснование исковых требований ООО «Си Ди Лэнд контакт» указало, что при осмотре страницы интернет-сайта по адресу: <http://lipetsk.primefitness.ru> им было установлено неправомерное использование произведения «Ждун», исключительное право на которое принадлежит истцу.

Изучив материалы дела и представленные сторонами доказательства, суд первой инстанции установил, что ответчик использовал мягкую игрушку, изображающую произведение «Ждун», для привлечения внимания к проводимому им мероприятию «Ночь фитнеса» с последующим размещением фотографий с изображением произведения «Ждун» на сайте фитнес-клуба. По мнению ответчика, использованная ответчиком мягкая игрушка представляет собой пародию на произведение «Ждун», создание и использование которой, согласно п. 4 ст. 1274 ГК РФ, допускается без согласия правообладателя.

Суд, основываясь на определении понятия «пародия», содержащегося в литературном словаре (пародия — это произведение искусства, имеющее целью создание у читателя (зрителя, слушателя) комического эффекта за счет намеренного повторения уникальных черт другого, обычно широко известного, произведения в специально измененной форме [2, с. 259–260]), не согласился с таким взглядом на содержание понятия «пародия». Суд указал, что пародия должна характеризоваться следующими квалифицирующими признаками: 1) создание у читателя (зрителя, слушателя) комического эффекта; 2) воспроизведение уникальных черт другого, обычно широко известного произведения; 3) существенное отличие от пародируемого произведения (его переработка).

заклЮчить, что пародия создается собственным творческим трудом с воспроизведением отдельных элементов (фрагментов) другого (пародируемого) произведения. Таким образом, создание пародии сводится не к изменению, а к воспроизведению исходного произведения (или его частей) в собственном произведении в целях изложения законченной мысли (чувства). Таким образом, признаком пародии является использование первоначального произведения (или его частей) путем воспроизведения.

¹⁸ Представляется, что из системного толкования правил о создании пародии «на основе другого произведения» (п. 4 ст. 1274 ГК РФ) творческим трудом (ст. 1257 ГК РФ), можно

По мнению суда, используемая ответчиком мягкая игрушка воспроизводит произведение «Ждун» без изменения, поэтому не является продуктом его переработки. При этом дополнение ответчиком игрушки, изображающей произведение «Ждун», табличкой «Жду тебя на тренировку» не может быть признано переработкой произведения «Ждун». Кроме того, дополнение произведения «Ждун» табличкой с надписью «Жду тебя на тренировку» не создает у зрителя комического эффекта, поскольку произведение «Ждун» представляет собой ироничное изображение человека, терпеливо ожидающего какого-либо события со смешанным чувством надежды и опасения, и связано в общественном сознании с ожиданием как состоянием психики человека¹⁹.

С учетом изложенного суд первой инстанции пришел к выводу, что ответчик использовал не пародию на произведение «Ждун», а непосредственно произведение как объект исключительных авторских прав. Поскольку ответчик не представил доказательств получения согласия правообладателя на использование спорного произведения, суд признал установленным факт нарушения ответчиком принадлежащих истцу исключительных прав на произведение «Ждун»²⁰. Этот вывод суда был поддержан судами апелляционной и кассационной инстанций²¹.

Как видим, по мысли судов, в отсутствие собственного творческого вклада не возникает произведения как самостоятельного объекта авторского права и, тем самым, пародии²². Действительно, ведь пародист это «не зеркало: он не должен только лишь

воспроизвести другое произведение (или его части) без всякого собственного осмысления — он создает собственный результат интеллектуального труда» [6, с. 36]. Однако иногда суды, оставляя без внимания тот факт, что пародия в смысле ст. 1257 ГК РФ — это самостоятельное произведение, ошибочно видят в спорных результатах интеллектуального труда пародию. Как справедливо отмечает Е.А. Павлова, «достаточно часто возникают ситуации, когда различные производные произведения (ст. 1260 ГК РФ) пытаются выдать за пародии, с тем чтобы воспользоваться ограничением, установленным п. 4 ст. 1274 ГК» [7, с. 261]. Поэтому правомерность заимствования части другого произведения в целях создания пародии имеет место тогда, когда воспроизводимое произведение (или его части) является объектом оценки (художественной критики).

В завершение можно сформулировать следующий вывод. Для признания результата интеллектуальной деятельности пародией в смысле п. 4 ст. 1274 ГК РФ необходимо выполнение таких условий:

- 1) результат интеллектуальной деятельности должен быть создан самостоятельным творческим трудом, т.е. должен являться произведением;
 - 2) произведение, созданное на основе другого (оригинального, исходного) произведения, должно относиться к тому же виду, что и исходное (литературному произведению, предмету изобразительного искусства и т.д.);
 - 3) произведение должно содержать характерные охраноспособные элементы (фрагменты) исходного произведения (или произведения в целом);
 - 4) произведение должно обладать жанровыми признаками пародии (пародийный комизм, узнаваемость).
- Думается, что суды могли бы использовать предложенный тест при разрешении споров, связанных с квалификацией результатов интеллектуальной деятельности в качестве пародийных произведений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Добролюбов Н.А. Полн. собр. соч. Т. 2. М.; Л.: ГИХЛ, 1935.
2. Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. М.: Просвещение, 1974.
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. проф. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. М.: Мир и образование, 2018.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2. 5-е изд., стереотип. М.: Рус. яз.; Дрофа-Медиа, 2008.

¹⁹ Автор не уверен, что можно твердо утверждать отсутствие комического эффекта как результата неожиданного соединения противоречивых идей (чувств), переданных изображением «Ждуна» (чувство тревоги и ожидания, надежды и беззащитности) и приглашением его на фитнес-тренировку (идея активной жизненной позиции). Смех как выражение несоответствия идей в данном случае, кажется, вполне возможен, но по своей природе вряд ли он будет пародийным, поскольку не направлен на высмеивание (критику) идеи персонажа «Ждун».

²⁰ Решение Арбитражного суда Липецкой области от 12 октября 2021 по делу № А36-12335/2019.

²¹ См.: Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 января 2022 г. по делу № А36-12335/2019; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 5 мая 2022 г. № С01-610/2022 по делу № А36-12335/2019.

²² В полном мере поддерживая выработанную судом позицию, отметим: совсем не лишним было бы указание, что произведение «Ждун» было неправомерно использовано ответчиком путем 1) воспроизведения — изготовления экземпляра произведения в материальной форме (подп. 1 п. 2 ст. 1270 ГК РФ) и 2) публичного показа, то есть демонстрации экземпляра произведения непосредственно в месте, открытом для свободного посещения, или в месте, где присутствует значительное число лиц, не принадлежащих к обычному кругу семьи (подп. 3 п. 2 ст. 1270 ГК РФ).

5. Ворожевич А.С. Границы исключительных прав, пределы их осуществления и защиты: дис. ... докт. юр. наук. М., 2021.
6. Витко В.С. Правовая природа производных произведений. М.: Статут, 2025.
7. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. Е.А. Павлова. М.: ИЦЧП имени С.С. Алексеева при Президенте РФ, 2018.

REFERENCES

1. Dobrolyubov N.A. Poln. sobr. soch. T. 2. M.; L.: GИHL, 1935.
2. Slovar' literaturovedcheskih terminov / red.-sost. L.I. Timofeev i S.V. Turaev. M.: Prosveshchenie, 1974.
3. Ozhegov S.I. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: Ok. 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenij / pod red. prof. L.I. Skvorcova. 27-e izd., ispr. M.: Mir i obrazovanie, 2018.
4. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. V 4 t. T. 2. 5-e izd., stereotip. M.: Rus. yaz. – Mediya; Drofa, 2008.
5. Vorozhevich A.S. Granicy iskl'yuchitel'nyh prav, predely ih osushchestvleniya i zashchity: dis. ... dokt. yur. nauk. M., 2021.
6. Vitko V.S. Pravovaya priroda proizvodnyh proizvedenij. M.: Statut, 2025.
7. Kommentarij k chasti chetvertoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii (postatejnyj) / otv. red. E.A. Pavlova. M.: ICChP imeni S.S. Alekseeva pri Prezidente RF, 2018.

КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ НА ПРИМЕРЕ РЫНКА МОДЫ THE FASHION MARKET AS AN EXAMPLE OF CREATIVE INDUSTRIES

Валентина Николаевна СИНЕЛЬНИКОВА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация, vsinel@hse.ru, Scopus ID 57194523357
ORCID 0000-0002-4544-0005

Мария Дмитриевна ПЛЕШКОВА

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Российская Федерация, mdpleshkova@edu.hse.ru, ORCID 0009-0005-8561-0055

Информация об авторах

В.Н. Синельникова — профессор департамента частного права факультета права НИУ «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор М.Д. Плешкова — студентка 5-го курса факультета права НИУ «Высшая школа экономики»

Аннотация. Принятие Федерального закона от 08.08.2024 № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» стало результатом десятилетнего внимания России к творческим технологиям в системе рыночной экономики, которые направлены на создание условий для самореализации граждан на основе использования творческого и интеллектуального потенциала, повышение уровня занятости граждан в области креативных (творческих) индустрий. Новый закон объединяет различные сферы общественных отношений, в том числе экономику, интеллектуальную собственность, этику и право, и создает правовую базу для промышленного (индустриального) применения результатов интеллектуальной деятельности в гражданском обороте и увеличения вклада креативной экономики в ВВП страны за счет продуктов с высокой добавленной стоимостью.

Анализируя данный закон и перспективы его использования на примере индустрии моды, авторы рекомендуют уточнить используемые в законе термины, в частности:

- в определении креативной (творческой) индустрии критерий уникальности, которым должен обладать кре-

- ативный продукт, заменить словами: «созданный творческим трудом автора» (подп. 1 ст. 3 Закона № 330-ФЗ);
- • уточнить и дополнить определение субъекта креативной индустрии указанием на возможность осуществлять предпринимательскую и иную приносящую доход деятельность (подп. 3 ст. 3 Закона № 30-ФЗ);
- • используя положительный опыт Южной Кореи в части, касающейся ускоренной регистрации товарных знаков на модные изделия, ввести в России процедуру упрощенной регистрации объектов интеллектуальной собственности, относящихся к сфере модной индустрии, предусмотрев охрану таких объектов с момента подачи заявки при условии предоставления трехмесячного срока на оспаривание.

- **Ключевые слова:** креативные индустрии, индустрия моды, промышленный образец, товарный знак, исключительное право, авторское право

Для цитирования: Синельникова В.Н., Плешкова М.Д.

- Креативные индустрии на примере рынка моды // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 55, № 4. С. 58–67;
- DOI: 10.17323/tis.2025.28899

Valentina N. SINELNIKOVA

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russian Federation, vsinel@hse.ru, Scopus ID 57194523357
ORCID 0000-0002-4544-0005

Mariia D. PLESHKOVA

National Research University “Higher School of Economics”, Moscow, Russian Federation, mdpleshkova@edu.hse.ru, ORCID 0009-0005-8561-0055

Information about the authors

- V.N. Sinelnikova — Professor of the Department of Private Law, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics, Doctor of Legal Sciences, Professor

M.D. Pleshkova — fifth-year student, Faculty of Law,
National Research University "Higher School of Economics"

Abstract. The adoption of Federal Law No. 330-FZ of August 8, 2024 "On the Development of Creative (Artistic) Industries in the Russian Federation" marked the culmination of a decade of sustained attention by Russia to creative technologies within the market economy. The Law is aimed at creating conditions for the self-realization of citizens through the use of their creative and intellectual potential and at increasing employment in the sphere of creative (artistic) industries. The new Law integrates various areas of public relations, including economics, intellectual property, ethics, and law, and establishes a legal framework for the industrial application of the results of intellectual activity in civil circulation. It also seeks to enhance the contribution of the creative economy to the country's GDP through the production of high value-added goods and services.

When analyzing this Law and assessing the prospects for its implementation in the fashion industry, the authors recommend clarifying certain terms used in the Law. In particular:

- in the definition of a creative (artistic) industry, the criterion of uniqueness required of a creative product should be replaced with the wording “created through the author’s creative labor” (sub-paragraph 1, Article 3 of Law No. 330-FZ);
- the definition of a subject of the creative industry should be clarified and supplemented by expressly indicating the right to carry out entrepreneurial or other income-generating activities (sub-paragraph 3, Article 3 of Law No. 330-FZ);
- the definition of a subject of the creative industry should be further expanded by incorporating the positive experience of the Republic of Korea, introduce in Russia a simplified procedure for the registration of intellectual property objects related to the fashion industry. It is proposed that such protection should take effect from the date of filing the application, provided that a three-month opposition period is granted.

Keywords: creative industries, fashion industry, industrial design, trademark, exclusive right, copyright

For citation: Sinelnikova V.N., Pleshkova M.D. The Fashion Market as an Example of Creative Industries // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2025. Vol. 55 (4). P. 58–67; DOI: 10.17323/tis.2025.28899

- •
•
•
•
•
•

ВВЕДЕНИЕ

Текущий период научно-технического развития общества приобрел новый вектор — комплексный подход, интегрирующий в технические сферы предпринимательства не подлежащие автоматизации результаты творчества и интеллектуальный капитал, посредством которых создаются товары, обладающие культурной, художественной или иной актуальной для общества ценностью, позволяющей участникам гражданского оборота использовать более широкий спектр возможностей для реализации оригинальных идей и развития талантов, а также успешно осуществлять коммерческую деятельность, повышая свою конкурентоспособность на рынке.

Важно отметить, что капитал, генерируемый посредством такой деятельности, формируется в основном за счет создания объектов интеллектуальной собственности и последующей их реализации в промышленных масштабах. Таким образом, в настоящее время доминирующую роль на рынке товаров, работ и услуг занимают индустрии, объединяющие различные сферы общественных отношений, в том числе экономику, интеллектуальную собственность, этику и право. В международном сообществе такие индустрии называют креативными (*creativus* — творческий), они стали «мягкой силой», вовлекающей создаваемые ценности культурного разнообразия в сферу повседневного потребления различных слоев населения, тем самым способствуя гармоничному развитию личности и росту качества жизни российского общества.

АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕМЫ И ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ПРИНЯТИЯ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА О КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЯХ

Значимость креативных индустрий в развитии экономики подтверждается многочисленными документами, регламентирующими творческую деятельность в промышленных масштабах во многих национальных правовых порядках ведущих стран мирового сообщества, а также международными соглашениями. В качестве примера вспомним Резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН, принятую 19 декабря 2019 г., которая провозгласила 2021 г. Международным годом креативных индустрий.

-

тивной экономики и призвала все государства-члены и другие международные и национальные организации, а также гражданское общество, частный сектор отметить этот год повышением взаимодействия и сетевой координации, обменом передовой практикой создания благоприятных условий развития творчества населения и эффективного внедрения таких результатов в гражданский оборот. Важно отметить, что Российская Федерация активно включилась в эти мероприятия. Так, 27–28 октября 2021 г. в Москве прошла первая Международная научная конференция «Креативная экономика: на пути к посткризисному восстановлению и устойчивому развитию», организатором которой выступил Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) в лице Института статистических исследований и экономики знаний (ИСИЭЗ). На этой конференции обсуждались актуальные вопросы креативной экономики и креативных индустрий, а также обмена передовым международным опытом в создании количественной доказательной базы для выработки государственной политики в этой области [1].

СТАДИИ ПОДГОТОВКИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА О КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЯХ

Здесь уместно сказать, что данное мероприятие стало результатом почти десятилетнего внимания России к творческим технологиям в системе рыночной экономики, поскольку еще в 2014 г. были разработаны и введены в действие «Основы государственной культурной политики» (далее — Основы). В них указывалось, что, принимая этот документ, «...государство впервые возводит культуру в ранг национальных приоритетов и признает ее важнейшим фактором роста качества жизни и гармонизации общественных отношений, залогом динамичного социально-экономического развития, гарантом сохранения единого культурного пространства и территориальной целостности России» (утв. Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 2014 г. № 808).

Основы, возводя культуру в ранг национальных приоритетов, ставят перед государством и обществом задачу: в исторически короткий период осуществить экономическую и социальную модернизацию страны, выйти на путь интенсивного развития, обеспечивающего готовность государства и общества ответить на вызовы современного мира посредством планомерных и последовательных инвестиций в человека, а также в развитие его интеллектуального потенциала и творческих способностей, которые объединят различные сферы общественных отношений, в том числе экономику, интеллектуальную собственность, этику

и право, и создадут условия для промышленного (индустриального) применения результатов интеллектуальной деятельности в гражданском обороте. Для достижения этих целей Основы дают определение и вводят в отечественную правовую систему термин «творческие индустрии», под которыми первоначально понимают компании, организации и объединения, производящие экономические ценности в процессе творческой деятельности, а также деятельности по капитализации культурных продуктов и их представлению на рынке.

К сфере творческих индустрий отнесли: промышленный дизайн и индустрию моды, музыкальную индустрию и индустрию кино, телевидение и производство компьютерных игр, галерейный бизнес, издательский бизнес и книготорговлю, рекламное производство и средства массовой информации. Позднее Указом Президента Российской Федерации от 25 января 2023 г. № 35 «О внесении изменений в Основы государственной культурной политики» нормативное понятие «творческие индустрии» было уточнено и получило формулировку «креативные (творческие) индустрии». Этот термин приобрел актуальность и стал применяться не только в сфере реализации культурной политики государства, в том числе в региональных и отраслевых нормативных правовых актах, для характеристики различных видов экономической деятельности, связанных с использованием интеллектуальной собственности (кинопроизводство, информационные технологии, архитектура и прочее), которые содержали различающиеся дефиниции понятийного аппарата и, соответственно, по-разному их применяли.

С учетом изложенного Правительство РФ вынуждено было решить данную проблему на федеральном уровне. С этой целью разрабатывается и вводится в действие «Концепция развития креативных (творческих) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки до 2030 года» (утв. Распоряжением Правительства РФ от 20 сентября 2021 г. № 2613-р, ред. от 21.10.2024), дополнением которой стал «План мероприятий по реализации в 2022–2024 годах Концепции развития творческих (креативных) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки в крупных и крупнейших городских агломерациях до 2030 года» (утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 августа 2022 г. № 2290-р, далее — План). Важно обратить внимание, что первый пункт Плана указал на необходимость закрепления института творческих (креативных) индустрий в законодательстве Российской Федерации. Одновременно Распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2021 г. № 2613-р отмечалось, что по состоянию на

2020 г. ярко прослеживается ряд глобальных трендов, а именно: «...основную долю добавленной стоимости различных товаров и услуг во все большем количестве секторов экономики обеспечивают именно результаты интеллектуальной, творческой деятельности»; также констатировалось, что креативные (творческие) индустрии предоставляют глобальные возможности для перспективных направлений сохранения рабочих мест и создания новых в отраслях, неразрывно связанных с творческой деятельностью человека, которая не может быть автоматизирована. Кроме того, сектор креативных (творческих) индустрий открывает широкие возможности для альтернативной занятости, в том числе для женщин, молодежи и лиц с ограниченными возможностями здоровья, что особенно актуально в период кризисных явлений в экономике.

Эти факторы предопределили необходимость, актуальность и стратегическую значимость создания федеральной нормативной правовой базы в сфере креативных индустрий. В 2023 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин поручил определить на законодательном уровне понятия «креативная экономика», «креативный кластер» и «креативные (творческие) индустрии», а также сформировать перечень креативных (творческих) индустрий (подп. «а», «б» п. 6 перечня поручений Президента Российской Федерации по итогам посещения выставки «Развитие креативной экономики в России» № Пр-1593). В целях унификации на федеральном законодательном уровне правового регулирования в сфере креативных индустрий и во исполнение указанного выше поручения Президента Российской Федерации был разработан и введен в действие Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 330-ФЗ «О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации» (далее — Закон № 330-ФЗ).

КРАТКИЙ АНАЛИЗ ПРЕАМБУЛЫ И ОСНОВНЫХ ТЕРМИНОВ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В ЗАКОНЕ О КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЯХ

Содержание этого закона базируется на ст. 44 Конституции Российской Федерации, гарантирующей свободу различных видов творчества, а также защиту результатов творчества как объектов интеллектуальной собственности и прав на них. Оно определяет основы создания и развития в Российской Федерации креативных (творческих) индустрий как базового сектора отечественной экономики, а также устанавливает условия деятельности и возможные меры государственной поддержки субъектов креативных индустрий. Основная цель Закона № 330-ФЗ — создание условий для самореализации граждан на основе использования творческого и интеллектуального потен-

циала, повышение уровня занятости граждан в сфере креативных (творческих) индустрий, а также дальнейшее развитие креативных индустрий в Российской Федерации и увеличение вклада креативной экономики в ВВП страны за счет продуктов с высокой добавленной стоимостью, так как достигнутые показатели свидетельствуют об отставании России от ведущих стран. Так, по сведениям Правительства РФ на начало 2024 г., «сектор креативных индустрий обеспечивает значимый вклад в мировую экономику: средняя доля сектора креативных (творческих) индустрий в мировом ВВП составляет 6,6%, в развитых странах эта доля достигает 8–12% при среднегодовом росте 15%, что существенно превышает средние темпы роста мировой экономики (прогнозируется сохранение этой тенденции в среднесрочном периоде). Однако в Российской Федерации, несмотря на высокий уровень образованности, развития науки и богатое историческое, культурное наследие, потенциал сектора креативной экономики недостаточно реализован — доля креативных (творческих) индустрий в экономике Российской Федерации составляет лишь 2,23%» [6].

Как видим, в России есть перспективы для развития таких индустрий, и, чтобы ускорить этот процесс, необходимо не только использовать экономические механизмы, но и разработать комплексные правовые акты, учитывающие трансформацию общества в сторону потребления результатов интеллектуальной деятельности в промышленных масштабах. Иными словами, правовая система интеллектуальной собственности должна стать ключевым инструментом, поддерживающим баланс устойчивого развития экономики, этики, коммерческих интересов, защитой прав создателей и потребителей объектов инновационного творчества. Такое сложное переплетение и одновременно диалектическое единство различных сфер профессиональной деятельности участников гражданского оборота, а также наличие слабых сторон (создатели и потребители инновационных объектов) обусловило необходимость регулирования возникающих правоотношений различными отраслями традиционного права, в том числе гражданского, корпоративного, предпринимательского, административного и международного частного, в рамках транснациональных творческих сообществ.

С учетом изложенного есть основания признать, что креативные индустрии представляют собой комплексный сектор гражданского оборота, в котором доминирующее место занимает не материальный ресурс, а интеллектуальная собственность, права на которую охраняются авторским правом или защищаются патентами, а также средствами индивидуализации. Вместе с тем следует признать, что Закон № 330-ФЗ, несмотря на свою новизну и актуальность, нуждается, как пока-

зывает (хотя и очень короткая) практика, в совершенствовании. Например, подп. 1 ст. 3, формулируя дефиницию креативной (творческой) индустрии, указывает на креативный продукт, который должен обладать (наряду с экономической ценностью) *уникальностью*.

Однако данный критерий отсутствует в подп. 2 этой же ст. 3 данного Закона: «2) креативный продукт — результат интеллектуальной деятельности или совокупность результатов интеллектуальной деятельности, а также продукция, работы, услуги, добавленная стоимость которых обусловлена использованием результатов интеллектуальной деятельности и (или) средств индивидуализации». Более того, критерий уникальности не указан ни в одной норме части четвертой Гражданского кодекса РФ! Существенная неточность данной диспозиции очевидна, чтобы устранить ее и привести в соответствие с частью четвертой Гражданского кодекса РФ (ст. 1275, 1347, 1448 и другие), необходимо заменить уникальность на указание, что креативный продукт является результатом творческого труда автора.

Еще один аспект: диспозиция подп. 3 ст. 3 Закона № 330-ФЗ устанавливает, что субъектом креативной индустрии является физическое лицо, юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, осуществляющие *коммерческую деятельность* по созданию, продвижению на внутреннем и внешнем рынках, распространению и (или) реализации креативного продукта (курсив наш. — В.С., М.П.). Таким образом, законодатель императивно поставил пределы: субъект должен осуществлять *коммерческую деятельность*! При этом он упустил из виду, что Гражданский кодекс РФ и многие другие нормативные правовые акты указывают на *предпринимательскую деятельность*, которая по своему содержанию — более широкое понятие, охватывающее любую деятельность, направленную на получение систематической прибыли, включая производство, продажу товаров, оказание услуг и пользование имуществом, в то время как коммерческая деятельность является одним из видов предпринимательской деятельности, сосредоточенным на купле-продаже товаров и услуг (торговле) для получения прибыли.

При этом диспозиция подп. 3 ст. 3 Закона № 330-ФЗ устанавливает, что субъект креативной индустрии осуществляет деятельность *по созданию* и продвижению креативного продукта. Отсюда логически следует, что субъект, создавая продукт, а затем его продвигая на рынке, осуществляет именно *предпринимательскую деятельность*. И еще один аспект: если субъектом будет некоммерческая организация, то, согласно п. 4 ст. 50 ГК РФ, она может осуществлять *приносящую доход деятельность* при условии, что такая указана в ее уставе и служит достижению целей, ради которых эта

некоммерческая организация создана. Иными словами, некоммерческая организация может предусмотреть в своем уставе вид деятельности, который относится к сфере креативных индустрий, и, руководствуясь п. 4 ст. 50 ГК РФ, осуществлять такую деятельность. Однако в этих случаях некоммерческая организация будет нарушать Закон № 330-ФЗ. Для устранения имеющихся коллизий рекомендуем уточнить и дополнить определение субъекта креативной индустрии указанием на возможность осуществлять предпринимательскую и иную приносящую доход деятельность.

МОДА КАК ЧАСТЬ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ

Концепция развития креативных (творческих) индустрий включает в себя весьма широкий перечень творческих отраслей, в том числе прикладные креативные (творческие) индустрии, а именно индустрию моды, которая, согласно Перечню видов экономической деятельности в сфере креативных (творческих) индустрий на основе Общероссийского классификатора видов экономической деятельности, объединяет довольно широкий спектр видов творческой деятельности [8] (см. таблицу).

Код по ОКВЭД 2	Наименование вида экономической деятельности по ОКВЭД 2
13.30.5	Нанесение рисунка на текстильные изделия и готовую одежду
13.92.2	Пошив по индивидуальному заказу населения готовых текстильных изделий, кроме одежды
13.99.4	Изготовление по индивидуальному заказу населения прочих текстильных изделий, не включенных в другие группы
14.11.2	Пошив одежды из кожи по индивидуальному заказу населения
14.13.3	Пошив и вязание прочей верхней одежды по индивидуальному заказу населения
14.14.4	Пошив нательного белья по индивидуальному заказу населения
14.19.5	Пошив и вязание прочей одежды и аксессуаров одежды, головных уборов по индивидуальному заказу населения
14.20.2	Пошив меховых изделий по индивидуальному заказу населения
14.31.2	Изготовление вязаных и трикотажных чулочно-носочных изделий по индивидуальному заказу населения
14.39.2	Изготовление прочих вязаных и трикотажных изделий, не включенных в другие группировки по индивидуальному заказу населения

Код по ОКВЭД 2	Наименование вида экономической деятельности по ОКВЭД 2
15.20.5	Пошив обуви и различных дополнений к обуви по индивидуальному заказу населения
32.12.6	Изготовление ювелирных и аналогичных изделий по индивидуальному заказу населения
32.13	Производство бижутерии и подобных товаров

Как видим, современная индустрия моды (фэшн-индустрия) представляет собой одну из наиболее динамично развивающихся сфер креативных индустрий, в которой синтезируются художественное творчество, технологические инновации и предпринимательская деятельность. Мода перестала быть исключительно проявлением эстетических предпочтений — сегодня она является инструментом культурной идентичности, коммуникации и, в особенности, экономического роста.

Вместе с тем развитие модного рынка сопровождается ростом числа нарушений исключительных прав на результаты творческой деятельности, что создает проблемы для охраны и защиты прав дизайнеров и брендов. Эти и многие другие факторы обусловили тему нашего исследования: проанализировать диалектическую взаимосвязь креативных индустрий и объем охраноспособности модных изделий в России с точки зрения эффективности защиты прав дизайнеров.

ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ АВТОРСКИХ ПРАВ В МОДНОЙ ИНДУСТРИИ

В последние десятилетия мода приобрела характер полноценной творческой отрасли, где результатом интеллектуальной деятельности становятся дизайн одежды, аксессуаров, а также визуальные концепции брендов.

На основе положений ст. 1259 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. (в ред. от 23.07.2025) объекты авторского права в моде можно рассматривать как «произведения изобразительного искусства», «произведения декоративно-прикладного искусства», «фотографические произведения». Иногда «модные» объекты выделяют как отдельные произведения в графе «Другие произведения» ввиду открытого перечня ст. 1259 Гражданского кодекса РФ.

При выделении объектов авторских прав в сфере моды нельзя не учитывать тот факт, что мода — это часто меняющееся явление, которому присущи тренды и тенденции ускоренного развития. При смене сезонов то или иное изделие теряет свою новизну и «модность». Оставаясь физически неизменными, одежда,

обувь, аксессуары могут значительно потерять в стоимости и уровне спроса вследствие изменения момента реализации [5]. Между тем эти изделия остаются объектами материального мира и, соответственно, могут быть объектами авторского права и претендовать на охраноспособность. Поэтому было бы логичнее выделять «модные изделия» в целом как самостоятельные произведения и закрепить их в ст. 1259 Гражданского кодекса РФ как объекты авторского права.

Для понимания тенденций развития фэшн-индустрии необходимо обратиться еще и к зарубежной практике охраны деятельности брендов, поскольку в данной области многими государствами сформирован богатый исторический опыт.

В странах континентального права результаты интеллектуальной деятельности дизайнеров охраняются авторским правом в полном объеме. К примеру, французская система наиболее благоприятна для брендов и творцов: в п. 14 ст. L112-2 Кодекса интеллектуальной собственности от 1 июля 1992 г. (в ред. 13.03.2025) в качестве интеллектуальных произведений поименована сезонная продукция отраслей по производству одежды и аксессуаров, которая рассматривается в качестве сезонной в связи с требованиями моды о ее частом изменении [9]. К модной продукции отнесено множество изделий: от одежды и перчаток до кожи и ткани «от кутюр» (Haute Couture) [9]. В целом, французские суды очень часто становятся на сторону модных домов, поясняя, что такое вмешательство направлено на защиту прав авторов результатов интеллектуальной деятельности, таких как модели одежды домов моды, от угроз их нарушения, перед которыми мир высокой моды особенно уязвим [7].

Тем не менее ввиду различий отношения к охраноспособности модных изделий в разных правовых системах модные дома и дизайнеры не могут получить всеобъемлющую защиту своей интеллектуальной собственности при продвижении результатов их творчества на международный рынок. Это приводит к тому, что в одном государстве бренд может полностью защитить коллекции и изделия как объекты авторского права, а в другом, например в США и Великобритании, они будут восприниматься исключительно с утилитарной точки зрения как потребительские товары, то есть конкуренты смогут копировать такие дизайны.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В МОДНОЙ ИНДУСТРИИ

В последнее время не только российские, но и зарубежные юристы, которые специализируются в правовой охране дизайна, все чаще стали обращать вни-

мание именно на патентно-правовую охрану и охрану товарных знаков в сфере индустрии моды как на наиболее эффективную [4]. Это можно объяснить тем, что критерии охраноспособности товарных знаков и промышленных образцов более унифицированы, поэтому участники фэшн-индустрии смогут лучше защищать свои изделия и права на них.

В данном контексте особое внимание заслуживает правовая модель Республики Корея, где защита интеллектуальных прав в индустрии моды достигла высокого уровня. Южнокорейскую законодательную базу по охране интеллектуальной собственности в моде формируют четыре основных закона: Design Protection Act (Закон о защите дизайна, далее — DPA), Trademark Act (Закон о товарных знаках, далее — ТМА), Copyright Act (Закон об авторском праве, далее — СА) и Unfair Competition Prevention and Trade Secret Protection Act (Закон о недобросовестной конкуренции и защите коммерческой тайны, далее — УСРА). С помощью такой системы специальных законов модные изделия получают более полную защиту с точки зрения как авторского права, так и товарных знаков и промышленных образцов.

Так, в соответствии со ст. 1 DPA целью данного закона являются защита и поощрение использования дизайнов и стимулирование создания новых для содействия развитию промышленности [15]. То есть законодатель делает акцент именно на творческой составляющей модного изделия и вкладе автора, а не только на его утилитарной функции, как в США [11]. Также в ст. 2 DPA дается определение понятию «дизайн» — это форма, рисунок или цвет изделия, включая части изделия и шрифты, которые вызывают чувство прекрасного посредством визуального восприятия [16].

Важная особенность DPA заключается в том, что он закрепляет возможность регистрации одежды, галантереи и иных текстильных изделий (классы 2 и 5 по Локарнской классификации) по Partial examination system (PES). В 2019 г. были приняты поправки, которые позволяют зарегистрировать дизайн модных изделий по упрощенной процедуре всего лишь в течение 10 дней: в рамках PES проводится ограниченная экспертиза по соответствию заявки формальным требованиям и отсутствию конфликта дизайна с известными товарными знаками, авторскими правами и иными ранее зарегистрированными дизайнами [13]. Поскольку полной проверки новизны и оригинальности дизайна не происходит, DPA дает возможность подачи возражения по процедуре Post-grant opposition в течение трех месяцев после регистрации дизайна — если были нарушены авторские или иные права, то регистрация будет аннулирована [17].

Российское регулирование регистрации патентов на промышленные образцы значительно уступает такой же процедуре в Южной Корее, поскольку по регламенту Роспатента стандартный срок регистрации составляет около 14 месяцев, а ускоренная регистрация может занять до двух месяцев [3]. Более того, стоимость ускоренной регистрации начинается от 47 500 рублей дополнительно к изначальной государственной пошлине за данную услугу [2]. В то же время регистрация по PES, которая специально предусмотрена для модных брендов, будет стоить от 63 000 вон (примерно 3700 рублей), и такой дизайн изделия будет зарегистрирован уже в течение 10 дней [10].

Процедура упрощенной регистрации PES кардинально решает проблему быстропроходящих трендов и тенденций на модном рынке, так как бренды в Южной Корее получают практически моментальную правовую охрану своих творений без опасений незаконного копирования или потери «модной» ценности. В то же время в России даже ускоренная регистрация создает для дизайнеров риск упустить момент наивысшей популярности и как следствие прибыли, поскольку актуальность модного изделия проходит по мере смены сезона, а конкуренты уже в первые дни выхода коллекции могут украсть идею создателя.

Следующим крайне важным законом в системе защиты интеллектуальной собственности в модной индустрии Южной Кореи является Trademark Act от 28.11.1949. ТМА — достаточно инновационный закон в сфере защиты товарных знаков ввиду его гибкости и расширенного перечня охраняемых объектов, что соответствует быстроменяющемуся современному рынку моды, особенно если учитывать тот факт, что Южная Корея была первой азиатской страной, закрепившей нетрадиционные товарные знаки. В ст. 2 Trademark Act указано, что помимо привычных товарных знаков могут быть зарегистрированы трехмерные формы, цветовые сочетания, звуковые дорожки, запахи и иное [18]. Это поистине актуально для модных домов, поскольку появляется возможность обеспечить правовой охраной «ДНК бренда»: от моделей сумок до запаха духов и цвета упаковочных коробок. Кроме того, предусмотрена возможность регистрации товарного вида (trade dress) в качестве товарного знака, если, например, упаковка, форма сумки или декор магазина получили устойчивую узнаваемость и ассоциацию с брендом [12]. И даже при отсутствии регистрации trade dress может быть защищен Unfair Competition Prevention and Trade Secret Protection Act: действие этого закона на охрану незарегистрированных фэшн-дизайнов расширило решение Верховного Суда Республики Корея по делу Hermès против Suwa United Corporation, о котором

упоминалось в предыдущем разделе. Именно это дело послужило прецедентом для того, чтобы положение USCPA «catch-all» стало активно применяться судами в решении споров относительно незарегистрированных товарных знаков на модные изделия.

В России же действие Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (в ред. от 24.06.2025) не распространяется на незарегистрированные товарные знаки или товарный вид в сфере моды: незарегистрированные дизайны будут регулироваться положениями гл. 70 «Авторское право» Гражданского кодекса РФ. В связи с этим в России авторское право на дизайн модного изделия не является достаточно эффективным способом защиты интеллектуальной собственности в моде без сопутствующего применения положений о товарных знаках и промышленных образцах.

Эта же проблема касается и законодательства Южной Кореи: Copyright Act, принятый в 1957 г., защищает авторские права на произведение с момента его создания, если модный дизайн отличается уникальностью и оригинальностью и в него был заложен творческий замысел [14]. Copyright Act действительно может защитить дизайн, который содержит художественные элементы и оригинальные рисунки, однако такая защита будет малоэффективна, если необходимо получить охрану на форму или функциональные особенности изделия. Именно поэтому на южнокорейском модном рынке бренды чаще всего прибегают к защите своих прав через положения DPA, TMA и USCPA, а Copyright Act является скорее дополнительным «слоем» защиты интеллектуальной собственности.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ УСПЕШНЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ПРАКТИК В ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

В целом, законодательство и правоприменение в Южной Корее выстроены на принципах тесного взаимодействия норм разных законов для более эффективной охраны интеллектуальных прав, чтобы при необходимости была возможность восполнить возникший пробел другим нормативным правовым актом. Как правило, такую роль играет Unfair Competition Prevention and Trade Secret Protection Act, что сильно отличает корейское правоприменение от российского, в котором не было подобных судебных прецедентов. Более того, поистине уникальным актом является Design Protection Act, создающий такой уровень охраны и удобства регистрации именно модных изделий, что и мировые бренды, и национальные дизайнеры активно развивают южнокорейский фэшн-рынок.

Российскому законодателю действительно целесообразно обратить внимание как на французскую

модель максимального объема защиты авторских прав дизайнеров и брендов, так и на южнокорейскую комплексную систему охраны модных изделий посредством промышленных образцов и товарных знаков с применением положений о защите конкуренции. По нашему мнению, особенно эффективной для развития фэшн-индустрии в России будет ускоренная процедура регистрации промышленных образцов на модные изделия по аналогии с южнокорейской PES со сроком три месяца на оспаривание такой регистрации (Post-grant opposition).

ВЫВОДЫ

Индустрия моды мирового сообщества действительно обладает развитой системой охраны объектов интеллектуальной собственности, которые помогают эффективно и быстро защищать права на модные результаты творческой деятельности, которые активно используются в промышленных объемах (креативных индустриях).

Как показывает практика, национальные правовые порядки многих стран в целях соответствия потребностям креативных индустрий систематически обновляются: например, принимаются новые законы, вводятся в оборот новые термины, формулируются инновационные решения для защиты творений дизайнеров и модельеров. Применительно к России необходимо отметить, что рынку моды становится «тесно» в рамках отечественного законодательства, которое пока еще неспособно так быстро меняться и преодолевать современные вызовы в сфере моды. Поэтому использование новейших мировых решений в модном праве в целях модернизации правовой системы России в части, касающейся интеллектуальной собственности в сфере креативных индустрий, следует признать весьма актуальным.

С учетом изложенного и по итогам проведенного исследования предлагаем следующие решения. Во-первых, в определении креативной (творческой) индустрии критерий уникальности, которым должен обладать креативный продукт, заменить словами: «созданный творческим трудом автора» (подп. 1 ст. 3 Закона № 330-ФЗ). Во-вторых, уточнить и дополнить определение субъекта креативной индустрии указанием на возможность осуществлять предпринимательскую и иную приносящую доход деятельность (подп. 3 ст. 3 Закона № 330-ФЗ). Наконец, используя положительный опыт Южной Кореи, ввести в России процедуру упрощенной регистрации объектов интеллектуальной собственности, относящихся к сфере модной индустрии, предусмотрев охрану с момента подачи заявки при условии предоставления трехмесячного срока на оспаривание.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. I Международная научная конференция «Креативная экономика: на пути к посткризисному восстановлению и устойчивому развитию» // НИУ ВШЭ. [Электронный ресурс]. URL: clck.ru/3PksJD (дата обращения: 16.10.2025).
2. В ФИПС работает опция по ускоренному порядку рассмотрения заявок на регистрацию объектов интеллектуальной собственности до двух месяцев // ФИПС. [Электронный ресурс]. URL: <https://new.fips.ru/news/uskorennyj-poryadok-rassmotreniya-zayavok/> (дата обращения: 16.10.2025).
3. Государственная регистрация промышленного образца и выдача патента на промышленный образец, его дубликата // Роспатент (ФИПС). [Электронный ресурс]. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/stateservices/gosudarstvennaya-registraciya-promyshlennogo-obrazca-i-vydacha-patenta-na-promyshlenny-obrazec-ego-dublikata> (дата обращения: 16.05.2025).
4. Гринь Е.С. Объекты авторских прав в индустрии моды // Интеллектуальная собственность. Авторские и смежные права. 2018. № 6.
5. Дорофеева А.М. Интеллектуальная собственность в шоу-бизнесе, моде и спорте: уч. Пособие / под общ. ред. Л.А. Новоселовой. М.: Проспект, 2021.
6. Концепция развития креативных (творческих) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки до 2030 года. (в ред. распоряжения Правительства РФ от 6.01.2024 № 45-р) // СПС КонсультантПлюс
7. Постановление ЕСПЧ от 10.01.2013 «Дело Ашби Доналд и другие против Франции» (жалоба № 36769/08) // СПС КонсультантПлюс.
8. Приказ Минэкономразвития России от 23.04.2025 № 266 «Об утверждении перечня видов экономической деятельности в сфере креативных (творческих) индустрий на основе Общероссийского классификатора видов экономической деятельности».
9. Code de la propriété intellectuelle (version consolidée au 13 mars 2025) // WIPO. [Electronic resource]. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/fr/legislation/details/23227> (date of access: 15.10.2025).
10. Fees and Payments // KIPO. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kipo.go.kr/en/HtmlApp?c=93006&catmenu=ek04_04_01 (date of access: 16.10.2025).
11. Kim C., Ko E. A Study on the Legal Protection of Fashion Design: Comparison between Korea and the United States // Taylor & Francis Online. [Electronic resource]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/20932685.2011.10593088> (date of access: 15.10.2025).
12. Protecting trade dress creatively in Korea // Managing IP. [Electronic resource]. URL: <https://clck.ru/3MMSQQ> (date of access: 16.10.2025).
13. South Korea: Fashion design registration is now available within 10 days // Managing IP. [Electronic resource]. URL: <https://www.managingip.com/article/2a5bqo2drut0bxjhvcxr/south-korea-fashion-design-registration-is-now-available-within-10-days> (date of access: 15.10.2025).
14. 제2조 저작권법 [시행 2024. 2. 9.] [법률 제 19597호, 2023. 8. 8., 일부개정] // WIPO. [Electronic resource]. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22258> (date of access: 20.05.2025).
15. 제1조 디자인보호법 (법률 제19710호, 2023. 9. 14., 일부개정) // WIPO. [Electronic resource]. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22221> (date of access: 15.10.2025).
16. 제2조 디자인보호법 (법률 제19710호, 2023. 9. 14., 일부개정) // WIPO. [Electronic resource]. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22221> (date of access: 15.10.2025).
17. 제68조-제75조 디자인보호법 (법률 제19710호, 2023. 9. 14., 일부개정) // WIPO. [Electronic resource]. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22221> (date of access: 15.10.2025).
18. 제2조 상표법 (시행 2024. 5. 1.) (법률 제19809호, 2023. 10. 31., 일부개정) // WIPO. [Electronic resource]. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22265> (date of access: 16.10.2025).

REFERENCES

1. I Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya "Kreativnaya ekonomika: na puti k postkrizisnomu vosstanovleniyu i ustoychivomu razvitiyu" // National Research University "Higher School of Economics". [Elektronnyj resurs]. URL: clck.ru/3PksJD (data obrashcheniya: 16.10.2025).
2. V FIPS rabotaet optsya po uskorennomu poryadku rassmotreniya zayavok na registratsiyu ob"ektov intellektual'noy sobstvennosti do 2 mesyatsev // Federal Institute of Industrial Property (FIPS). [Elektronnyj resurs]. URL: <https://new.fips.ru/news/uskorennyj-poryadok-rassmotreniya-zayavok/> (data obrashcheniya: 16.10.2025).
3. Gosudarstvennaya registratsiya promyshlennogo obraztsa i vydacha patenta na promyshlenny obrazec, ego dublikata // Rospatent (FIPS). [Elektronnyj resurs]. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/stateservices/gosudarstvennaya-registraciya-promyshlennogo-obrazca-i-vydacha-patenta-na-promyshlenny-obrazec-ego-dublikata> (data obrashcheniya: 16.05.2025).

4. Grin' E.S. Ob"ekty avtorskikh prav v industrii mody // *Intellektual'naya sobstvennost'*. Avtorskiye i smezhnyye prava. 2018. No. 6.
5. Dorofeeva A.M. *Intellektual'naya sobstvennost' v shou-biznese, mode i sporte: uchebnoye posobiye* / ed. by L.A. Novoselova. M.: Prospekt, 2021.
6. Kontseptsiya razvitiya kreativnykh (tvorcheskikh) industriy i mekhanizmov osushchestvleniya ikh gosudarstvennoy podderzhki do 2030 goda (as amended by the Order of the Government of the Russian Federation No. 145-r of 06.01.2024) // SPS "Konsul'tantPlyus".
7. Postanovlenie ESPCh ot 10.01.2013 "Delo 'Ash-bi Donal'd i drugiye protiv Frantsii" (complaint No. 36769/08) // SPS "Konsul'tantPlyus".
8. Prikaz Minekonomrazvitiya Rossii ot 23.04.2025 No. 266 "Ob utverzhdenii perechnya vidov ekonomicheskoy deyatel'nosti v sfere kreativnykh (tvorcheskikh) industriy na osnove Obshcherossiyskogo klassifikatora vidov ekonomicheskoy deyatel'nosti".
9. Code de la propriété intellectuelle (version consolidée au 13 mars 2025) // WIPO. [Electronic resource]. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/fr/legislation/details/23227> (date of access: 15.10.2025)
10. Fees and Payments // KIPO. [Electronic resource]. URL: https://www.kipo.go.kr/en/HtmlApp?c=93006&cat-menu=ek04_04_01 (date of access: 16.10.2025).
11. Kim C., Ko E. A Study on the Legal Protection of Fashion Design: Comparison between Korea and the United States // Taylor & Francis Online. [Electronic resource]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/20932685.2011.10593088> (date of access: 15.10.2025).
12. Protecting trade dress creatively in Korea // *Managing IP*. [Electronic resource]. URL: <https://clck.ru/3MMSQQ> (date of access: 16.10.2025).
13. South Korea: Fashion design registration is now available within 10 days // *Managing IP*. [Electronic resource]. URL: <https://www.managingip.com/article/2a5bqo2drurt0bxjhcxr/south-korea-fashion-design-registration-is-now-available-within-10-days> (date of access: 15.10.2025).
14. 제2조 저작권법 [시행 2024. 2. 9.] [법률 제 19597호, 2023. 8. 8., 일부개정] // WIPO. [Electronic resource]. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22258> (date of access: 20.05.2025).
15. 제1조 디자인보호법 (법률 제19710호, 2023. 9. 14., 일부개정) // WIPO. [Electronic resource]. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22221> (accessed: 15.10.2025).
16. 제2조 디자인보호법 (법률 제19710호, 2023. 9. 14., 일부개정) // WIPO. [Electronic resource]. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22221> (date of access: 15.10.2025).
17. 제68조-제75조 디자인보호법 (법률 제19710호, 2023. 9. 14., 일부개정) // WIPO. [Electronic resource]. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22221> (date of access: 15.10.2025).
18. 제2조 상표법 (시행 2024. 5. 1.) (법률 제19809호, 2023. 10. 31., 일부개정) // WIPO. [Electronic resource]. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22265> (date of access: 16.10.2025).

ЦИФРОВАЯ МОДЕЛЬ КАК ОБЪЕКТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВОЗМОЖНОГО ПРИМЕНЕНИЯ НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА МЕЖДУНАРОДНЫХ АНАЛОГОВ

THE DIGITAL MODEL AS AN OBJECT OF INTELLECTUAL PROPERTY: THEORETICAL ASPECTS OF POSSIBLE APPLICATION BASED ON THE ANALYSIS OF INTERNATIONAL ANALOGUES

Оксана Андреевна ВАСЮЧКОВА

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия,

OAVasyuchkova@fa.ru,

SPIN-код 5043-8504,

ORCID 0000-0002-1513-3231

Василий Павлович АФОНИН

Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия,

afoninvp1@mail.ru,

SPIN-код 7003-625

Информация об авторАХ

О.А. Васючкова — доцент кафедры международного и публичного права юридического факультета Финансового университета при Правительстве РФ, кандидат юридических наук

В.П. Афонин — консультант автономной некоммерческой организации «Научно-исследовательский кластер в области науки, образования, права «РЕПУТАЦИЯ»», студент юридического факультета Финансового университета при Правительстве РФ

Аннотация. Активное развитие цифровой среды обусловило появление новых объектов интеллектуальной собственности — цифровых моделей. К настоящему времени цифровые модели активно используются как предпринимателями, так и гражданами, участвуют в коммерческом обороте в качестве предмета сделок. При этом актуальное законодательство не обеспечива-

- ет исчерпывающее правовое регулирование цифровых
- моделей, поскольку в принципе не выделяет последние
- в качестве объекта интеллектуальной собственности.
- Авторы проанализировали такой объект интеллектуальной собственности, как цифровая модель, и аргументировали необходимость включения цифровой модели
- в перечень объектов интеллектуальной собственности, а также его последующей защиты законом как произведения. В работе также раскрыты характеристики и существенные черты объекта, исследованы предпосылки возникновения последнего.

Ключевые слова: цифровая модель, цифровые технологии, интеллектуальная собственность, цифровая среда, международное, гражданское право

- **Для цитирования:** Васючкова О.А., Афонин В.П. Цифровая модель как объект интеллектуальной собственности: теоретические аспекты возможного применения на
- основе анализа международных аналогов // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 55, № 4. С. 68–78; DOI: 10.17323/tis.2025.28900

Oksana A. VASYUCHKOVA

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,

• OAVasyuchkova@fa.ru,

SPIN-код 5043-8504,

ORCID 0000-0002-1513-3231

•

Vasily P. AFONIN

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,
afoninvp1@mail.ru,
SPIN-код 7003-625

Information about the authors

O.A. Vasyuchkova — Senior Lecturer at the Department of International and Public Law of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Legal Sciences

V.P. Afonin — Consultant of the autonomous non-profit organization Scientific Research Cluster in the field of science, education, law "REPUTATION", student of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation

Abstract. The active development of the digital environment has led to the emergence of new intellectual property objects — digital models. To date, digital models are actively used by both entrepreneurs and citizens, and participate in commercial turnover as the subject of transactions. At the same time, current legislation does not provide comprehensive legal regulation of digital models, since, in principle, it does not single out the latter as an object of intellectual property. The authors analyzed such an object of intellectual property as a digital model, argued for the need to include a digital model in the list of intellectual property objects. The work also reveals the characteristics and essential features of the object, and the prerequisites for the emergence of the latter.

Keywords: digital model, digital technologies, intellectual property, digital environment, international, civil law

For citation: Vasyuchkova O.A., Afonin V.P. The Digital Model as an Object of Intellectual Property: Theoretical Aspects of Possible Application Based on the Analysis of International Analogues // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2025. Vol. 55 (4). P. 68–78; DOI: 10.17323/tis.2025.28900

•
•
•
•
•
•
•

ВВЕДЕНИЕ

К настоящему времени цифровые технологии доказали свою эффективность почти во всех сферах общественной жизни, в частности в таких значимых, как экономика, бизнес, государственное управление. Практика показывает, что степень внедрения цифровых технологий определяет конкурентоспособность не только отдельных предприятий, но и государств в целом. Международным союзом электросвязи (МСЭ, ITU) [1], который является специализированным учреждением Организации Объединенных Наций, опубликован отчет о развитии информационно-коммуникационных технологий в 2024 г., где РФ занимает 40-е место в мировом рейтинге с присвоенным индексом 90,6 из 100 [2]. При этом, согласно данным аналогичного отчета за 2023 г., Россия тогда занимала 38-е место с индексом 88,9 [3]. Для формирования наиболее полной и объективной картины необходимо обратиться и к другим исследованиям.

По данным Роспатента, в 2022 г. Российская Федерация заняла 14-е место в мире по развитию цифровых технологий [4]. Различие данных о рейтинге России с большей вероятностью обусловлено разными методологиями исследования, однако дифференцированность рейтинга позволяет сформировать объективную картину развития «цифры» в нашей стране.

Основное условие развития цифровых и информационных технологий в государстве — создание благоприятной среды, основа которой формируется прежде всего посредством актуального правового регулирования правоотношений. В РФ Указом Президента «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 07.05.2018 № 204 [5] была сформирована национальная программа «Цифровая экономика», в рамках которой создан национальный проект «Нормативное регулирование цифровой среды», что стало свидетельством признания на государственном уровне данного направления как одного из приоритетных. Указом Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [6] установлены цели развития на указанные периоды, среди которых в качестве приоритетной указана

цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы (подп. «ж» п. 1). Таким образом, для достижения упомянутых целей и улучшения позиций России в мировом рейтинге формирование наиболее полной нормативной базы является необходимым условием.

Цифровые модели представляют собой одно из наиболее востребованных и современных направлений, для развития которых необходимо ясное и понятное нормативно-правовое регулирование. Учитывая творческий характер цифровых моделей, авторы в рамках настоящего исследования проанализировали возможность их взаимосвязи с интеллектуальной собственностью и определили место цифровой модели в сфере интеллектуального права для защиты прав создателей цифровой модели на результаты интеллектуальной деятельности. В статье рассмотрена целесообразность признания цифровой модели в качестве объекта интеллектуальной собственности, определено место цифровой модели в существующей системе российского права и перспективы его изменения. Сформулировано авторское определение понятия «цифровая модель», рассмотрены подходы зарубежных законодателей к регулированию подобных объектов.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Количество существующих цифровых моделей достаточно велико и продолжает стремительно увеличиваться. Однако защита прав авторов таких произведений остается под вопросом. Для формирования представления о наличии или отсутствии правовой защиты цифровых моделей в РФ целесообразно рассмотреть существующее законодательство. Все виды охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации определены в закрытом перечне п. 1 ст. 1225 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024) (далее — ГК РФ) [7]. На первый взгляд, среди охраняемых интеллектуальным правом объектов можно обнаружить категории, которые включают в себя цифровые модели, поэтому стоит обратить внимание на подп. 1, 2, 3, 7 п. 1 ст. 1225 ГК РФ. Однако при более детальном рассмотрении становится очевидно обратное.

Первая категория, подп. 1 п. 1 упомянутой статьи — произведения науки, литературы и искусства. Подобные произведения являются объектами авторских прав, правовая охрана которым предоставляется ст. 259 ГК РФ. Положениями статьи к объектам авторских прав отнесены произведения науки, литературы и искусства независимо от достоинств и назначения произведения, а также от способа его выражения.

Важное значение в контексте данной работы имеет именно отсутствие конкретно определенных способов выражения произведения. Также список объектов авторских прав является открытым, что позволяет обеспечивать защитой и другие произведения, в число которых входят цифровые модели. Однако на практике реализация данных прав очень затруднительна, поскольку не определен конкретный порядок включения той или иной категории в список, как это реализовано, к примеру, в Объединенных Арабских Эмиратах (далее — ОАЭ). К тому же цифровые модели не ограничиваются произведениями науки, литературы и искусства, поскольку могут содержать любые цифровые объекты, в частности модели BIM, которые нельзя отнести ни к одной из упомянутых категорий. В своей работе Е.Н. Рыбин, С.К. Амбарян, В.В. Аносов, Д.В. Гальцев и М.А. Фахратов указали, что информационная модель объекта (BIM, Building Information Model или Building Information Modeling) — это согласованная, взаимосвязанная и скоординированная числовая информация о проектируемом или уже существующем объекте строительства, имеющая геометрическую привязку и поддающаяся расчетам и анализу [8].

В сфере инвестирования в последнее время набирают популярность цифровые модели, созданные с помощью невзаимозаменяемых токенов (от английского non-fungible token) — вида криптографических токенов, каждый экземпляр которых уникален (специфичен) и не может быть заменен или замещен другим аналогичным токеном (далее NFT) [9]. Ключевым преимуществом NFT является уникальность каждого токена в сочетании с простой системой определения владельца по уникальным данным. В данном контексте термин «владелец» употребляется весьма условно, поскольку речь идет исключительно об определении конкретного криптокошелька, в котором находится NFT. Фактически «владелец» известен всем, однако в виде обезличенного набора уникальных данных. Именно высокий уровень анонимности является одним из ключевых преимуществ NFT, обуславливающих популярность последнего. Однако, несмотря на стремительное распространение NFT, в РФ на данном этапе отсутствуют нормы, обеспечивающие исчерпывающее регулирование данной отрасли. Также сохраняется множество проблем, которые связаны с отсутствием правового регулирования ранее не известных праву цифровых моделей. К примеру, одна из таких моделей — плагиат и неправомерное заимствование результатов творческой деятельности. В целях более детального анализа и доступности понимания рассмотрим некоторые из них.

Согласно сложившейся практике, NFT могут быть созданы любым пользователем из любых цифро-

вых материалов. Фактически ответственность за плагиат или неправомерную переработку в данном случае отсутствует. Более того, одни из самых популярных NFT основаны на переработке существующих произведений, хотя в соответствии со ст. 1270 ГК РФ в таких случаях необходимо получать согласие автора первоначального произведения. Конечно, автор не лишен возможности обратиться в суд с требованием о компенсации в порядке ст. 1301 ГК РФ, однако в силу специфики данной отрасли трудности возникнут уже на этапе подачи искового заявления. Поскольку подлинно определить ответчика по аккаунту на площадке почти невозможно, таким же затруднительным становится и сам процесс доказывания факта нарушения. Безусловно, к цифровым моделям должен применяться новый подход, так как в данном случае традиционные способы оказываются неэффективными. Также возникает вопрос о соавторстве, поскольку ст. 1258 ГК РФ устанавливает, что произведение, созданное в соавторстве, используется соавторами совместно, при этом сегодня на площадках по продаже NFT только один пользователь может загрузить произведение и пользоваться им. Достаточно много проблем существует в этой области, и они не могут быть разрешены в отсутствие должного законодательного регулирования. В данном случае целесообразно признать NFT одной из форм регистрации прав на цифровые модели, поскольку, по сути, NFT и является подтверждением права на тот круг объектов, которые охватываются понятием «цифровая модель».

Говоря об объектах авторских прав, также стоит обратить внимание на составные произведения. Согласно подп. 2 п. 2 ст. 1259 ГК РФ, составные произведения определяются как результат творческого труда по подбору или расположению материалов. Несмотря на то что многие цифровые модели созданы именно путем подбора материалов, категория «составные произведения» не может считаться исчерпывающей для регулирования всех цифровых моделей, поскольку ключевым отличием является то, что, по смыслу п. 2 ст. 1260 ГК РФ, в составном произведении охраняются права автора именно на подбор и расположение материалов. При этом цифровая модель рассматривается как единое целое; даже если объект является составным, он не может быть разделен и рассматриваться по частям, так как при этом каждый элемент перестанет выполнять ту функцию, которую он выполнял в цифровой модели.

Необходимо рассмотреть и объекты, упомянутые в подп. 2 п. 1 ст. 1225 ГК РФ — программы для электронных вычислительных машин (далее — ЭВМ). На основании нормы ст. 1261 ГК РФ программой для ЭВМ является представленная в объективной

форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата. Данное определение устанавливает три признака программы для ЭВМ: объективная форма, совокупность данных и команд, наличие цели (получение определенного результата). Большое количество признаков существенно сужает круг охраняемых объектов; таким образом, получается, что цифровые модели, в особенности BIM и метавселенные, не получают защиты авторских прав, поскольку по своей сути не являются только совокупностью данных и команд. Ведь цифровые модели не представляют собой отдельную новую программу, они могут создаваться в рамках существующих.

Как уже говорилось, большое распространение получают невзаимозаменяемые токены, которые по своей сути представляют собой форму удостоверения прав на определенное творческое решение. Правовой охраной пользуется само решение, а не набор метаданных, из которого состоит токен. NFT может удостоверить почти любые творческие решения, будь то изображение, картина, 3D-модель или права на определенные действия. К примеру, в настоящее время в некоторых государствах NFT дают право на посещение мероприятий. Еще в 2023 г. поставщик билетов на гонки «Формула-1» Platinum Group представил билеты в виде NFT, которые помимо входа на соревнования давали владельцам различные бонусы, например скидки на будущие гонки или участие в вечеринках [10]. Таким образом, прослеживается комплексный характер NFT как формы регистрации, которая может подтверждать права одновременно на программу, изображения, модели и определенные действия. Благодаря своим свойствам, в частности уникальности, NFT предоставляет возможность однозначно определить владельца того или иного права. Именно данные факторы стали причиной активного распространения NFT среди граждан и предпринимателей. Таким образом, можно утверждать, что цифровые модели, созданные с помощью NFT-технологий, как и другие цифровые модели, в силу их свойств, характеристик не относятся к программам для ЭВМ и, соответственно, не пользуются правовой защитой, предоставляемой этой категории.

Подпункт 3 п. 1 ст. 1225 ГК РФ устанавливает правовую защиту таких объектов интеллектуальной собственности (ИС), как базы данных. Положениями ст. 1260 ГК РФ понятие «база данных» определяется как совокупность самостоятельных материалов, представленных в объективной форме, систематизированных для дальнейшей обработки ЭВМ. Круг существующих цифровых моделей гораздо шире, чем тот, что

охватывает данное понятие, поскольку к цифровым моделям также относятся объекты, лишенные главного свойства баз данных — системности. Данное свойство вытекает из самой сути понятия «база данных» и законодательно закреплено в определении, именно поэтому его отсутствие не позволяет отнести цифровые модели к категории «база данных» и не предоставляет последним правовой защиты. Фактически лишены защиты даже те цифровые модели, которые обладают системностью, поскольку последнее не отражает существенных характеристик и не является основным.

Изобретения входят в перечень охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, что указано в подп. 7 п. 1 ст. 1225 ГК РФ. Условия патентоспособности изобретения приведены в ст. 1350 ГК РФ, из правового анализа которой следует, что в качестве изобретения охраняется техническое решение в любой области, относящееся к продукту или способу (процессу) осуществления действий над материальным объектом с помощью материальных средств. Однако из буквального толкования п. 2 упомянутой статьи становится ясно, что изобретение может считаться новым, только если оно не известно из общедоступных сведений. В свою очередь, цифровые модели, хотя и являются уникальными, создаются на основе известных технологий, что не позволяет отнести их к категории «изобретение», а соответственно, применение данной нормы не образует правовой защиты в отношении цифровой модели.

Таким образом, становится очевидно, что цифровые модели — это отдельная категория, которая имеет индивидуальные признаки отличия от других перечисленных в перечне ст. 1225 ГК РФ объектов ИС. Данные отличия обусловлены в первую очередь особой природой цифровой модели, которая изначально создается в результате творческой деятельности и существует в цифровом пространстве самостоятельно.

Особую популярность цифровые модели приобрели с появлением механизма регистрации, то есть NFT. Благодаря NFT в цифровом пространстве появились цифровые модели, которые предназначены не для функционирования ЭВМ, они обретают форму лишь в пространстве ЭВМ и представляют собой нечто большее, чем программа. Однако существующие нормы не обеспечивают защиту прав авторов цифровых моделей, поэтому возникает необходимость выделения отдельного понятия «цифровая модель» как одного из объектов авторского права. Безусловно, это задаст вектор развития в направлении цифровой ИС и позволит обеспечить защиту прав создателей (авторов), привлекая инвестиции и расширяя творческие возможности субъектов гражданского оборота.

АНАЛИЗ МЕЖДУНАРОДНЫХ АНАЛОГОВ ОАЭ

На сегодняшний день одним из самых передовых государств в области цифровых и информационных технологий является ОАЭ, что подтверждается данными отчета ICT за 2024 г., согласно которому ОАЭ занимают 7-е место в мире по развитию информационно-коммуникационных технологий с индексом 97,5 [11]. Одновременно с этим в ОАЭ создано и активно дополняется нормативно-правовое регулирование данной сферы. Об этом свидетельствует International Property Rights Index (международный индекс прав собственности), представляющий собой данные по оценке состояния и эффективности систем защиты прав собственности. В 2024 г. по качеству защиты прав интеллектуальной собственности ОАЭ была присвоена оценка 5,004, что соответствует 9-му месту среди стран Ближнего Востока и 69-му в мире [12]. Определенно, развитие информационно-коммуникационных технологий охватывает широкий спектр вопросов и связано с совершенствованием нормативно-правового регулирования. Такая связь хорошо прослеживается в ОАЭ, где инициатива преобразований в первую очередь исходит от государственных органов и, значит, обусловлена нормативно-правовым и административным регулированием. Специальным отчетом № 301 Торгового представительства Соединенных Штатов Америки (The Special 301 Report) за 2018 г. [13] ОАЭ были включены в Watch List со следующей характеристикой: «Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ) в 2018 г. были включены в список стран, за которыми ведется наблюдение в связи с давними опасениями по поводу борьбы с продажей и перевалкой контрафактных товаров...» (The United Arab Emirates (UAE) is placed on the Watch List in 2018 in light of longstanding concerns about combating the sale and transshipment of counterfeit goods...), что ухудшало представление ОАЭ среди инвесторов и стало одним из факторов, обусловивших реформу. По данным специальных отчетов за 2019 [14] и 2020 [15] гг., ОАЭ также находились в данном списке из-за прежних проблем в сфере ИС.

В 2021 г. было принято решение о реформе, в рамках которой вступили в силу новый Федеральный закон № 36 от 2021 г. «О товарных знаках» [16], Федеральный закон № 38 от 2021 г. «Об авторском праве и смежных правах» [17], Федеральный закон № 11 от 2021 г. «О регулировании и защите прав на объекты промышленной собственности» [18]. Данные нормативные правовые акты являются основными в сфере интеллектуального права, и посредством их изменения право интеллектуальной собственности было реформировано коренным образом. Конечно, изменение законодательной базы дополнялось и решения-

ми исполнительной власти, пресекающей нарушения в области интеллектуального права, однако в рамках данной статьи большое значение имеют общий подход законодателя и итог принятых решений. В контексте реформы ОАЭ показательным итогом стало не только исключение страны из Watch List специальным отчетом 2021 г. [19], но и увеличение иностранных инвестиций в экономику. Ведь объекты ИС являются одним из значимых активов, которые учитываются при оценке стоимости юридического лица на рынке, а их надлежащая правовая защита позволяет инвесторам быть уверенными в ценности актива.

Стоит подробнее рассмотреть законодательство ОАЭ в области регулирования ИС, чтобы определить место цифровой модели в данной системе и степень ее правовой защиты, а также проанализировать перспективные решения последней реформы ОАЭ, которую уже сейчас можно назвать успешной. Основным законом в сфере ИС является Federal Decree-Law No. 38 of 2021 Issued on 20.09.2021 "ON COPYRIGHTS AND NEIGHBOURING RIGHTS" (далее — закон ОАЭ об авторских и смежных правах) [20]. Статья 2 упомянутого закона устанавливает перечень объектов авторского права, среди которых в п. 2 указаны интеллектуальные приложения, компьютерные программы и прикладные программы, базы данных и аналогичные произведения, определенные решением министра. Перечисленные в норме объекты по своей сути уже известны авторскому праву и также охраняются в РФ. Новый подход в данном случае состоит в применении открытого перечня. Иными словами, любые произведения, в цифровой или информационной сфере, согласованные решением министра, могут стать объектами авторского права.

Такое положение особенно актуально с учетом высокой скорости появления новых технологий, результаты которых нуждаются в своевременной правовой защите, а реформирование законодательства — достаточно комплексный и долгий процесс. В ОАЭ критерии отнесения к объектам интеллектуальной собственности достаточно гибкие и определяются в каждом случае индивидуально; по своей сути в основе оценивания лежит один, главный, критерий: инновационность. Из положений ст. 1 Закона ОАЭ об авторских и смежных правах [20] следует, что (творческая) работа — это любое инновационное произведение в области литературы, искусства или науки, независимо от типа, способа выражения, значимости или цели (Work: Any innovative production in the fields of literature, arts, or science, of whatever type, manner of expression, significance, or purpose). В приведенном определении законодатель выделяет только такой критерий, как инновационность, особо подчеркивая,

что способ выражения и иные характеристики не имеют значения. Этот подход к оцениванию интеллектуальной собственности отвечает современным реалиям, где благодаря стремительному развитию технологий объект может находить выражение в совершенно новых формах и обладать различными характеристиками, которые не были известны ранее и, следовательно, не могли быть закреплены в нормативно-правовых актах.

Необходимость установления открытого перечня объектов интеллектуальной собственности и расширительного толкования обусловлена динамикой, с которой развиваются технологии, искусство и наука сегодня, создавая при этом новые формы выражения работ. На данный момент среди авторов уже сформирован спрос на правовую защиту новых форм работ, и государства, способные обеспечить последнюю, получают преимущество в виде возрастающей экономической активности. Впервые в мире NFT как объект ИС был зарегистрирован именно благодаря компании из ОАЭ, которая обеспечила правовую защиту составной авторской работы «Биоморфная динамическая модель CryptoSpectrum». Автором работы является российский медиахудожник Влад Ткачук [21]. Вполне возможно, что в случае наличия подобного механизма в РФ регистрация была бы произведена на территории России.

Гражданский кодекс РФ также закрепляет существование составных произведений, однако из положений, закрепленных в ст. 1260 Гражданского кодекса РФ [7], следует, что законом защищаются права автора на сам подбор или расположение материалов. При этом создание цифровых моделей не ограничивается подбором материалов, последние могут создаваться в рамках данного процесса. Цифровая модель может быть полностью уникальной и изначально создается автором как единый объект, а соответственно, правовая охрана должна предоставляться всему объекту как единому целому. Основная отличительная черта цифровых моделей, зарегистрированных как NFT, именно и заключается в уникальности. В ОАЭ понятие «NFT» приведено в ст. 167 Руководства по регулированию деятельности с виртуальными активами в ADGM (VER05.181223) (Guidance — Regulation of Virtual Asset Activities in ADGM) [22], исходя из положений которой невзаимозаменяемые токены (NFT) — это криптографические активы в DLT с уникальными идентификационными кодами и метаданными, которые отличают их друг от друга. В отличие от виртуальных активов, они не могут быть воспроизведены, а значит, не могут быть проданы или обменены на эквивалентной основе. Таким образом, по сути, NFT работают аналогично свидетельствам собственности на коллекционные вещи, но являются цифровы-

ми, а не физическими. Невзаимозаменяемые токены, в сущности, регистрируют коллекционные предметы, только в цифровом виде. Ранее данный вопрос не был так актуален, поскольку сама идея обращения коллекционных предметов в открытом интернет-пространстве казалась невыполнимой ввиду широких возможностей для нелегального копирования и плагиата. Новые технологии позволили создать систему, которая однозначно определяет владельца цифрового актива. Такие государства, как ОАЭ, активно используя современные технологии и предоставляя авторам защиту их прав, привлекают все большее количество предпринимателей, одновременно повышая экономическую активность. Наглядным примером в этом смысле является регистрация упомянутой биоморфной динамической модели «CryptoSpectrum», после которой оценка инвестиций изменилась с 3,4 тыс. долларов США (2021 г.) до 317 тыс. долларов США (2022 г.) [23].

Отдельным вопросом является защита авторских прав на цифровые модели вида. ОАЭ является участником Бернской, Римской конвенций, договоров ВОИС ДИП и ДАФ, Марракешского и Пекинского договоров. В рамках последней реформы, которая во многом была направлена на приведение внутреннего законодательства в соответствие с международными договорами, был принят Федеральный закон ОАЭ № 38 от 20.09.2021 [20], который сделал регулирование прав интеллектуальной собственности прозрачным и понятным. В ст. 2 закона ОАЭ № 38 указан закрытый перечень объектов, подлежащих защите данным законом. Среди прочих в подп. 11 этой нормы указаны трехмерные работы, связанные с географией, топографией, архитектурой и другими темами. Конечно, при ограниченном толковании данной нормы можно говорить о том, что последняя не охватывает все цифровые модели вида. Однако с учетом расширительного толкования других норм, определяющих объекты авторского права, на практике можно говорить о том, что защита предоставляется всем цифровым моделям вида. Более того, в рамках упомянутой реформы был принят Закон о товарных знаках. Согласно норме, предусмотренной ст. 2 Закона № 36-2021 от 20.09.2021, список объектов, подпадающих под категорию «товарный знак», был расширен и в современных условиях включает в себя также 3D-знаки, голограммы, звуки и запахи, что свидетельствует о последовательном признании органами власти ОАЭ новых объектов ИС. Стоит также учитывать, что в ОАЭ активно реализуется проект по созданию метавселенной, о чем было объявлено еще в 2022 г. [24]. В рамках данного проекта поставлены такие цели, как укрепление статуса Дубая в качестве

центра, предлагающего самую передовую экосистему метавселенной, и лидера в области внедрения цифровых решений по всему миру, привлечение более тысячи компаний в области блокчейна и метавселенной, создание более 40 тыс. виртуальных рабочих мест к 2030 г. Реализация основной цели проекта — создание полноценного цифрового пространства — невозможна без должной защиты прав авторов объектов, находящихся в метавселенной.

Таким образом, с учетом высокого приоритета проекта и активного содействия органов власти в его реализации норму, закрепленную в подп. 11, возможно трактовать расширительно — как направленную в том числе на защиту цифровых моделей вида. Одновременно встает вопрос об авторских правах на саму платформу метавселенной, которая, хотя и позиционируется как новая форма привычного нам материального мира, в отличие от последнего всегда имеет конкретно определенный круг авторов. Именно поэтому в данном случае целесообразно рассматривать метавселенную как особый вид цифровой модели.

Многие организации в ОАЭ уже ведут работу в таких инновационных направлениях, как метавселенная (metaverse), и права авторов подобных продуктов нуждаются в защите даже в большей степени, чем традиционные объекты интеллектуальной собственности, в силу особой актуальности таких продуктов. К примеру, компания Square Yards еще в 2022 г. запустила полноценную интерактивную 3D-модель города Дубай [25]. Модель создана в первую очередь для более удобного представления объектов недвижимости, подлежащих продаже, однако не ограничивается этим. Сама платформа построена одновременно на нескольких уровнях данных, включая карты, 3D-контент, транзакции, списки и информацию о проекте здания. Учитывая комплексный состав таких объектов, можно заключить, что название «трехмерная модель» не отражает в полной мере всех характеристик. В данном случае речь идет именно о цифровой модели вида, которая, являясь составным произведением, позволяет предоставить правовую охрану всему произведению в целом.

Из проведенного анализа следует, что, несмотря на отмеченный отчетами ранее низкий уровень правовой защиты интеллектуальной собственности, действия органов власти, отражением которых стала кардинальная реформа законодательства в сфере ИС, позволили ОАЭ не только выйти из Watch list, но и занять высокие позиции в региональном и мировом рейтинге. Сами реформы были обусловлены также новыми планами ОАЭ по развитию в цифровой сфере, привлечению инвестиций и новых кадров. С некоторых пор ОАЭ активно поддерживают развитие

инновационных направлений, в частности таких как криптовалюта, NFT, технологии искусственного интеллекта. Безусловно, последствия применения данных технологий на государственном уровне до конца не изучены, однако ОАЭ в каждом случае разрабатывает порядок их применения, создавая компетентные органы и нормативную базу. Такой подход обеспечивает высокий уровень развития, привлекает в страну новых предпринимателей и инвесторов. В области интеллектуальной собственности данный подход находит отражение в расширительном толковании понятия «объект ИС» и норм, обеспечивающих его защиту. Тем не менее очевидно, что в соответствии с действующими нормами права решение может быть принято индивидуально в каждом конкретном случае. В целом, в ОАЭ прослеживается тенденция открытости к изменениям и инновациям, из чего следует вывод, что при должном обосновании авторские права на новые творческие работы, независимо от их формы выражения, будут признаны.

ЯПОНИЯ

Еще в начале века Япония зарекомендовала себя лидером в сфере наукоемких, инновационных и компьютерных технологий. Пожалуй, всем известны японские производители ЭВМ и сам уровень развития компьютерных технологий в этой стране. Именно поэтому появление NFT как средства регистрации прав собственности на цифровые модели привело к росту популярности творчества в цифровом пространстве и образованию обширного рынка цифровых моделей. В связи с этим представляется целесообразным более детально рассмотреть основы регулирования цифровых моделей в Японии.

В Гражданском кодексе Японии не установлены положения об интеллектуальной собственности, поскольку в стране эта отрасль считается обособленной. Основное регулирование в данном направлении осуществляется нормами Закона «Об авторском праве» [26]. В законе дано определение термина «произведение», которым установлен круг работ, находящихся под охраной авторского права. Из определения, закрепленного в подп. «i» п. 1 ст. 2 Закона об авторском праве [26], следует, что объекты в Японии охраняются интеллектуальным правом только в случае, если представляют собой творческое выражение мыслей или чувств. Поскольку в определении нет указания на конкретную форму выражения, цифровые модели могут быть признаны произведением. В пользу данной позиции говорят также подп. «ix» и «v» п. 1 ст. 10, где среди прочих примеров произведений, которые пользуются защитой Закона об авторских правах,

указаны произведения архитектуры и произведения компьютерного программирования соответственно. Цифровые модели по своему характеру являются произведением компьютерного программирования, а цифровые модели вида довольно часто используются в архитектуре для планировки зданий и других объектов (BIM-модели), что дает основание отнести их к этой категории. Особенность Японии, которая еще больше отражает гибкость местного интеллектуального права и подтверждает позицию об отнесении цифровых моделей к охраняемым объектам, заключается в том, что список, указанный в ст. 10 Закона об авторских правах, хотя и является закрытым, иллюстрирует лишь общие примеры того, что считается охраняемым произведением; это особо подчеркнуто в тексте статьи. Фактически законодатель подразумевает, что любой объект, отвечающий признакам понятия «произведение», будет пользоваться защитой интеллектуального права. Отдельно стоит сказать о 4D-моделях зданий, которые в последнее время активно используются в архитектуре, где «четвертой единицей» измерения выступают данные, динамическая информация о реальной обстановке, факторах, влияющих на здание. Такие модели получили название *building information model* (BIM). Данные модели особенно актуальны для Японии, в которой наблюдается большая сейсмическая активность. BIM-модели могут помочь заранее смоделировать землетрясение и избежать его негативных последствий. Министерство земельных ресурсов, инфраструктуры, транспорта и туризма Японии проводит политику, направленную на содействие всестороннему использованию информационно-коммуникационных технологий [27], а также стандартов и руководств по созданию, внедрению и использованию BIM моделей. Также принят глоссарий терминов BIM/CIM [28], где указано, что BIM — это совместное цифровое представление физических и функциональных характеристик любого стороннего объекта, включая здания, мосты, дороги, технологические установки. Более того, положения, указанные в политике внедрения [27], свидетельствуют о том, что Япония стремится всесторонне поддерживать развитие BIM/CIM. Охрана прав авторов BIM-моделей является неотъемлемым условием развития данного направления; соответственно, можно трактовать упомянутые положения как направленные в том числе на защиту прав авторов BIM-моделей.

Отсюда следует вывод, что в Японии цифровые модели находятся под охраной интеллектуального права как произведения компьютерного программирования, при этом цифровые модели вида также охраняются в качестве произведений архитектуры. Форма выражения произведений не имеет значения, о чем

свидетельствуют определение самого понятия и отсутствие закрытого перечня охраняемых объектов интеллектуальной собственности. Таким образом, Япония демонстрирует достаточно гибкую позицию в отношении установления объектов интеллектуальной собственности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цифровая модель — это новый вид объектов интеллектуальной собственности, который становится все более актуальным в цифровую эпоху. Цифровая модель, будучи результатом творческого труда и интеллектуальной деятельности, является значимым объектом интеллектуальной собственности, его охрана позволяет защищать права авторов и разработчиков, стимулировать инновации и обеспечивать справедливую конкуренцию на рынке, так как они обладают уникальными характеристиками и могут быть использованы для создания ценных продуктов и услуг. Важнейшим условием для охраны авторским правом является наличие творческого вклада автора. Цифровая модель должна быть не просто механической копией существующего объекта, а результатом оригинального творческого решения.

Подводя итог сказанному, авторы предлагают следующее определение: цифровая модель — это цифровой образ объекта или процесса, обладающий оригинальностью (уникальностью характеристик), который может быть использован для симуляции, анализа или воспроизведения реальных объектов или процессов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. О Международном союзе электросвязи (ITU) // Официальный сайт международного союза электросвязи (ITU). URL: <https://www.itu.int/ru/Pages/default.aspx#/ru> (дата обращения: 01.11.2024).
2. ICT Development Index 2024 // The official ITU website. URL: <https://www.itu.int/itu-d/reports/statistics/idi2024/> (дата обращения: 15.08.2024).
3. ICT Development Index 2023 // The official ITU website. URL: <https://www.itu.int/itu-d/reports/statistics/idi2023/> (date of access: 15.08.2024).
4. Россия вошла в топ-20 стран по развитию цифровых технологий // Официальный интернет-сайт Федеральной службы по интеллектуальной собственности (Роспатент). URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/top-20-stran-cifrovyyh-tehnologiy-18012923> (дата обращения: 15.08.2024).
5. Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» от 07.05.2018 № 204 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 20. Ст. 2817 (с изм. и дополн. в ред. от 21.07.2020).
6. Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» от 07.05.2024 № 309 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2024. № 20. Ст. 2584.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
8. BIM-технологии / Е.Н. Рыбин, С.К. Амбарян, В.В. Аносов и др. // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2019. № 1 (28).
9. NFT // Интернет-энциклопедия Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/NFT> (дата обращения: 02.11.2024).
10. «Формула-1» начнет принимать NFT-билеты // Официальный сайт медиахолдинга РБК. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/647097939a7947dd2f91d27e> (дата обращения: 17.09.2024).
11. ICT Development Index 2024 // The official ITU website. URL: <https://www.itu.int/itu-d/reports/statistics/idi2024/> (date of access: 15.08.2024).
12. 2023 | INTERNATIONAL PROPERTY RIGHTS INDEX United Arab Emirates // The official website of the International Property Rights Index (IPRI). URL: <https://www.internationalpropertyrightsindex.org/country/united-arab-emirates> (date of access: 23.08.2024).
13. 2018 Special 301 Review // Office of the United States Trade Representative EXECUTIVE OFFICE OF THE PRESIDENT URL: <https://ustr.gov/sites/default/files/files/Press/Reports/2018%20Special%20301.pdf> (дата обращения: 23.08.2024).
14. 2019 Special 301 Review // Office of the United States Trade Representative EXECUTIVE OFFICE OF THE PRESIDENT. URL: https://ustr.gov/sites/default/files/2019_Special_301_Report.pdf (date of access: 23.08.2024).
15. 2020 Special 301 Review // Office of the United States Trade Representative EXECUTIVE OFFICE OF THE PRESIDENT. URL: https://ustr.gov/sites/default/files/2020_Special_301_Report.pdf (date of access: 23.08.2024).
16. Federal Decree-Law No. 32 of 2021 // The official website Ministry of Economy United Arab Emirates. URL: <https://www.moec.gov.ae/documents/20121/376326/Commercial+Companies.pdf/12d14f53-1a3e-47b4-8e70-fac3f672c403?t=1645596097819> (date of access: 23.08.2024).

17. Federal Decree-Law No. 38 of 2021 // The official website Ministry of Economy United Arab Emirates. URL: <https://www.moec.gov.ae/documents/20121/376326/copyright.pdf> (date of access: 23.08.2024).
18. Federal Law No. 11 of 2021 // WIPO Lex. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21253> (date of access: 23.08.2024).
19. 2021 Special 301 Review // The official website of the United States Trade Representative EXECUTIVE OFFICE OF THE PRESIDENT. URL: [https://ustr.gov/sites/default/files/files/reports/2021/2021%20Special%20301%20Report%20\(final\).pdf](https://ustr.gov/sites/default/files/files/reports/2021/2021%20Special%20301%20Report%20(final).pdf) (date of access: 23.08.2024).
10. Federal Decree-Law No. 38 of 2021 Issued on 20/09/2021 Corresponding to 13/Safar/1443H. ON COPYRIGHTS AND NEIGHBOURING RIGHTS // Ministry of Cabinet Affairs. URL: <https://uaelegislation.gov.ae/en/legislations/1534> (date of access: 03.09.2024).
21. Composite copyright work: "NFT CryptoSpectrum biomorphic dynamical model" // The official website of INTEROCO Copyright Office. URL: <https://interoco.com/allmaterials/author-s-design/3892-composite-copyright-work-nft.html> (date of access: 03.09.2024).
22. Guidance — Regulation of Virtual Asset Activities in ADGM (VER05.181223) // The official website of Abu Dhabi Global Market. URL: <https://www.adgm.com/documents/legal-framework/guidance-and-policy/fsra/guidance-virtual-asset-activities-in-adgm-20231218.pdf> (date of access: 03.09.2024).
23. Впервые в мире было создано виртуальное произведение искусства NFT, которое охраняется и ценится как реальная интеллектуальная собственность // Официальный сайт Ассоциации МАРИС. URL: <https://maris-global.com/ru/news/34> (дата обращения: 03.09.2024).
24. Hamdan bin Mohammed launches Dubai Metaverse Strategy // The official website of Emirates News Agency "WAM" URL: <https://www.wam.ae/en/article/hszrf4zp-hamdan-bin-mohammed-launches-dubai-metaverse> (date of access: 07.09.2024).
25. Square Yards launches 3D metaverse platform for Dubai real estate // The official website of UAE news platform "Khaleej Times". URL: <https://www.khaleejtimes.com/business/square-yards-launches-3d-metaverse-platform-for-dubai-real-estate> (date of access: 10.09.2024).
26. Закон № 48 от 06.05.1970 «Об авторском праве» (с изменениями, внесенными до 28 апреля 2020 г.), Япония // WIPO Lex. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/20024> (дата обращения: 20.09.2024).

27. ICTの全面的な活用の推進に関する実施方針 // 国土交通省公式サイト. URL: https://www.mlit.go.jp/tec/tec_fr_000079.html (date of access: 22.09.2024).
28. BIM/CIM用語集 // 国土交通省公式サイト. URL: <https://www.mlit.go.jp/tec/content/001394030.pdf> (date of access: 22.09.2024).

REFERENCES

1. Mezhdunarodnom soyuze elektrosvyazi (ITU) // Oficial'nyj sajt mezhdunarodnogo soyuza elektrosvyazi (ITU). URL: <https://www.itu.int/ru/Pages/default.aspx#/ru> (data obrashcheniya: 01.11.2024).
2. ICT Development Index 2024 // The official ITU website. URL: <https://www.itu.int/itu-d/reports/statistics/idi2024/> (дата обращения: 15.08.2024).
3. ICT Development Index 2023 // The official ITU website. URL: <https://www.itu.int/itu-d/reports/statistics/idi2023/> (date of access: 15.08.2024).
4. Rossiya voshla v top-20 stran po razvitiyu cifrovyyh tekhnologiy // Oficial'nyj internet-sajt Federal'noj sluzhby po intellektual'noj sobstvennosti (Rospatent). URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/top-20-stran-cifrovyyh-tehnologiy-18012923> (data obrashcheniya: 15.08.2024).
5. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii "O nacional'nyh celyah i strategicheskikh zadachah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2024 goda" ot 07.05.2018 No.204 // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2018. No. 20. St. 2817 (s izm. i dopoln. v red. ot 21.07.2020).
6. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii "O nacional'nyh celyah razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda" ot 07.05.2024 No. 309 // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2024. No. 20. St. 2584.
7. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30 noyabrya 1994 g. No. 51-FZ // SZ RF. 1994. No. 32. St. 3301.
8. BIM-tehnologii / E.N. Rybin, S.K. Ambaryan, V.V. Anosov i dr. // Izvestiya vuzov. Investicii. Stroitel'stvo. Nedvizhimost'. 2019. No. 1 (28).
9. NFT // Internet-enciklopediya Vikipediya. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/NFT> (data obrashcheniya: 02.11.2024).
10. "Formula-1" nachnet primat' NFT-bilety // Oficial'nyj sajt mediaholdinga RBK. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/64709793a7947dd2f91d27e> (data obrashcheniya: 17.09.2024).
11. ICT Development Index 2024 // The official ITU website. URL: <https://www.itu.int/itu-d/reports/statistics/IDI2024/> (date of access: 15.08.2024).
12. 2023 | INTERNATIONAL PROPERTY RIGHTS INDEX United Arab Emirates // The official website of the Inter-

- national Property Rights Index (IPRI). URL: <https://www.internationalpropertyrightsindex.org/country/united-arab-emirates> (date of access: 23.08.2024).
13. 2018 Special 301 Review // Office of the United States Trade Representative EXECUTIVE OFFICE OF THE PRESIDENT URL: <https://ustr.gov/sites/default/files/files/Press/Reports/2018%20Special%20301.pdf> (дата обращения: 23.08.2024).
14. 2019 Special 301 Review // Office of the United States Trade Representative EXECUTIVE OFFICE OF THE PRESIDENT. URL: https://ustr.gov/sites/default/files/2019_Special_301_Report.pdf (date of access: 23.08.2024).
15. 2020 Special 301 Review // Office of the United States Trade Representative EXECUTIVE OFFICE OF THE PRESIDENT. URL: https://ustr.gov/sites/default/files/2020_Special_301_Report.pdf (date of access: 23.08.2024).
16. Federal Decree-Law No. 32 of 2021 // The official website Ministry of Economy United Arab Emirates. URL: <https://www.moec.gov.ae/documents/20121/376326/Commercial+Companies.pdf/12d14f53-1a3e-47b4-8e70-fac3f672c403?t=1645596097819> (date of access: 23.08.2024).
17. Federal Decree-Law No. 38 of 2021 // The official website Ministry of Economy United Arab Emirates. URL: <https://www.moec.gov.ae/documents/20121/376326/copyright.pdf> (date of access: 23.08.2024).
18. Federal Law No. 11 of 2021 // WIPO Lex. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/21253> (date of access: 23.08.2024).
19. 2021 Special 301 Review // The official website of the United States Trade Representative EXECUTIVE OFFICE OF THE PRESIDENT. URL: [https://ustr.gov/sites/default/files/files/reports/2021/2021%20Special%20301%20Report%20\(final\).pdf](https://ustr.gov/sites/default/files/files/reports/2021/2021%20Special%20301%20Report%20(final).pdf) (date of access: 23.08.2024).
20. Federal Decree-Law No. 38 of 2021 Issued on 20/09/2021 Corresponding to 13/Safar/1443H. ON COPYRIGHTS AND NEIGHBOURING RIGHTS // Ministry of Cabinet Affairs. URL: <https://uaelegislation.gov.ae/en/legislations/1534> (date of access: 03.09.2024).
21. Composite copyright work: "NFT CryptoSpectrum biomorphic dynamical model" // The official website of INTEROCO Copyright Office. URL: <https://interoco.com/allmaterials/author-s-design/3892-composite-copyright-work-nft.html> (date of access: 03.09.2024).
22. Guidance — Regulation of Virtual Asset Activities in ADGM (VER05.181223) // The official website of Abu Dhabi Global Market. URL: <https://www.adgm.com/documents/legal-framework/guidance-and-policy/fsra/guidance-virtual-asset-activities-in-adgm-20231218.pdf> (date of access: 03.09.2024).
23. Впервые в мире было создано виртуальное произведение искусства NFT, которое охраняется и ценится как реальная интеллектуальная собственность // Официальный сайт Ассоциации МАРИС. URL: <https://maris-global.com/ru/news/34> (дата обращения: 03.09.2024).
24. Hamdan bin Mohammed launches Dubai Metaverse Strategy // The official website of Emirates News Agency "WAM" URL: <https://www.wam.ae/en/article/hszrf4zp-hamdan-bin-mohammed-launches-dubai-metaverse> (date of access: 07.09.2024).
25. Square Yards launches 3D metaverse platform for Dubai real estate // The official website of UAE news platform "Khaleej Times". URL: <https://www.khaleejtimes.com/business/square-yards-launches-3d-metaverse-platform-for-dubai-real-estate> (date of access: 10.09.2024).
26. Zakon No. 48 ot 06.05.1970 "Ob avtorskom prave" (s izmeneniyami, vnesennymi do 28 aprelya 2020 g.), Yaponiya // WIPO Lex. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/legislation/details/20024> (дата обращения: 20.09.2024).
27. ICTの全面的な活用への推進に関する実施方針 // 国土交通省公式サイト. URL: https://www.mlit.go.jp/tec/tec_fr_000079.html (date of access: 22.09.2024).
28. BIM/CIM用語集 // 国土交通省公式サイト. URL: <https://www.mlit.go.jp/tec/content/001394030.pdf> (date of access: 22.09.2024).

ЕСЛИ ПРАВООБЛАДАТЕЛЬ — НЕ ИЗОБРЕТАТЕЛЬ, ИЛИ КАК ЗАЩИТИТЬ ПРАВА РАБОТНИКА (АВТОРА) ОТ ДЕЙСТВИЙ НЕДОБРОСОВЕСТНОГО РАБОТОДАТЕЛЯ

IF THE COPYRIGHT HOLDER IS NOT THE INVENTOR, OR HOW TO PROTECT THE RIGHTS OF AN EMPLOYEE (AUTHOR) FROM THE ACTIONS OF AN UNSCRUPULOUS EMPLOYER

Наталья Юрьевна СЕРГЕЕВА

Российская государственная академия интеллектуальной собственности, Москва, Россия,
NSkafedra@bk.ru,
ORCID 0000-0003-3964-7904

Информация об авторе

Н.Ю. Сергеева — доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Российской государственной академии интеллектуальной собственности, кандидат юридических наук, доцент

Аннотация. Целью статьи является исследование проблемы недобросовестного поведения работодателей (правообладателей служебных изобретений), обусловленного стремлением обойти закон и уклониться от обязанности по выплате авторских вознаграждений за созданные результаты интеллектуальной деятельности. Перечень решенных в исследовании задач состоял в выявлении правовой сути служебных изобретений, рассмотрении основных правовых вопросов, связанных с реализацией права на вознаграждение за их создание, исследовании проблемы недобросовестного поведения работодателей (правообладателей), не имеющих намерений выплатить вознаграждение работникам (изобретателям), а также в поиске решения данной проблемы. С опорой на формирующуюся практику суда по интеллектуальным правам, в основу которой положен принцип эстоппель, в статье продемонстрирован актуальный правовой механизм по пресечению неправомерного, противоречивого поведения работодателей, а также доказано несовершенство отдельных положений гражданского законодательства о создании и использовании служебных объектов патентного права.

- Сделан вывод, что в условиях беспрецедентного санкционного давления на Российскую Федерацию, когда страна остро нуждается в импортозамещении, проблема достижения правового баланса между работниками и работодателями по вопросам, связанным со служебными объектами интеллектуальных прав, должна решаться не с помощью дополнительной нагрузки на суды, а путем конкретизации положений параграфа 4 п. 72 ГК РФ.

- **Ключевые слова:** интеллектуальная собственность, служебное изобретение, патент, исключительное право, правообладатель, работник, работодатель, автор, недобросовестное поведение, эстоппель, защита

- **Для цитирования:** Сергеева Н.Ю. Если правообладатель — не изобретатель, или Как защитить права работника (автора) от действий недобросовестного работодателя // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 55, № 4. С. 79–87; DOI: 10.17323/tis.2025.28901

Natalia Y. SERGEEVA

Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia,
NSkafedra@bk.ru,
ORCID 0000-0003-3964-7904

Information about the author

- N.Y. Sergeeva — Associate Professor of the Department of Civil and Business Law Russian State Academy of Intellectual Property, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor

Abstract. The purpose of the article is to study the problem of unfair behavior of employers (copyright holders of official inventions), due to the desire to circumvent the law and evade the obligation to pay royalties for the created results of intellectual activity. The list of tasks solved in the study consisted in identifying the legal essence of official inventions, considering the main legal issues related to the realization of the right to remuneration for their creation, studying the problem of unfair behavior of employers (copyright holders) who do not have intentions to pay remuneration to employees (inventors), as well as finding a solution to this problem. Based on the emerging practice of the intellectual property court, which is based on the principle of estoppel, the article demonstrates the current legal mechanism to suppress inconsistent, contradictory behavior of employers, and also proves the imperfection of certain provisions of civil law on the creation and use of official objects of patent law.

The result of the study is the general conclusion that in the context of unprecedented sanctions pressure on the Russian Federation, when the country is in dire need of import substitution, the problem of achieving a legal balance between employees and employers on issues related to official objects of intellectual rights should not be solved with the help of an additional burden on the courts, but by specifying the provisions of paragraph 4 chap. 72 of the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: intellectual property, service invention, patent, exclusive right, rightholder, employee, employer, author, unfair conduct, estoppel, protection

For citation: Sergeeva N.Y. If the Copyright Holder is not the Inventor, or How to Protect the Rights of an Employee (Author) from the Actions of an Unscrupulous Employer // Works on Intellectual Property. 2025. Vol. 55 (4). P. 79–87; DOI: 10.17323/tis.2025.28901

*Посвящаю эту статью светлой памяти моего
научного руководителя, выдающегося ученого,
доктора юридических наук, профессора Э.П. Гаврилова,
многократно обращавшего внимание научного
сообщества на необходимость совершенствования
действующего законодательства о служебных
изобретениях*

Сегодня в доктрине исследованию различных вопросов, касающихся осуществления права на вознаграждение за создание служебных результатов интеллектуальной деятельности, посвящено множество публикаций (см., например, [1]). Большинство из них касаются проблемы отсутствия достаточного правового регулирования названной сферы патентного права, и это неслучайно. Несмотря на наличие в действующем гражданском законодательстве положений, посвященных названным правоотношениям, на практике нередко возникает проблемы, связанные с их реализацией. Статья посвящена одной из них: проблеме недобросовестного поведения работодателя (правообладателя), обусловленного целью обойти закон и уклониться от обязанности выплатить авторское вознаграждение за создание и использование служебного изобретения. На конкретном практическом примере мы проанализируем актуальный правовой механизм, позволяющий в настоящее время изобретателям эффективно противостоять указанным действиям и защитить свои права.

Для рассмотрения названной проблемы представляется необходимым кратко изложить правовую суть служебных изобретений, а также углубиться в основные правовые вопросы, связанные с реализацией права на вознаграждение, положенное работникам за их создание.

СЛУЖЕБНЫЕ ИЗОБРЕТЕНИЯ

- Как известно, изобретение является охраняемым гражданским правом объектом, который может иметь служебный характер, на что прямо указывает ст. 1370 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ГК РФ, Кодекс). По смыслу названной нормы изобретение, созданное работником в связи

с выполнением своих трудовых обязанностей или конкретного задания работодателя, признается служебным. Профессор Э.П. Гаврилов подчеркивал: «Использование в данном случае выражения “в связи с выполнением” оправданно и принципиально верно: трудовые обязанности не могут заключаться в создании изобретений; конкретное задание не может обязать работника создать изобретение» [2]. При этом важно, что по смыслу п. 5 ст. 1370 ГК РФ изобретения, созданные работником с использованием денежных, технических или иных материальных средств работодателя, но не в связи с выполнением своих трудовых обязанностей или конкретного задания работодателя, не являются служебными. Примечательно, что право авторства на созданный служебный объект, согласно императивному правилу п. 3 ст. 1370 ГК РФ, принадлежит работнику (автору), а исключительное право и право на получение патента — работодателю (правило диспозитивное).

Алгоритм действий работника, создавшего изобретение, регламентирует п. 4 ст. 1370 ГК РФ. Он состоит в письменном уведомлении работодателя (при отсутствии в договоре между работодателем и работником соглашения об ином). Если же со дня уведомления работодатель в течение шести месяцев не подаст заявку на выдачу патента на соответствующее служебное изобретение в Роспатент, не передаст право на получение патента на служебное изобретение другому лицу или не сообщит работнику о сохранении информации о нем в тайне, право на получение патента на изобретение возвращается работнику. В этом случае работодатель в течение срока действия патента имеет право использовать служебное изобретение в собственном производстве на условиях простой (неисключительной) лицензии с выплатой патентообладателю вознаграждения, размер, условия и порядок выплаты которого определяются договором между работником и работодателем, а в случае спора — судом (п. 4 ст. 1370 ГК РФ). Анализируя приведенное положение Кодекса в контексте понимания выражения «в собственном производстве», профессор О.В. Ревинский привел следующий пример, смоделированный им в соавторстве с профессором И.С. Мухамедшиным: «Допустим, работник на станции технического обслуживания автомобилей запатентовал на свое имя (вследствие отказа своего работодателя заниматься этим) новую автомойку. Работодатель в этом случае на условиях простой лицензии может использовать такую автомойку по прямому назначению, т.е. для мойки автотранспортных средств собственного предприятия, но не имеет права мыть за плату машины своих клиентов» [3].

Подводя промежуточный итог сказанному, выделим главное: служебное изобретение — это объект интеллектуальных прав, созданный работником

в связи с выполнением им трудовых обязанностей или конкретного задания работодателя, исключительное право, как и право на получение патента на который, принадлежат последнему (правило диспозитивное). О создании служебного изобретения работник должен письменно уведомить работодателя.

ВОЗНАГРАЖДЕНИЕ ЗА СОЗДАНИЕ СЛУЖЕБНОГО ИЗОБРЕТЕНИЯ И ДОГОВОРНЫЙ ПРИНЦИП ЕГО ВЫПЛАТЫ

Как следует из упомянутой ранее ст. 1370 ГК РФ, если работодатель получит патент на служебное изобретение, либо примет решение о сохранении информации о нем в тайне и сообщит об этом работнику, либо передаст право на получение патента другому лицу, либо не получит патент по поданной им заявке по зависящим от него причинам, работник имеет право на вознаграждение. Это вознаграждение должно выплачиваться работнику в тех случаях, когда работодатель сообщит работнику, что он заинтересован в служебном изобретении [2, с. 239]. Представляется важным отметить, что данное вознаграждение не является заработной платой, а уплачивается работодателем сверх таковой, поскольку, как уже отмечено, служебное изобретение создается не в пределах служебных обязанностей работника, а в связи с ними.

По смыслу абз. 3 п. 4 ст. 1370 ГК РФ обязанность по выплате вознаграждения может отсутствовать для работодателя только в случае, если он подал заявку на получение патента на служебное изобретение, но не получил патент по не зависящим от него причинам. При этом подчеркнем отсутствие зависимости указанной обязанности работодателя от фактического использования или неиспользования рассматриваемого объекта (см. подробнее [4]). Согласно позиции, изложенной в п. 133 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее по тексту — Постановление), выплата упомянутого вознаграждения работнику (автору) осуществляется в течение всего срока действия патента. В случае же его досрочного прекращения прекращается и выплата вознаграждения. Если же действие патента на изобретение восстанавливается (ст. 1400 ГК РФ), восстанавливается и обязанность по выплате вознаграждения. При этом, если досрочное прекращение действия патента на изобретение осуществлено в целях прекращения выплаты вознаграждения (например, изобретение продолжает использоваться в производстве), работник (автор) вправе требовать от работодателя возмещения убытков (п. 133 Постановления).

Теперь стоит сказать несколько слов о договорном принципе выплаты авторского вознаграждения. Как следует из п. 4 ст. 1370 ГК РФ, размер вознаграждения, условия и порядок его выплаты работодателем определяются договором между ним и работником, а в случае спора — судом (п. 4 ст. 1370 ГК РФ). Такой договор является самостоятельным видом гражданско-правового договора, закрепляющим право работника на вознаграждение, обязанность заключения которого лежит на работодателе. Если же такой договор сторонами не заключен, то, согласно п. 5 ст. 1246 ГК РФ, упомянутое вознаграждение рассчитывается на основании Правил, в соответствии с которыми Правительством Российской Федерации установлены ставки, порядок и сроки указанной выплаты [5].

Таким образом, идея законодателя проста: если работник создал изобретение в связи с выполнением своих трудовых обязанностей, а работодатель получил на него патент (либо принял иные решения, указанные выше), то у такого работника (автора) появляется предусмотренное законом право получить вознаграждение либо на основании договора, либо (при его отсутствии) на основании упомянутых Правил. Вместе с тем практика показывает, что получить его не всегда удается, а в некоторых случаях авторы вынуждены обращаться в суд за защитой своих прав.

Почему так происходит?

Первая и она же основная причина состоит в том, что минимальные ставки вознаграждения применяются только в случае отсутствия договора между работником и работодателем, на что прямо указано в п. 5 ст. 1246 ГК РФ. Диспозитивность в данном вопросе приводит к весьма условным гарантиям прав автора — создателя изобретения, как правило, находящегося в зависимом положении от работодателя, имеющего в этой связи возможность повлиять на размер вознаграждения.

Вторая причина заключается в том, что переход исключительного права к работодателю в законе не связывается с дальнейшей невозможностью использования им служебного объекта по причине неисполнения обязанности по выплате вознаграждения работнику, что, безусловно, может демотивировать работодателя на исполнение обязательств. В случае же конфликтной ситуации работники крайне редко обращаются в суды, так как в этот момент обычно состоят в трудовых правоотношениях с работодателями, а также часто не могут себе позволить расходы на долгий и сложный судебный процесс. Рассматривая аналогичную проблему в отношении служебных произведений, Н.М. Мальцев акцентировал внимание на том, что «...гарантии прав авторов-создателей... минимальны, если не сказать декларативны» [6]. С высказанным мнением ученого нет оснований не согласиться.

Третья причина обусловлена тем, что срок заключения договора о выплате авторского вознаграждения, как и какие-либо иные его условия, включая порядок выплаты, в законе императивно не определены, что максимально «размывает» представления о том, когда именно работодатель должен исполнить свою обязанность по его заключению, а также о том, каковы должны быть его существенные условия. При этом законодательная возможность свободного усмотрения сторон в этом вопросе выглядит опять же весьма сомнительной в связи с явным преимущественным положением работодателя.

Все сказанное наглядно демонстрирует тот неоспоримый факт, что изобретатель (работник) в данных частных правоотношениях является максимально уязвимой стороной, чье право на вознаграждение в полной мере реализовать достаточно трудно. В результате на практике создатели служебных изобретений нередко получают ничтожно мало (а иногда и совсем ничего) по сравнению с той прибылью, которую может приносить использование служебного объекта работодателю.

На отсутствие справедливого баланса между интересами работника и работодателя не раз указывалось в доктрине. Так, еще в 2014 г. профессор Э.П. Гаврилов призывал законодателей обратить внимание на вопиющую несправедливость положения автора-изобретателя в отношениях, связанных с выплатой авторского вознаграждения. Ученый, анализируя вопрос о том, как действующее российское законодательство обеспечивает получение справедливого вознаграждения авторами служебных изобретений, указывал на то, что законодательство дает на этот вопрос два варианта ответа. «Первый вариант. “Дорогой изобретатель! Свое достойное вознаграждение за служебные изобретения ты имеешь полное юридическое право получить по договору, заключенному с работодателем. По закону такой договор должен быть заключен! Все условия этого договора, в том числе о размере вознаграждения, порядке и сроках его выплаты, должны устанавливаться по свободному волеизъявлению высоких договаривающихся сторон — работника и работодателя. Если такой договор будет заключен, он всегда будет действителен. Искренно и от глубины души желаем тебе, дорогой изобретатель, успехов в отстаивании своих законных интересов при заключении такого полностью свободного договора! Если же у тебя, дорогой изобретатель, возникнет трудовой конфликт с этим ... как его... работодателем, если такой договор не будет подписан, если тебя станут увольнять и, не дай Бог(!), уволят, то суд обяжет работодателя выплатить тебе, дорогой работник-изобретатель, то вознаграждение, которое указано в нормативном акте...” И второй вариант ответа. “Наше российское за-

конодательство нацелено на инновационное развитие страны! А авторы служебных изобретений пусть сами о себе заботятся: “Спасение утопающих — дело рук самих утопающих!”» [7]. Приведенная цитата уважаемого ученого более чем актуальна и сегодня, в 2025 г.

Между тем, пока государство не усилило положение работника в данных правоотношениях, решение названной проблемы вынуждены брать на себя суды. Так, в частности, применительно к проблеме, рассматриваемой в настоящей статье, большой интерес представляют *отдельные кейсы* Суда по интеллектуальным правам (далее по тексту — СИП), посвященные пресечению недобросовестного поведения работодателей на основании принципа эстоппель (англ. estoppel, от англ. estop — лишать права возражения).

ЭСТОППЕЛЬ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ В СПОРАХ МЕЖДУ РАБОТНИКАМИ (АВТОРАМИ СЛУЖЕБНЫХ ИЗОБРЕТЕНИЙ) И РАБОТОДАТЕЛЯМИ (ПРАВООБЛАДАТЕЛЯМИ)

Как известно, принцип эстоппель вытекает из общих начал гражданского законодательства и является частным случаем проявления принципа добросовестности, который можно определить как запрет ссылаться на обстоятельства, ранее признававшиеся стороной бесспорными на основании ее действий и заверений. Указанный принцип пришел из стран англосаксонской правовой системы, а его общий смысл сводится к тому, что участники гражданских правоотношений должны осуществлять последовательные, а не противоречивые действия. Применение судами эстоппеля, в том числе к спорам в сфере интеллектуальной собственности, вызывает сегодня достаточно большой научный и практический интерес (см., например, [8]). В ГК РФ эстоппель находит свое отражение в нормах о недействительных сделках (п. 2, п. 5 ст. 166 ГК РФ, п. 3 ст. 173.1 ГК РФ), а также в общих положениях о договоре (п. 2 ст. 431.1, п. 3 ст. 432, п. 5 ст. 450.1 ГК РФ). Смысл названных норм сводится к тому, что стороне запрещается требовать признания сделки недействительной, а договора незаключенным или отказа от договора в случае, если из поведения такой стороны явствует воля сохранить силу сделки, а ее поведение давало основание другим лицам полагаться на ее действительность. Санкцией за подобного рода поведение могут стать отказ суда в праве на защиту, а также применение иных мер, обеспечивающих защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны. На недопустимость очевидного отклонения от добросовестного поведения в действиях участников

гражданского оборота указано и в разъяснениях, содержащихся в абз. 5 п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее по тексту — Постановление Пленума ВС РФ № 25).

Несмотря на то что сегодня эстоппель присутствует в ГК РФ лишь в отдельных положениях, суды применяют названное правило достаточно широко. Не стали исключением и споры, возникающие между работодателями и работниками по поводу служебных объектов патентного права. Рассмотрим сказанное на примере конкретной практической ситуации, сложившейся в настоящее время вокруг основной проблемы — нежелания работодателя выплачивать вознаграждение автору (изобретателю) за служебный объект (изобретение). За основу возьмем ряд судебных актов СИП [9], из которых можно увидеть следующую ситуацию.

В Пресненском районном суде г. Москвы находится на рассмотрении дело № 02-4012/2024 по иску Е.Е. Захаровой к ООО «Новелла-К» [10]. Основным требованием в нем является требование о взыскании авторского вознаграждения за создание изобретений по лечению мужского бесплодия и генетическому тестированию эмбрионов. На момент написания настоящей статьи данное дело не рассмотрено по существу, поскольку ООО «Новелла-К» предъявляет многочисленные иски к Е.Е. Захаровой, объединенные общей целью — уйти от обязанности по выплате авторских вознаграждений за созданные ею изобретения.

Для удобства восприятия ситуации, приведем краткую хронологию событий.

Е.Е. Захарова работала в ООО «Новелла-К» до 2023 г., в том числе состояла в должностях научного сотрудника и старшего эмбриолога.

Благодаря авторству Е.Е. Захаровой ООО «Новелла-К» является в настоящее время правообладателем трех патентов на изобретения: патента № 2718903 от 15.04.2020 (способ получения биологического материала, передаваемого на генетическое исследование в программах преимплантационного генетического тестирования эмбрионов человека) [11], патента № 2762489 от 21.12.2021 (способ выделения сперматозоидов из материала аспирации и/или биопсии из придатка и/или яичка для использования в программах экстракорпорального оплодотворения и/или криоконсервации) [12], патента № 2770818 от 22.04.2022 (способ выделения сперматозоидов из эякулята пациентов с нарушением сперматогенеза для использования в программах экстракорпорального оплодотворения и/или криоконсервации) [13].

Несмотря на практическое использование обществом данных изобретений при лечении мужского

бесплодия, а также при проведении преимплантационного генетического тестирования эмбрионов в программах экстракорпорального оплодотворения в течение нескольких лет, а также несмотря на ссылки в официальных источниках на данные объекты как на свои разработки, авторское вознаграждение Е.Е. Захаровой общество не выплатило. Многочисленные обращения работника (автора) к работодателю далее обсуждения проектов договоров ни к чему не привели. В связи с этим Е.Е. Захарова была вынуждена обратиться в Пресненский суд г. Москвы. При этом к моменту подачи искового заявления истица уже не являлась сотрудником ООО «Новелла-К».

В ответ на требования автора ООО «Новелла-К» заявило иски о признании перечисленных выше патентов недействительными в части указания истца в качестве патентообладателя по мотивам неслужебного характера спорных изобретений. Свои требования общество обосновало тем, что изобретения Е.Е. Захаровой (ответчика) носят не служебный характер и запатентованы истцом исключительно в целях повышения авторитета автора. При этом Е.Е. Захарова письменно не уведомляла общество о создании служебных объектов, самовольно указала истца в качестве заявителя и правообладателя в материалах заявки, а также фактически уклонилась от заключения с обществом соглашения о размере вознаграждения за создание и использование изобретения, полагающегося к выплате. Подчеркнем, что при дальнейшем рассмотрении поданных исков судом общество не оспаривало авторство Е.Е. Захаровой, не спорило с созданием объектов в период существования трудовых отношений между ней и обществом, а также с тем, что при создании изобретений была использована техническая и ресурсная база общества. Заметим, что интересы общества по всем трем делам представлял А.Д. Кудakov (по доверенности). Важность этого замечания будет понятна несколько позже.

Рассмотрев названные требования и представленные по делу доказательства обеих сторон, суды сочли доводы ООО «Новелла-К» неубедительными и не усмотрели оснований для удовлетворения заявленных требований общества, признав большинство доводов истца голословными и неподтвержденными [14].

Казалось бы, наличие перечисленных выше судебных актов должно было гарантированно помочь автору успешно отстоять свои интересы в Пресненском суде. Однако бывший работодатель (ООО «Новелла-К») вновь предпринимает недобросовестную попытку уйти от обязанности по выплате вознаграждения Е.Е. Захаровой. На этот раз в суд предъявляются иски к самому обществу. Их предметом является признание недействительными упомянутых выше патентов в связи с указанием в них в качестве патенто-

обладателя лица, не являющегося таковым. Истцом по ним выступает представитель ООО «Новелла-К» по упомянутым выше делам А.Д. Кудakov. На этот раз он фигурирует в иске как индивидуальный предприниматель, считающий себя заинтересованным лицом (истец). Согласно его позиции, общество не имело права на подачу заявок на выдачу патентов на рассматриваемые изобретения, поскольку не подало их в установленный законом срок, не передало право на получение патентов на служебные изобретения другому лицу, не сообщило работнику о сохранении информации об этом изобретении в тайне, а также не заключало договор с Е.Е. Захаровой в письменной форме о передаче обществу права на получение патента. К участию в деле в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, также привлечены Роспатент и Е.Е. Захарова.

В судебных процессах ООО «Новелла-К» признало иски о признании ИП А.Д. Кудakov. Суд по интеллектуальным правам, однако, оснований для признания поданных исков не нашел и, рассмотрев все три дела по существу, сделал вывод о недобросовестном поведении обеих сторон (истца и ответчика) в ущерб интересам автора (Е.Е. Захаровой).

Данный крайне важный вывод сделан СИП на основании следующего: спорные патенты получены ООО «Новелла-К», используются им, общество уплачивает патентные пошлины; иски о признании недействительными патентов на изобретения, не являющиеся, по его мнению, служебными, поданы обществом после обращения автора в Пресненский районный суд с иском о взыскании авторского вознаграждения; позиция А.Д. Кудakov совпадает с позицией общества о признании недействительными спорных патентов в других делах, где он являлся представителем общества; общество прямо указывает на то, что организация, в которой в настоящее время работает Е.Е. Захарова, является конкурентом общества; действия истца и общества при подаче данного иска направлены на достижение одной общей цели — освобождение общества от уплаты авторского вознаграждения Е.Е. Захаровой.

Свою позицию суд обосновал с опорой на ст. 1 и ст. 10 ГК РФ, а также Постановление Пленума ВС РФ № 25 и использовал эстоппель как правовой механизм, направленный на обеспечение последовательного поведения участников правоотношений. При его применении, указал СИП, важно учитывать, что недобросовестным признается только такое противоречивое поведение стороны, которое подрывает разумное доверие другой стороны и влечет явную несправедливость, а его главная задача заключается в том, чтобы воспрепятствовать стороне получить преимущества и выгоду как следствие своей непоследовательности в поведении

в ущерб другой стороне, которая добросовестным образом положила на определенную юридическую ситуацию, созданную первой стороной. По мнению суда, эстоппель должен защищать только добросовестное лицо, то есть лицо, доверие которого к поведению другой стороны было разумным и обоснованным, и призван содействовать обеспечению юридической безопасности субъектов права. При этом именно защита доверия как таковая является ключевым аспектом при оценке противоречивого поведения лица при использовании названного принципа. В принятых решениях сделан обоснованный и справедливый вывод о том, что автор изобретений (Е.Е. Захарова) добросовестно полагалась на правомерность получения обществом патентов. Действия же по их оспариванию истец и ответчик начали предпринимать только после предъявления ею требований к ООО «Новелла-К» о выплате авторского вознаграждения.

По итогам рассмотрения все иски ИП А.Д. Кудакова были оставлены судом без удовлетворения [15].

Рассмотренная практика СИП по применению эстоппеля к данной сфере правоотношений демонстрирует эффективный механизм правовой защиты в конкретной правовой ситуации, которая, к сожалению, до сих пор возможна из-за несовершенства действующего гражданского законодательства. Ее формирование видится весьма своевременным и актуальным, поскольку интересы авторов, как уже было отмечено ранее, находятся в максимально уязвимой позиции, а защита их прав, как правило, становится реальной только после обретения независимости работника от работодателя, проще говоря, его увольнения. Представляется, что именно поэтому иски работников (авторов служебных изобретений) в настоящее время столь малочисленны.

Вместе с тем нельзя не обратить внимание на то, что пока рассматриваемый в статье вопрос нашел свое разрешение только в отдельной судебной практике Суда по интеллектуальным правам, которая, несмотря на ее безусловную значимость и актуальность, формально не является источником права в России. В этой связи представляется очевидной необходимость конкретизировать и усилить правовые позиции авторов в законе, чтобы исключить возможности подобного недобросовестного поведения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог сказанному, выделим главное.

Если правообладатель служебного объекта — не изобретатель, а работодатель, то именно у него сосредоточены все преимущества, которые можно получить от использования изобретения. При этом работник (автор), имеющий по закону право на вознагражде-

ние, находится в максимально уязвимой позиции. Она обусловлена тем, что сроки, условия и порядок выплаты такого вознаграждения, как и его минимальные ставки, применяются лишь в отсутствие договора, а переход исключительного права к работодателю при этом не связывается с невозможностью использования служебного объекта по причине неисполнения обязанности по выплате вознаграждения работнику. Все перечисленное демотивирует работодателей выплачивать работнику деньги и нередко оборачивается их недобросовестным поведением, обусловленным целью обойти закон и уклониться от обязанности произвести положенные выплаты. При этом настоящая статья наглядно демонстрирует, на какие правовые ухищрения способны отдельные субъекты, готовые оспаривать собственные патенты только лишь для того, чтобы максимально затянуть данный процесс.

Между тем буквально прорывную практику по пресечению указанного недобросовестного поведения работодателей формирует сегодня Суд по интеллектуальным правам. Опираясь на общий принцип добросовестности участников гражданских правоотношений и частное его проявление — правило эстоппель, он изменяет парадигму в сфере защиты прав авторов служебных объектов в сторону максимального укрепления их позиций. Именно эстоппель выступает здесь тем самым правовым механизмом, который позволяет эффективно противостоять непоследовательному, противоречивому поведению работодателей и защитить права добросовестных работников (авторов).

Все сказанное, однако, указывает на глобальную нерешенную проблему несовершенства действующего гражданского законодательства в вопросах, связанных с правоотношениями авторов (работников) и правообладателей (работодателей). Представляется, что бремя ее разрешения не должны вынужденно брать на себя суды, компетенция которых, как известно, несколько иная. Помочь в достижении баланса между работниками и работодателями по вопросам, связанным с созданием и использованием служебных объектов, призваны гражданско-правовые нормы, на усовершенствование которых и должно быть направлено сегодня внимание законодателя. Так, следует усилить позиции авторов — создателей служебных объектов патентного права — путем конкретизации положений ст. 1370 ГК РФ, где представляется необходимым связать переход исключительного права к работодателю с дальнейшей невозможностью использования им служебного объекта по причине неисполнения обязанности по выплате вознаграждения работнику. Также видится своевременным внедрение в параграф 4 гл. 2 ГК РФ правовой нормы, посвященной договору о вознаграждении за создание служеб-

ных объектов патентного права; в ней следует определить форму такого договора, его существенные условия, основания для освобождения работодателя от выплаты вознаграждения, а также предусмотреть его минимальные ставки, которые, по мнению автора, должны быть установлены императивно. Представляется, что сегодня, когда Россия находится под беспрецедентным санкционным давлением и нуждается в импортозамещении, права авторов, создающих объекты патентных прав, должны быть максимально гарантированы и защищены. В этой связи государство обязательно должно защитить работника как наиболее уязвимую сторону, от которой зависит в том числе инновационное развитие нашей страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мамаджанов Х.А. Авторское вознаграждение: споры с работниками — авторами служебных результатов интеллектуальной деятельности // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 4; Татаринов А.А. Отношения по правам на результаты интеллектуальной деятельности и трудовые отношения: взаимное влияние и взаимодействие // Трудовое право в России и за рубежом. 2024. № 2; Гаврилов Э.П. Об авторском вознаграждении и других правах изобретателей // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. 2022. № 6; Шлойдо Г.А. Права авторов служебных изобретений в свете новелл патентного законодательства // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. 2021. № 4; Гаврилов Э.П. Право на вознаграждение за служебные объекты патентного права // Патенты и лицензии. 2014. № 10; Гаврилов Э.П. Права на служебные результаты интеллектуальной деятельности и секреты производства // Хозяйство и право. 2007. № 10 и др.
2. Гаврилов Э.П. Право интеллектуальной собственности. Промышленные права. XXI век: сб. публикаций. М.: Юрсервитум, 2016. С. 25.
3. Ревинский О.В. Право промышленной собственности: курс лекций. М.: Юрсервитум, 2017. С. 185.
4. Пункт 132 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
5. Постановление Правительства РФ от 16 ноября 2020 г. № 1848 «Об утверждении правил выплаты вознаграждения за служебные изобретения, полезные модели, служебные промышленные образцы».
6. Мальцев Н.М. Права авторов произведений науки, литературы и искусства на вознаграждение: дис. ... канд. юр. наук. М., 2017. С. 169–170.
7. Гаврилов Э.П. Право на вознаграждение за служебные объекты патентного права // Патенты и лицензии. 2014. № 10 // СПС «Гарант».
8. Коваленко А.А. Доктрина «эстоппель» в контексте принципа добросовестности в судебной практике Российской Федерации // Юрист. 2023. № 3; Сергеева Н.Ю. Применение принципа эстоппель при рассмотрении отдельных видов споров по товарным знакам в России // Гражданин и право. 2020. № 2; Сергеева Н.Ю. Недобросовестные действия участников лицензионных договоров: вопросы судебной практики. Патентный поверенный. 2020. № 6; Роор К.А. Понятие и сущность эстоппеля // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7; Ворожевич А. Принцип эстоппеля не позволил обществу добиться отмены решения третейского суда // ЭЖ-Юрист. 2018. № 8 и др.
9. Решение Суда по интеллектуальным правам от 06.06.2024 по делу № СИП-198/2024; Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 14.10.2024 по делу № СИП-198/2024; Решение Суда по интеллектуальным правам от 28.06.2024 по делу № СИП-199/2024; Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 31.10.2024 по делу № СИП-199/2024; Решение Суда по интеллектуальным правам от 09.08.2024 по делу № СИП-200/2024; Решение Суда по интеллектуальным правам от 18.02.2025 по делу № СИП-1087/2024; Решение Суда по интеллектуальным правам от 14.02.2025 по делу № СИП-1088/2024; Решение Суда по интеллектуальным правам от 09.04.2025 по делу № СИП-1089/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Дело № 02-0133/2025 (02-4012/2024) ~ М-12587/2023. URL: <https://mos-gorsud.ru>
11. URL: <https://new.fips.ru/registers-doc-view/fipservlet?DB=RUPAT&DocNumber=2718903&TypeFile=html> (дата обращения 21.08.2025).
12. URL: <https://new.fips.ru/registers-doc-view/fipservlet?DB=RUPAT&DocNumber=2762489&TypeFile=html> (дата обращения 21.08.2025).
13. <https://new.fips.ru/registers-doc-view/fipservlet?DB=RUPAT&DocNumber=2770818&TypeFile=html> (дата обращения 21.08.2025).
14. Решение Суда по интеллектуальным правам от 06.06.2024 по делу № СИП-198/2024; Решение Суда по интеллектуальным правам от 28.06.2024 по делу № СИП-199/2024; решение Суда по интеллектуальным правам от 09.08.2024 по делу № СИП-200/2024 // СПС «КонсультантПлюс».
15. Решение Суда по интеллектуальным правам от 18.02.2025 по делу № СИП-1087/2024; Решение Суда по интеллектуальным правам от 14.02.2025 по

делу № СИП-1088/2024; Решение Суда по интеллектуальным правам от 09.04.2025 по делу № СИП-1089/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

16. Проект Федерального закона № 95700320-1 «О служебных изобретениях, полезных моделях, промышленных образцах» от 06.06.1995 (снят с рассмотрения). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/95700320-1> (дата обращения 21.08.2025).

REFERENCES

1. Mamadzhanov H.A. Avtorskoe voznagrazhdenie: spory s rabotnikami — avtorami sluzhebnykh rezul'tatov intellektual'noj deyatel'nosti // Imushchestvenny'e otnosheniya v Rossijskoj Federacii. 2024. No. 4; Tatarinov A.A. Otnosheniya po pravam na rezul'taty intellektual'noj deyatel'nosti i trudovy'e otnosheniya: vzaimnoe vliyanie i vzaimodejstvie // Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom. 2024. No. 2; Gavrilov E.P. Ob avtorskom voznagrazhdenii i drugih pravah izobretatelej // Patenty i licenzii. Intellektual'nye prava. 2022. No. 6; Shlojdo G.A. Prava avtorov sluzhebnykh izobretenij v svete novell patentnogo zakonodatel'stva // IS. Promy'shlennaya sobstvennost'. 2021. No. 4; Gavrilov E.P. Pravo na voznagrazhdenie za sluzhebnye ob'ekty patentnogo prava // Patenty i licenzii. 2014. No. 10; Gavrilov E.P. Prava na sluzhebnye rezul'taty intellektual'noj deyatel'nosti i sekrety proizvodstva. Hozyajstvo i pravo. 2007. No. 10 I dr.
2. Gavrilov E.P. Pravo intellektual'noj sobstvennosti. Promy'shlennyy'e prava. XXI vek: sb. publikacij. M.: Izdatel'stvo Yurservitum, 2016. S. 25.
3. Revinskij O.V. Pravo promy'shlennoj sobstvennosti. Kurs lekcij. M.: Yurservitum, 2017. S. 185.
4. См. подробнее: p. 132 postanovleniya Plenuma Verhovnogo suda Rossijskoj Federacii ot 23 aprelya 2019 g. No. 10 "O primenении chasti chetvertoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii" // SPS "Konsul'tantPlyus".
5. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 16 noyabrya 2020 g. No. 1848 "Ob utverzhdenii pravil vyplaty voznagrazhdeniya za sluzhebnye izobreteniya, poleznye modeli, sluzhebnye promyshlennyye obrazcy".
6. Mal'cev N.M. Prava avtorov proizvedenij nauki, literatury i iskusstva na voznagrazhdenie: dis. ... kand. yur. nauk. M., 2017. S. 169–170.
7. Gavrilov E.P. Pravo na voznagrazhdenie za sluzhebnye ob'ekty patentnogo prava // Patenty i licenzii. 2014. No. 10 // SPS "Garant".
8. Kovalenko A.A. Doktrina "estoppel" v kontekste principa dobrosovestnosti v sudebnoj praktike Rossijskoj Federacii // Yurist. 2023. No. 3; Sergeeva N.Yu. Primenenie principa estoppel' pri rassmotrenii otdel'nykh vidov sporov po tovarnym znakam v Rossii // Grazhdanin i pravo. 2020. No. 2; Sergeeva N.Yu. Nedobrosovestnye dejstviya uchastnikov licenziannykh dogovorov: voprosy sudebnoj praktiki. Patentnyj poverennyj. 2020. No. 6; Roor K.A. Ponyatie i sushchnost' estoppelya // Aktual'ny'e problemye rossijskogo prava. 2018. No. 7; Vorozhevich A. Princip estoppelya ne pozvolil obshchestvu dobit'sya otmeny resheniya tretejskogo suda // E'Zh-Yurist. 2018. No. 38 i dr.
9. Reshenie Suda po intellektual'ny'm pravam ot 06.06.2024 po delu No. SIP-198/2024; postanovlenie Prezidiuma Suda po intellektual'ny'm pravam ot 14.10.2024 po delu No. SIP-198/2024; reshenie Suda po intellektual'ny'm pravam ot 28.06.2024 po delu No. SIP-199/2024; postanovlenie Prezidiuma Suda po intellektual'ny'm pravam ot 31.10.2024 po delu No. SIP-199/2024; Reshenie Suda po intellektual'ny'm pravam ot 09.08.2024 po delu No. SIP-200/2024; reshenie Suda po intellektual'ny'm pravam ot 18.02.2025 po delu No. SIP-1087/2024; reshenie Suda po intellektual'ny'm pravam ot 14.02.2025 po delu No SIP-1088/2024; reshenie Suda po intellektual'ny'm pravam ot 09.04.2025 po delu No SIP-1089/2024 // SPS "Konsul'tantPlyus".
10. Delo No. 02-0133/2025 (02-4012/2024) ~ M-12587/2023. URL: <https://mos-gorsud.ru>
11. URL: https://new.fips.ru/registers-doc-view/fips_ser_vlet?DB=RUPAT&DocNumber=2718903&TypeFile=html (data obrashheniya 21.08.2025).
12. URL: https://new.fips.ru/registers-doc-view/fips_ser_vlet?DB=RUPAT&DocNumber=2762489&TypeFile=html (data obrashheniya 21.08.2025).
13. URL: https://new.fips.ru/registers-doc-view/fips_ser_vlet?DB=RUPAT&DocNumber=2770818&TypeFile=html (data obrashheniya 21.08.2025).
14. Reshenie Suda po intellektual'ny'm pravam ot 06.06.2024 po delu No. SIP-198/2024; Reshenie Suda po intellektual'ny'm pravam ot 28.06.2024 po delu No. SIP-199/2024; Reshenie Suda po intellektual'ny'm pravam ot 09.08.2024 po delu No. SIP-200/2024 // SPS "Konsul'tantPlyus".
15. Reshenie Suda po intellektual'ny'm pravam ot 18.02.2025 po delu No. SIP-1087/2024; Reshenie Suda po intellektual'ny'm pravam ot 14.02.2025 po delu No. SIP-1088/2024; Reshenie Suda po intellektual'ny'm pravam ot 09.04.2025 po delu No. SIP-1089/2024 // SPS "Konsul'tantPlyus".
16. Proekt Federal'nogo zakona No. 95700320-1 "O sluzhebnykh izobreteniyah, poleznykh modelyah, promy'shlennykh obrazcah" ot 06.06.1995 (snyat s rassmotreniya). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/95700320-1> (data obrashheniya: 21.08.2025).

ГАРМОНИЯ В ГАММЕ: ЗАЩИТА МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ¹

HARMONY IN THE SCALE: PROTECTION OF MUSICAL WORKS IN THE DIGITAL AGE²

Анна Владимировна ПОКРОВСКАЯ

Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
Москва, Россия,
pokrovskaya_anvl@pfur.ru,
ORCID 0009-0002-6473-2027

Информация об авторе

А.В. Покровская — ассистент, аспирант департамента гражданского права и процесса и международного частного права Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, научный сотрудник Института права, эксперт патентной практики в центре интеллектуальной собственности «Сколково»

Аннотация. Статья посвящена всестороннему анализу современных проблем охраны музыкальных произведений в контексте стремительного развития цифровых технологий. Автор рассматривает трансформацию музыкальной индустрии от аналоговых медиа к онлайн-платформам, уделяя особое внимание масштабам легального и нелегального распространения контента, а также появлению новых угроз в виде потокового пиратства, незаконного копирования, использования искусственного интеллекта и цифрового ремикширования. В работе представлена эволюция системы авторского права — от коллективных устных традиций до современных моделей индивидуальной и коллективной защиты, охарактеризованы ключевые юридические и технологические методы регистрации и защиты прав (регистрация, депонирование, DRM, цифровые водяные знаки, блокчейн). Анализируются международный опыт, судебная и административная практика, особенности

- российского законодательства; показаны сильные и слабые стороны системы коллективного управления правами. Особое внимание уделено перспективам и вызовам, связанным с интеграцией искусственного интеллекта в процесс создания музыки, развитием блокчейн- и NFT-решений, а также роли автоматических систем мониторинга и необходимости международной гармонизации регулирования. В заключение предложены рекомендации авторам и правообладателям, как эффективно управлять своими правами, и отмечается необходимость соблюдения баланса между интересами создателей и общества.

- **Ключевые слова:** авторские права, музыкальное произведение, работа, интеллектуальная собственность, цифровые технологии, искусственный интеллект

- **Для цитирования:** Покровская А.В. Гармония в гамме: защита музыкальных произведений в цифровую эпоху // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 55, № 4. С. 88–98; DOI: 10.17323/tis.2025.28902

Anna V. POKROVSKAYA

- Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia,
pokrovskaya_anvl@pfur.ru,
ORCID 0009-0002-6473-2027

Information about the author

- A.V. Pokrovskaya — Assistant, Postgraduate Student of the Department of Civil Law and Procedure and Private International Law of the Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Research Assistant at the Law Institute, Expert in Patent Practice at the Intellectual Property Center "Skolkovo"

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 24-28-00567, <https://rscf.ru/project/24-28-00567/>

² The research was supported by Russian Science Foundation, grant No. 24-28-00567, <https://rscf.ru/project/24-28-00567/>

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of modern problems of protecting musical works in the context of the rapid development of digital technologies. The author considers the transformation of the music industry from analog media to online platforms, focusing on the scale of legal and illegal distribution of content, as well as the emergence of new threats in the form of streaming piracy, illegal copying, the use of AI, and digital remixing. The work presents the evolution of the copyright system — from collective oral traditions to modern models of individual and collective protection, and characterizes the key legal and technological methods of recording and protecting rights (registration, deposit, DRM, digital watermarks, blockchain). International experience, judicial and administrative practice, features of Russian legislation are analyzed, strengths and weaknesses of the collective rights management system are shown. Particular attention is paid to the prospects and challenges associated with the integration of artificial intelligence into the music creation process, the development of blockchain and NFT solutions, the role of automatic monitoring systems and the need for international harmonization of regulation. The conclusion offers recommendations to authors and copyright holders on how to effectively manage their rights and notes the need for a balance between the interests of creators and society.

Keywords: copyright, musical work, intellectual property, digital technologies, artificial intelligence

For citation: Pokrovskaya A.V. Harmony in the Scale: Protection of Musical Works in the Digital Age // *Trudy po Intellektualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property)*. 2025. Vol. 55 (4). P. 88–98; DOI: 10.17323/tis.2025.28902

INTRODUCTION

In recent decades, the development of digital technologies has radically changed the concept of the creation, distribution and consumption of musical works. Today, any composition, regardless of genre or geography, can become available around the world in a matter of seconds — this opens up incredible opportunities for authors, performers, and audiences [1]. Online platforms for listening to music, digital stores and streaming services are rapidly developing, which not only expands the geography of the audience, but also diversifies sources of income for copyright holders [2]. However, along with these advantages, the risks also increase: the unprecedented ease of file sharing leads to the distribution of pirated copies, massive copyright infringements, and difficulties in determining the true holders of exclusive rights. The emergence of artificial intelligence technologies and generative neural networks capable of independently creating musical works based on the analysis of other people's works raises new questions for the legal system and ethics in the field of musical creativity [3]. In a situation where music is no longer tied to physical media and copies are distributed instantly via digital channels, intellectual property protection is becoming a key task not only for musicians themselves, but also for the industry as a whole. The relevance of this topic is due not only to the rapid growth of musical content on the Internet and the internationalization of the music market, but also to the emergence of new — sometimes very sophisticated — ways to circumvent the copyright system, which causes serious concern among representatives of the creative community and the state. The music industry is faced with the need to respond to the growing number of cases of illegal use of works, as well as to develop more advanced tools for identifying and preventing violations, both at the national and international levels [4]. Finding a balance between freedom of creativity, technological progress, and the rights of owners is becoming one of the pressing challenges for modern society, especially given the transboundary nature of violations in the virtual environment.

The purpose of this article is to comprehensively consider the specifics of protecting musical works in the digital age. To achieve this goal, the main legal instruments, modern Russian and international regulatory

trends, types of digital threats will be analyzed, and practical issues faced by authors, performers, and law enforcement agencies in real practice will be covered. Particular attention will be paid to the use of blockchain technologies, automatic copyright management systems (DRM), digital content labeling, as well as modern mechanisms for resolving disputes in the online space. The work proposes to briefly consider the following key issues: how modern technologies affect copyright infringement and protection; what laws and international agreements underlie the protection of music on the Internet; what are the typical digital threats (including streaming piracy, illegal file sharing, downloading via P2P networks, content generation by artificial intelligence); what successful precedents already exist in judicial practice and how the court responds to them; and what opportunities are provided by new technical means and platforms for searching, detecting and preventing violations on a global scale. Particular attention will be paid to the role of collective management organizations and the interaction between various participants in the music market. Such a comprehensive analysis will allow not only to delve into the issues from a legal and technological point of view, but also to outline ways to form a truly effective model for protecting musical works in the rapidly changing conditions of the digital age, as well as possible areas for improving legislation and the practice of its application, taking into account the growing digital challenges.

EVOLUTION OF MUSIC AND COPYRIGHT

Music occupies a special place in the history of mankind, being one of the most ancient forms of self-expression and communication. From the rhythmic dances of primitive tribes to the most complex symphonies and modern digital tracks, the evolution of music is closely linked to the development of society, technology, and culture [5]. Ancient civilizations created unique musical instruments and developed the basics of musical notation, which made it possible to pass on compositions from generation to generation. In the Middle Ages, a system of recording music was gradually formed, the first schools of musical theory appeared, and with the invention of printing in the Renaissance, a wide range of musicians gained access to musical literature, which contributed to the rapid development of genres and forms [6]. In modern times and especially in the 19th–20th centuries, music acquired a ramified structure: new styles emerged, its commercial potential expanded, and thanks to the invention of sound recording and radio, works became available to millions of listeners regardless of borders.

Simultaneously with the development of musical art, the need arose to protect the intellectual rights of authors.

The first laws protecting the rights of creators appeared in Europe in the 18th century, when music became the subject of property relations [7]. Over time, key provisions of copyright are formed. Modern legislation in the field of music protects both the composition itself (melody, harmony, text) and its performance and recording. Authors are granted the exclusive right to use, reproduce, distribute, publicly perform, and rework the work. The copyright holder can permit or prohibit third parties from using the music, and also receive remuneration for its commercial use. Protection begins when a work is created, and the term of protection usually lasts for the life of the author and 50–70 years after his death, depending on the legislation of a particular country [8]. In addition to national laws, international agreements, such as the Berne Convention, play an important role, ensuring cross-border protection of works. At the same time, each new technological achievement - be it the mass reproduction of sheet music, the emergence of the gramophone or the development of digital networks - challenges the existing legal framework [9]. This requires society to find a balance between the interests of authors and the freedom to exchange ideas, as well as regularly update legal institutions to ensure fair protection of the rights of creators in an era of rapid technological change. Thus, the history of the evolution of music is inextricably linked with the formation and development of the copyright system, ensuring its prosperity and accessibility to society. Music has accompanied humanity throughout history, reflecting the spirit of the era, technological achievements, and social changes. As music evolved, so did the way we think about ownership and regulation of rights to works, and in the 21st century, these issues were further challenged by artificial intelligence. In ancient times, music existed primarily in the oral tradition. Songs, melodies, and instruments were passed down from generation to generation, belonged to the entire community, and were free to change, adapting to time and place. The concept of “copyright” simply did not exist: music was considered a collective property, and the very idea of authorship was very vague [10]. With the advent of notation in the Middle Ages, music gradually became more fixed. Professional composers such as Guillaume de Machaut and Josquin Desprez appeared at court and in the church, although even in this period, the names of authors were rarely recorded, and works were created to order and usually belonged to the customer, not the composer.

The situation changed with the invention of printing and the appearance of the first printed music in the 15th and 16th centuries. A market for music publications emerged, and with it the need to protect the interests of publishers first, and then composers. In some European countries, the first licenses or privileges limiting the

right to reprint music appeared [11]. Copyright laws in the modern sense began to emerge in Europe only in the 17th and 18th centuries, under the influence of Enlightenment ideas about personal freedom and property. The famous English Statute of Anne of 1710³, although it concerned primarily book production, was the first key step towards recognizing the rights of authors to creativity, which later included music. However, even classics like Mozart and Beethoven had limited rights to full ownership and control over their works, and depended much on relationships with publishers, patrons, and customers. The 19th century saw the rise of mass music production and the emergence of new ways to distribute music: first sheet music, then mechanical musical devices, and later gramophones and vinyl records. The development of the industry gave rise to new professions and new legal problems — for the first time, specialized societies for the collective management of copyrights appeared, such as the French SACEM (1851)⁴ or the American ASCAP (1914)⁵, which took on the collection of royalties and the distribution of income among authors. During the 20th century, the music industry faced each new technological revolution: tape recorders, radio, television, and later CDs, the Internet, and streaming services [12]. Each time, the law was forced to catch up with technology: copyrights were extended to include synchronization with cinema, television broadcasts, and with the development of the global market, international agreements were required, such as the Berne Convention⁶ and the acts of the World Intellectual Property Organization.

The advent of the digital era has made intellectual property issues even more pressing. On the one hand, the prevalence of the Internet and the ease of copying music files have led to a reduction in the income of copyright holders and an increase in piracy [13]. On the other hand, music services, streaming platforms, and digital stores have become a source of new models of distribution and monetization. States have been forced to tighten laws, introduce modern mechanisms of collective management, and control the activities of digital platforms. At the same time, algorithms for automatic recognition of copyright

infringement have appeared — an example is Content ID on YouTube. In recent years, a new discussion has unfolded — about music created by artificial intelligence [14]. Modern neural networks are capable of generating original works or composing music in the style of any composer, analyzing gigantic arrays of data. This raises complex legal and ethical questions. Who is the author and copyright holder of such a work? Should the developer of the neural network receive a reward? What if the neural network was trained on the compositions of thousands of real authors — do they need to be paid “royalties”? Can machine tracks compete with human creativity, and how will this affect the future of musical culture?

Today, the legislation of most countries is searching for a balance between the protection of classic copyrights and the need to encourage technological innovation. Some countries have already established that works created exclusively by AI are not protected by copyright, but if human participation in the creation of music is decisive, it is recognized as an object of protection [15]. However, global experience is still extremely fragmented: there are no uniform standards, international agreements, and clear mechanisms for distributing income for all participants — developers, users, authors of original tracks, and listeners.

The transition to the era of artificial intelligence and general digitalization puts musicians, lawyers, producers, and legislators before the need to develop new standards, methods of compensation, and collective management of intellectual property. In the coming years, international agreements are likely to emerge that will take into account hybrid forms of creativity, cooperation between humans and machines, new types of royalties and income distribution, and will also ensure a stable balance between the interests of society, copyright holders, and technology companies. The main task is to protect the rights and interests of composers without stifling the development of musical culture and innovation [16]. The history of the evolution of music and copyright is the history of the constant search for a balance between individual freedom of creativity, commercial interests, and the public right to access art. The 21st century puts this dilemma in an unprecedented perspective, because artificial intelligence is already becoming not only a tool, but also an independent co-author, and perhaps even the author of new art. What will be the concepts of authorship, rights, and, in general, the place of music in society in the near future — time will tell.

THE DIGITAL AGE: NEW OPPORTUNITIES AND NEW THREATS

The digital age has changed the music industry radically, opening up both amazing opportunities and creating

³ Great Britain. Statute of Anne, 8 Anne. 1710. S. 19. Retrieved from https://www.copyrighthistory.org/cam/tools/request/showRecord.php?id=leg_uk_1710

⁴ Société des Auteurs, Compositeurs et Éditeurs de Musique (SACEM). Founded 1851, France. Retrieved from <https://www.sacem.fr/>

⁵ American Society of Composers, Authors and Publishers (ASCAP). “Our History”. Retrieved from <https://www.ascap.com/about-us/our-history>

⁶ Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works, September 9, 1886, as amended on September 28, 1979, 828 U.N.T. S. 221.

new threats for authors, performers, and listeners. The main transformation is associated with the mass distribution of the Internet and digital technologies, which have completely changed the ways of creating, storing, distributing, and consuming music.

Just twenty or thirty years ago, the vast majority of people got acquainted with music through cassettes, discs, or the radio. Today, musical works become available literally in seconds — thanks to streaming services, online stores, social networks, and YouTube. The Internet has given musicians a unique chance to reach a global audience with virtually no intermediaries: any author can record a track “on the fly”, upload it to a platform, and instantly share it with millions of listeners around the world [17]. This has fundamentally changed the scheme of music promotion, allowed thousands of independent authors to declare themselves without the participation of major labels, and also accelerated musical creativity itself thanks to the exchange of ideas and collaborations at a distance. However, along with the advantages, the digital era has brought a whole range of challenges. Powerful tools for copying and sharing files, a developed system of peer-to-peer networks, and torrent trackers have led to an unprecedented scaling of piracy [18]. Almost any new album or track appears on illegal resources on the same day as its official release. Music has become one of the most easily copied and distributed products. For authors and performers, this has resulted in gigantic losses [19]: sales of physical media are falling, and even digital commerce is reducing profits. To this day, billions of tracks around the world are downloaded and listened to outside the legal field, without bringing their creators a cent. In addition, the digital era has increased the risks of “anonymous” copying, when it is difficult to track down the offender, and technologies for bypassing blocking and encryption make it possible to hide the distribution channels of pirated content [20]. Moreover, applications such as streaming bots, unauthorized remixes, and automated “music generators” complicate the protection of the individual rights of the author.

However, the digital era has provided new tools to combat piracy and support copyrights — from automated Content ID systems to new models of monetizing music through subscriptions, donations, and merchandising. Many artists are finding alternative sources of income: live online broadcasts, crowdfunding, and exclusive content.

As a result, the Internet and digital technologies have created a unique space [21]: on the one hand, this is unprecedented freedom and democratization of musical creativity, and on the other, a constant threat of copyright infringement and unpaid labor of authors and performers. The music industry is looking for new balances be-

tween openness, protection of the interests of creators, and freedom of the audience, and the issue of copyright itself has become more acute and relevant than ever before.

The radical changes brought by the digital age are reflected not only in the ways of creating, distributing, and consuming music, but also in international judicial practice, where some of the most precedent-setting cases on the protection of musical rights are considered.

One of the key cases was the sensational story in the USA, “Capitol Records v. ReDigi” (2018)⁷. The company ReDigi has developed a service for reselling digital music files, allowing users to “transfer” purchased tracks to each other, as is traditionally done with physical media, such as CDs. However, Capitol Records went to court, arguing that even the temporary copying of a digital file during such resale violates copyright, since a new copy of the work is essentially created. The New York Federal Court agreed with the copyright holder’s position and ruled that digital music cannot be freely resold without the copyright holders’ permission: transferring a file in a digital environment is inevitably associated with its copying, and therefore extends to actions that go beyond the usual use of the work. No less resonant was the precedent of the Swedish torrent tracker The Pirate Bay. Since 2009, the founders of this platform have been prosecuted by courts around the world for aiding and abetting mass copyright infringement: the service provided a convenient exchange of pirated music and other files on a global scale. The Swedish court found them guilty and sentenced them to prison terms and multi-million dollar fines, but even these decisive measures did not stop the spread of piracy. The platform still operates, using mirrors and proxies in many countries. This example clearly illustrates that in the digital age, even high-profile court decisions are insufficient to fully combat copyright infringement — coordinated international measures and technological innovations are needed. The emergence of new threats has also led to the development of innovative solutions [22]: for example, the problem of mass copyright infringement on video hosting and streaming services has given rise to automated content identification systems, primarily Content ID on YouTube. Thanks to agreements with major labels such as Universal Music Group, the system automatically finds and blocks, or monetizes videos with illegally uploaded music in favor of copyright holders. This helps to compensate for some of the losses from piracy, but also creates a new problem: automatic blocking sometimes affects honest users, and it is not easy to challenge the system’s decision. Despite

⁷ Capitol Records, LLC v. ReDigi Inc., 910 F.3d 649 (2d Cir. 2018).

the controversy, such technologies have become a benchmark for the entire industry — they are also being implemented by other major platforms, such as Facebook with Rights Manager or SoundCloud with its own recognition system.

A separate layer of problems is related to digital sampling: the famous case of *Pelham v. Kraftwerk* (EU Court of Justice, 2019)⁸ became a key one for Europe. German producer Moses Pelham used a two-second fragment of a Kraftwerk track without the consent of the authors. The European Court ruled that even the shortest and, at first glance, insignificant sample requires permission if it is recognizable. This decision strengthened the legal protection of musicians, extending control over digital fragments of music, and became an important precedent throughout the EU. All of the above clearly demonstrates that protecting music in the digital age requires constant improvement of technical solutions, adaptation of legislation, and close international cooperation. Modern judicial practice forms the boundaries of what is permissible in the use, distribution, and monetization of digital music — and the industry is still forced to find a balance between the interests of copyright holders, technological capabilities, and millions of listeners around the world.

METHODS OF PROTECTING MUSICAL WORKS

Modern protection of musical works is based on a combination of traditional, digital, and legal mechanisms. Traditional methods include registration of a work in national and international copyright societies or official registries — for example, in the Russian Authors' Society (RAO) or the US Library of Congress - which allows you to confirm the authorship and date of creation of the composition. Another effective tool is deposit — transferring a copy of the work for storage to specialized organizations in order to have additional evidence in the event of disputes [23]. In many countries, the principle of automatic copyright protection applies: a work is considered protected from the moment of creation, but registration significantly simplifies the protection of rights in court.

An important element of traditional protection has become collective management of rights. Specialized organizations such as RAO, WIPO, IFPI, SACEM, and others collect and distribute royalties, as well as monitor the use of works on radio, television, public, and digital services. This is especially important for individual authors, who find it difficult to independently track all cases of

use of their music. In the context of rapid digitalization, new technological solutions are becoming fundamental. These include digital rights management (DRM) technologies, which are implemented at the level of software, applications, and specialized platforms — for example, Apple Music or Spotify protect audio files from unauthorized copying and distribution [24]. To combat illegal distribution and piracy, digital watermarking is used — invisible identifiers in audio files that allow you to track a leak and prove the fact of infringement. A promising direction is the use of blockchain: decentralized copyright registries (for example, Audius, Mycelia) provide transparent and immutable accounting of authorship, usage history, licensing, and payments, which reduces the risk of manipulation with these labels and platforms, and also facilitates international protection of rights [25].

Among other technical means, automated content recognition systems (content ID) on YouTube, Shazam, and other platforms stand out, which identify musical works with high accuracy based on short fragments, instantly signaling copyright holders about possible violations and allowing the use of their music to be monetized through advertising revenue [26]. Legal mechanisms remain an integral part of the protection of musical works. Of greatest importance is the competent execution of contractual relations: the conclusion of license agreements (exclusive or non-exclusive), contracts with publishers, labels, digital platforms, where the conditions of ownership of rights, the procedure for receiving remuneration, and territorial and time frames for the use of music are clearly defined. In case of violations, the author or copyright holder has the right to seek judicial protection with demands for recognition of authorship, recovery of damages, compensation for moral damages, seizure of illegally obtained profits, or blocking/removal of pirated content [27]. In recent years, pre-trial dispute resolution has become increasingly widespread — mechanisms for claim correspondence, mediation, and special processes for considering violations on digital platforms are used. Such procedures often allow for the prompt restoration of justice at a lower cost than litigation.

The international aspect is also of particular importance, given the cross-border nature of music distribution via the Internet. Rights are protected based on international treaties and conventions — the Berne Convention, the Universal Copyright Convention, the TRIPS Agreement — as well as through participation in global professional associations such as WIPO, IFPI, CISAC. Composers and performers can register their works in several jurisdictions at once or use the services of specialized international management companies [28].

Educational and preventive work plays a significant role. It is necessary to constantly improve the legal lit-

⁸ Case C-476/17, *Pelham GmbH and Others v. Ralf Hütter and Florian Schneider-Esleben*, ECLI:EU:C:2019:624 (CJEU, 29 July 2019).

eracy of authors and performers, inform them about modern methods of protection, principles of concluding contracts, and the specifics of using other people's content, especially in cases of working with samples and covers [29]. Recent years have been marked by the active development of consulting services and educational projects that help prevent violations and strengthen the positions of copyright holders. Thus, effective protection of musical works is based on a comprehensive approach that combines preventive measures, the use of the latest technologies, competent registration of legal relations, and the active participation of authors or representatives in collective management. Only the integration of various methods can ensure real protection of the interests of composers and performers in the context of a dynamically developing digital economy.

INTERNATIONAL EXPERIENCE AND PRACTICE

International experience and practice of protecting musical works show that the level and features of copyright protection vary significantly depending on the jurisdiction, despite the existence of unified international acts such as the Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works and the Universal Copyright Convention⁹. In the EU countries, the Directive on the Protection of Copyright and Related Rights in the Information Society¹⁰ is in force, which sets a high standard of protection, including effective DRM (digital copyright management) measures and strict liability of Internet providers for infringement of rights. In the USA, a copyright registration system is used, which, although not mandatory, significantly affects the possibility of judicial protection (for example, only a registered object can be protected in court and receive compensation). A feature of American practice is the institution of "fair use", which often becomes the subject of disputes — its applicability to musical works depends on the purposes and nature of use, as well as the volume of borrowing. In the CIS countries, including Russia, the system is built primarily on the provisions of the Berne Convention and national laws (for example, the Civil Code of the Russian Federation¹¹); however, the problem of piracy, insufficient development of collective societies for the management of rights, and imperfect judicial practice remains. In a num-

ber of Asian countries, such as China and India, despite the ratification of international agreements, protection is often accompanied by difficulties associated with the insufficient effectiveness of law enforcement and the prevalence of mass violations. A case study of successful legal protection can be seen in the case of the American singer Taylor Swift against a major radio network¹², when, after the mass unauthorized use of her musical works, large compensation was collected and the removal of all illegal copies was ensured. In another landmark case¹³, the group Led Zeppelin won a lawsuit over alleged plagiarism of the composition "Stairway to Heaven", proving the originality of their work in the US Court of Appeals. However, there are also less successful stories: many foreign performers face difficulties in protecting copyright in countries with a low level of law enforcement. For example, individual Russian musicians are still forced to independently identify and prevent violations, since collective management organizations often work ineffectively, payments to authors are opaque, and compensation is low. There are also cases when performers were unable to achieve success due to formal errors in registering rights or filing a claim.

In general, the practice of protecting musical works proves that even in the presence of international agreements, the specifics of national legislation, the development of the collective management system, the quality of forensic examination, and the culture of compliance with intellectual property rights play an important role. Successful protection is directly related to competent legal support and the active position of the author or copyright holder.

International experience and practice in the field of protecting musical works are clearly demonstrated by a number of significant cases reflecting modern difficulties and approaches in copyright and related law. Thus, in the case of *Ed Sheeran v. Marvin Gaye's Estate* (2023, USA)¹⁴, the heirs of the famous soul singer claimed that Sheeran's hit "Thinking Out Loud" borrowed the harmony and rhythm of the song "Let's Get It On". The jury, however, noted that the similarity of the overall harmonic sequence does not constitute a copyright infringement, since chord progressions as such are not protected by copyright. This case vividly illustrates the difficulties in distinguishing permissible creative influence from plagiarism, and also raises the question of the protectability of individual musical elements.

⁹ Universal Copyright Convention, Sept. 6, 1952, as revised July 24, 1971, 943 U.N.T. S. 178.

¹⁰ WIPO Copyright Treaty, Dec. 20, 1996, S. Treaty Doc No. 105-17, 36 I.L.M. 65 (1997).

¹¹ Civil Code of the Russian Federation, Part Four, Federal Law No. 230-FZ, 18 December 2006. Retrieved from <https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/ru/ru083en.pdf>

¹² *Swift v. Mueller*, No. 15-cv-1974 (D. Colo. Aug. 14, 2017).

¹³ *Michael Skidmore, as Trustee for the Randy Craig Wolfe Trust v. Led Zeppelin et al.*, 952 F.3d 1051 (9th Cir. 2020) (en banc), cert. denied, 141 S. Ct. 453 (2020).

¹⁴ *Griffin v. Sheeran*, No. 1:17-cv-05221 (S.D.N.Y. May 4, 2023).

Another major conflict¹⁵ unfolded between Spotify and Wixen Music Publishing in 2018, when the American publisher filed a multi-billion dollar lawsuit for hosting hundreds of thousands of songs without a license. The case was settled out of court, but it highlighted the urgent need for transparent online licensing mechanisms and effective collective management of digital rights, which became a challenge for the entire streaming industry.

In considering the protection of musical works in the digital age, it is essential to analyze how the activities of major market participants intersect with antimonopoly legislation. The formation and functioning of large collective rights management organizations—such as ASCAP and BMI in the United States — have historically raised significant antitrust concerns, culminating in the landmark 1941 consent decrees that continue to shape licensing practices and competitive dynamics in the market¹⁶. These regulatory interventions were designed to prevent monopolistic abuse and provide fair access to music for broadcasters and other users, balancing the interests of rights holders, creators, and consumers. The issue remains topical in the context of ongoing consolidation in the sector, as seen in cases such as the Sirius-XM merger, where antitrust authorities reviewed potential effects on competition and access to music content¹⁷. At the same time, technology platforms have emerged as dominant gatekeepers of musical content. In recent years, disputes such as Spotify's complaint against Apple before the European Commission have highlighted challenges related to platform power¹⁸, unfair business practices, and restrictions on market access for digital music services. These cases illustrate that the intersection of copyright protection and antimonopoly regulation is central not only to legal doctrine, but also to practical market functioning in the digital era. For legislators and industry stakeholders, it remains critically important to maintain a regulatory environment that supports both innovation and fair competition, while safeguarding the interests of authors and copyright holders against undue market concentration and gatekeeping.

Additionally, it is worth briefly noting the extensive discussion in the United States, particularly in legal schol-

arship by Professor Jessica Litman [30] and others [31], regarding the significant influence wielded by major music distributors during the drafting of new copyright legislation. These discussions highlight concerns that large industry players may shape legislative reforms in ways that prioritize their commercial interests, potentially at the expense of independent creators and smaller rights holders. Such commentary underscores the importance of inclusivity and balanced representation in the legislative process, especially when redefining the responsibilities and liabilities of digital platforms in the arena of intellectual property.

No less international resonance was caused by the trial of Megaupload founder Kim Dotcom, accused of facilitating mass piracy, including music piracy¹⁹. For the first time, it demonstrated the possibility of international extradition for digital infringement, as well as the importance of cooperation between law enforcement and the music industry in the fight against online piracy. In Germany, a long-standing legal battle²⁰ between the GEMA collective management society and the YouTube platform (2012–2016) played a special role, as a result of which a compromise was reached: YouTube began paying royalties to rights holders and implemented one of the most advanced systems for automatically recognizing and blocking unauthorized tracks — Content ID. This allowed both authors and platforms to more effectively control and monetize the use of works on the Internet.

RECOMMENDATIONS FOR AUTHORS AND COPYRIGHT HOLDERS

In the digital age, protecting copyright in music requires new approaches and constant vigilance. Effective protection of interests on the Internet is impossible without a comprehensive approach. First of all, it is important to ensure formal recording of authorship: save all drafts, intermediate versions of tracks, working files and correspondence confirming your contribution; register your works with rights management groups (RAO, VOIS and others), and, if necessary, formalize state registration of an intellectual property object; use the date of the initial publication on official pages or major music platforms as evidence of priority.

It is equally important to control the distribution of your music by posting works yourself on legal digital platforms (Apple Music, Spotify, Yandex.Music, VK, etc.), and for distribution, use proven aggregators that work

¹⁵ Wixen Music Publishing, Inc. v. Spotify USA Inc., No. 2:17-cv-09288 (C.D. Cal. filed Dec. 29, 2017).

¹⁶ U.S. v. ASCAP, 1941, Civ. No. 1395 (S.D.N.Y.), U.S. v. BMI, 1941, Civ. No. 64-378 (S.D.N.Y.).

¹⁷ Federal Communications Commission. "Report and Order and Declaratory Ruling, Applications for Consent to the Transfer of Control of Licenses, Sirius Satellite Radio Inc. and XM Satellite Radio Holdings Inc." MB Docket No. 07-57, July 25, 2008. Federal Trade Commission.

¹⁸ European Commission. "Antitrust: Commission opens investigation into Apple's App Store rules". Press Release, 16 June 2020.

¹⁹ United States v. Dotcom, No. 1:12-cr-00003-LO (E.D. Va. unsealed Jan. 19, 2012).

²⁰ Landgericht Hamburg, Urteil vom 20. April 2012 — 310 O 461/10 (GEMA v. YouTube).

with copyright and related rights. Constantly monitor the use of your tracks — use specialized monitoring services (for example, Yandex Content Track, TuneCore, Soundmouse, BMAT, ACRCLOUD, Audible Magic, Digimarc) that use audio fingerprints and digital watermarks to search for music on YouTube, social networks, TV, radio, and streaming platforms. Connect systems such as Content ID to automatically identify and monetize the use of tracks on video hosting sites and conduct regular manual searches by titles and key phrases in search engines, social networks, forums, and pirate sites. If you record a violation, first be sure to save the evidence: screenshots, archived copies of pages, data on views or downloads, and other materials. In some cases, you can try to resolve the issue directly by contacting the violator with a request to stop illegal use. If this does not help or the work is posted on the platform, send an official complaint via a special form (for example, a DMCA notice on YouTube, a corresponding form on VKontakte, etc.). If your demands are ignored, send a claim by mail or email or immediately seek help from a lawyer; you can also use the support of a collective management organization (CMO) or file a lawsuit to recover compensation. Modern technologies offer wide technical protection capabilities: be sure to use unique ISRC identifiers when publishing tracks in stores; implement digital watermarks - imperceptible to the ear, but detected by programs, which will help confirm the source and authorship. Also, promptly declare your copyright in automatic recognition systems, such as YouTube Content ID, VK, SoundCloud, TikTok, and others, to receive notifications about new uploads of your works and promptly respond to them. Finally, maintain ongoing cooperation with professional organizations: registration of works and collective management agreements with RAO, VOIS, and other rights protection societies significantly increase the likelihood of a quick response to violations and receiving compensation even for unauthorized use on major services and in the media.

In general, only comprehensive monitoring, reliable recording of authorship, the use of modern technological solutions, and interaction with professional organizations significantly increase your chances of effective protection of intellectual property in the modern digital environment.

DEVELOPMENT PROSPECTS

Modern approaches to the protection of intellectual property (IP) are strongly influenced by the rapid development of digital technologies. In the coming years, a number of significant changes are expected both in the technological sphere and in the evolution of legislation regulating this area.

One of the key trends has become the active implementation of blockchain technologies in the processes of confirming copyright and licensing digital content. The use of distributed registries allows you to transparently record the fact of creation, ownership, and transfer of rights to various types of works — from music to scientific publications and software code. Platforms such as Ascribe and Po.et provide services for registering and accounting for digital rights, which significantly complicates the counterfeiting or illegal use of IP objects.

The use of digital watermarks, digital fingerprints, and various DRM (Digital Rights Management) systems is also rapidly developing. These technologies make it possible to integrate unique tags into digital content, which helps copyright holders track the distribution of their works online and, in case of violation, promptly identify leaks and initiate protective measures.

An important role in modern approaches is played by artificial intelligence (AI), which is not only an object of copyright and related rights, but also a powerful tool for protecting intellectual property. With the help of AI, automated monitoring of large volumes of media content is carried out, and plagiarism, illegal reproduction, rewriting, or even synthesis based on original works is detected. Examples include systems such as YouTube Content ID, as well as modern anti-plagiarism services that use machine learning to analyze texts and identify borrowings.

The development of NFT (non-fungible token) technology as a way to record ownership of digital works deserves special attention. NFT creates a unique digital certificate for each object, allowing the author or copyright holder to indisputably prove the authenticity of their work at the time the token appears. NFTs often contain “smart contracts” that automate the payment of royalties and the transfer of rights upon resale, but the legal force of such tokens and mechanisms for monitoring the use of the work are still a subject of debate.

Despite rapid technological progress, legislation does not always keep up with the changes taking place. Already now, many countries are amending IP laws, expanding the list of protected objects, establishing new procedures for working with digital evidence, and defining automated tools as participants in legal relations. In Russia, for example, since 2023, state registration of digital works has been developing through the State Services platform using time-stamping services. In the future, it is expected that international cooperation will be intensified in terms of access to data and the unification of electronic document management standards, which will make it possible to more effectively combat digital piracy, simplify procedures for blocking and removing illegal content, and increase the responsibility of Internet platforms for compliance with intellectual property

rights. Significant changes will also affect practice — new jurisdictional mechanisms for interaction and compensation for damages will appear. Particular attention will be paid to issues of determining the legal status of works created with the help of AI and responsibility for their distribution. Thus, the rapid development of digital technologies poses new challenges for law enforcement agencies, requiring the updating of legislation, the use of modern automation tools, and an increase in the level of international cooperation in order to effectively protect the results of both human and artificial creativity.

CONCLUSION

In the context of the rapid development of information technology, modern problems of copyright protection in the digital environment are becoming especially relevant. An analysis of current legislation, judicial practice, and the latest trends has shown that existing mechanisms for the protection of intellectual rights often fail to keep up with changes in the field of digital information exchange, content distribution, and the emergence of new digital products, including works created using artificial intelligence.

The main conclusion is the need for continuous improvement of both national and international copyright regulation. This involves the creation of more effective digital tools for monitoring and identifying violations, the development of law enforcement practices, as well as increased cooperation between government agencies, Internet platforms, and copyright holders. In addition, it is important to pay attention to the balance between the interests of authors, users, and society as a whole, ensuring free access to information with due protection of the rights of creative individuals. Particularly complex are cases related to cross-jurisdictional violations, automated distribution of content, as well as determining the legal status of works created as a result of collective activity or with the participation of artificial intelligence. These issues require further theoretical development and practical testing of new approaches and tools.

The following issues remain relevant for further discussion: how to ensure effective international cooperation in protecting copyright on the Internet; how to minimize abuses by both copyright holders and users; to what extent is it possible to delegate the function of identifying and blocking infringing content to private digital platforms; and finally, how will the role of traditional legal protection institutions change in the context of increasing automation and the use of artificial intelligence in the creation, distribution and protection of copyright works. The solution to these problems will determine the directions of development of the copyright protection system in the digital environment in the coming years.

Further development of legislation and practice in the field of copyright protection in the digital environment should take into account the balance of interests of copyright holders, authors, Internet service providers, and end users. The most important role here is played by the formation of international standards and the harmonization of national legal systems in order to ensure adequate protection of works in the context of the transboundary nature of the digital space. Particular attention should be paid to improving dispute resolution procedures, including the introduction of alternative methods of conflict resolution, such as mediation and online arbitration. This will reduce the burden on the judicial system and speed up the restoration of violated rights. Equally important is the development of mechanisms for educating users about copyright norms and improving the culture of their observance. In the context of rapid technological progress, it is public awareness that will become the key factor in the effective protection of intellectual property. Thus, the further evolution of the copyright protection system in the digital environment involves the integration of legal, technological, and educational measures aimed at creating a balanced, modern, and flexible model capable of adequately responding to the challenges of the digital age.

REFERENCES

1. Sood A., Tellis G.J. Technological evolution and radical innovation // *Journal of Marketing*. 2005. Vol. 69. No. 3. P. 152–168.
2. Guo X. The evolution of the music industry in the digital age: From records to streaming // *Journal of Sociology and Ethnology*. 2023. Vol. 5. No. 10. P. 7–12.
3. El Ardelya V., Taylor J., Wolfson J. Exploration of artificial intelligence in creative fields: Generative art, music, and design // *International Journal of Cyber and IT Service Management*. 2024. Vol. 4. No. 1. P. 40–46.
4. Marshall L. The effects of piracy upon the music industry: A case study of bootlegging // *Media, Culture Society*. 2004. Vol. 26, No. 2. P. 163–181.
5. Cross I. Music, cognition, culture, and evolution // *Annals of the New York Academy of Sciences*. 2001. Vol. 930. No. 1. P. 28–42.
6. Aucouturier, J. J., Pachet, F. Representing musical genre: A state of the art // *Journal of New Music Research*. 2003. Vol. 32, No. 1. P. 83–93.
7. Scherer F.M. The emergence of musical copyright in Europe from 1709 to 1850 // *Review of Economic Research on Copyright Issues*. 2008. Vol. 5. P. 3.
8. Manton K.G., Vaupel J.W. Survival after the age of 80 in the United States, Sweden, France, England, and Japan // *New England Journal of Medicine*. 1995. Vol. 333. No. 18. P. 1232–1235.

9. Baloyi J.J. The role of technology in the historical development of the reproduction right in musical works // *Fundamina: A Journal of Legal History*. 2020. Vol. 26, No. 2. P. 233–287.
10. Ginsburg J.C. The concept of authorship in comparative copyright law // *DePaul Law Review*. 2002. Vol. 52. P. 1063.
11. Conley N. The Future of Licensing Music Online: The Role of Collective Rights Organizations and the Effect of Territoriality // *Journal of Marshall Journal of Computer Information Law*. 2007. Vol. 25. P. 409.
12. Guo X. The evolution of the music industry in the digital age: From records to streaming // *Journal of Sociology and Ethnology*. 2023. Vol. 5. No. 10. P. 7–12.
13. Danaher B., Smith M. D., Telang R. Piracy and copyright enforcement mechanisms // *Innovation Policy and the Economy*. 2014. Vol. 14, No. 1. P. 25–61.
14. Gioti A.M. From artificial to extended intelligence in music composition // *Organised Sound*. 2020. Vol. 25. No. 1. P. 25–32.
15. Jacques S., Flynn M. Protecting human creativity in AI-generated music with the introduction of an AI-royalty fund // *GRUR International*. 2024. Vol. 73, No. 12. P. 1137–1149.
16. Widijowati D. Preserving Artistic Legacies: Legal Safeguards for Intellectual Property Rights in the Music Industry // *Research Horizon*. 2023. Vol. 3, No. 3. P. 164–171.
17. Opus-Decentralized music distribution using InterPlanetary File Systems (IPFS) on the Ethereum blockchain V0.8.3 / B. Jia, C. Xu, R. Gotla et al. // *Opus Foundation*. 2017. P. 42.
18. Fung W.M.J., Lakhani A. Combatting peer-to-peer file sharing of copyrighted material via anti-piracy laws: Issues, trends, and solutions // *Computer Law Security Review*. 2013. Vol. 29, No. 4. P. 382–402.
19. Waldfogel J. Digitization, copyright, and the flow of new music products // *Handbook of the Economics of Art and Culture*. 2014. Vol. 2. P. 277–297.
20. Barni M., Bartolini F. Data hiding for fighting piracy // *IEEE Signal Processing Magazine*. 2004. Vol. 21. No. 2. P. 28–39.
21. Ciolfi L. Space and place in digital technology research: A theoretical overview // *The SAGE Handbook of Digital Technology Research*. 2013. P. 159–173.
22. Golova I.M., Sukhovey A.F. Threats to the innovative security of regional development in a digital society // *Ekonomika Regiona = Economy of Regions*. 2018. Vol. 3. P. 987.
23. Shao M.H., Hwang J.J., Wu S. A transactional-cycle approach to evidence management for dispute resolution // *Information Management*. 2005. Vol. 42. No. 4. P. 607–618.
24. Teague E.J. Saving the Spotify revolution: Recalibrating the power imbalance in digital copyright // *Case Western Reserve Journal of Law Technology Internet*. 2012. Vol. 4. P. 207.
25. Savelyev A. Copyright in the blockchain era: Promises and challenges // *Computer Law Security Review*. 2018. Vol. 34, No. 3. P. 550–561.
26. Liebowitz S.J., Watt R. How to best ensure remuneration for creators in the market for music? Copyright and its alternatives // *Journal of Economic Surveys*. 2006. Vol. 20, No. 4. P. 513–545.
27. Goldman E. Content moderation remedies // *Michigan Technology Law Review*. 2021. Vol. 28. P. 1.
28. Covalesski M.A., Dirsmith M.W., Rittenberg L. Jurisdictional disputes over professional work: The institutionalization of the global knowledge expert // *Accounting, Organizations and Society*. 2003. Vol. 28, No. 4. P. 323–355.
29. Pfeil U., Zaphiris P. Applying qualitative content analysis to study online support communities // *Universal Access in the Information Society*. 2010. Vol. 9. No. 1. P. 1–16.
30. Litman J.D. Copyright Legislation and Technological Change // *Oregon Law Review*. 1989. Vol. 68. P. 275–361.
31. Delchin R.J. Musical Copyright Law: Past, Present and Future of Online Music Distribution // *Cardozo Arts & Ent. Law Journal*. 2004. Vol. 22. P. 343.

НЕСАНКЦИОНИРОВАННОЕ КОПИРОВАНИЕ ЦИФРОВОГО КОНТЕНТА UNAUTHORIZED COPYING OF DIGITAL CONTENT

Артём Сергеевич ВАРТАНОВ

Российский университет дружбы народов имени
Патриса Лумумбы, Москва, Россия,
1142230054@rudn.ru,
ORCID 0009-0007-7035-337X

Информация об авторе

А.С. Вартанов — аспирант кафедры гражданского
права и процесса и международного частного права
Российского университета дружбы народов имени Па-
триса Лумумбы

Аннотация. Рассмотрена актуальная проблема несанк-
ционированного копирования контента в цифровой
среде. Проанализированы основные виды нарушений,
приведены данные статистики. Исследуются особен-
ности правового регулирования в данной сфере, различия
в подходах России и США. Изложены технологические
способы защиты контента, особое внимание уделено
перспективам развития легальных платформ как аль-
тернативе пиратству. Даны рекомендации по комплекс-
ному решению проблемы с помощью законодательных,
технологических и экономических мер.

Ключевые слова: авторское право, интеллектуальная
собственность, интернет, пиратство

Для цитирования: Вартанов А.С. Несанкционирован-
ное копирование цифрового контента // Труды по
интеллектуальной собственности (Works on Intellectual
Property). 2025. Т. 55, № 4. С. 99–106; DOI: 10.17323/
tis.2025.28903

• Artyom S. VARTANOV

• Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia,
• Moscow, Russia,
• 1142230054@rudn.ru,
• ORCID 0009-0007-7035-337X

• Information about the author

• A.S. Vartanov — postgraduate student of the Department of
Civil Law and Process and Private International Law, Patrice
• Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

• **Abstract.** The article deals with the actual problem of
unauthorized copying of content in the digital environment.
• The main types of violations are analyzed, and statistical
data are provided. The features of legal regulation in this
• area, differences in the approaches of Russia and the
United States, are investigated. Technological methods of
• content protection are considered, and special attention is
paid to the prospects for the development of legal platforms
• as an alternative to piracy. Recommendations are given on
a comprehensive solution to the problem through legislative,
technological, and economic measures.

Keywords: copyright, intellectual property, Internet, piracy

• **For citation:** Vartanov A.S. Unauthorized Copying of Digital
Content // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works
on Intellectual Property). 2025. Vol. 5 (4) P. 99–106;
• DOI: 10.17323/tis.2025.28903

Проблема нарушений авторских прав в цифровой среде является одной из наиболее актуальных и обсуждаемых в научном сообществе на сегодняшний день. Особенно остро данный вопрос стоит на территории Российской Федерации, где национальное законодательство в сфере интеллектуальной собственности не успевает адаптироваться к стремительному развитию информационных технологий и появлению новых способов использования объектов авторского права в цифровой среде.

В связи с этим мировое научное сообщество активно разрабатывает и предлагает различные технические решения, направленные на сокращение числа нарушений прав интеллектуальной собственности в интернете. Одним из примеров подобных решений является платформа YouTube (принадлежит компании Meta, деятельность которой запрещена на территории РФ), она предусматривает обязательное ознакомление пользователей с условиями использования сервиса и заключение соглашения, по которому они обязуются соблюдать права авторов размещаемого на платформе видеоконтента.

Тем не менее, несмотря на принимаемые меры, проблема нарушения авторских прав в цифровой среде остается крайне острой и требует дальнейшего всестороннего изучения и поиска эффективных путей ее решения как с технической, так и с правовой точки зрения.

Определение цифрового контента приводится в ряде исследований. Например, В.А. Шохова обозначает его следующим образом: «...это совокупность цифровой информации, создаваемой и размещаемой пользователем (владельцем аккаунта) в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”, которая обладает реальной или потенциальной материальной ценностью» [12, с. 174]. Здесь раскрыт ряд его особенностей: информация должна передаваться именно через интернет, обладать какой-либо ценностью и т.д. Иными словами, цифровой контент, безусловно, является объектом авторских прав и нуждается в соответствующей защите от несанкционированного копирования.

В настоящее время научное сообщество и практикующие юристы выделяют следующие основные виды

нарушений авторских прав (пиратства), непосредственно связанные с цифровой средой и киберпространством. К примеру, такие их черты сформулировал Д.В. Горенко [5, с. 191–192]:

1) несанкционированное копирование и распространение цифрового контента — к примеру, видео-, аудиопиратство и др. Данный вид нарушений предполагает создание нелегальных копий защищенных авторским правом произведений и их последующее распространение без согласия правообладателя;

2) нелегальное использование программного обеспечения, в том числе установка и эксплуатация нелегальных копий компьютерных программ и приложений;

3) незаконные публикация и распространение цифрового контента, охраняемого авторским правом, в том числе размещение такого контента в открытом доступе без согласия правообладателя;

4) нарушение условий лицензионных соглашений, регулирующих использование объектов интеллектуальной собственности в цифровой среде. Данный вид нарушений может включать в себя использование произведений за пределами срока действия лицензии в целях, не предусмотренных соглашением, или использование с превышением установленных им количественных ограничений.

Указанные виды нарушений представляют собой серьезную угрозу для охраны прав интеллектуальной собственности в цифровой среде и требуют принятия комплексных мер противодействия как на национальном, так и на международном уровнях, включая совершенствование законодательства, разработку новых технических средств защиты авторских прав, а также повышение осведомленности пользователей о необходимости соблюдения прав правообладателей при использовании произведений в киберпространстве.

Несмотря на отсутствие четкого определения терминов «несанкционированное копирование» и «пиратство» в российском законодательстве, данные виды нарушений авторских прав в цифровой среде наносят колоссальный ущерб как правообладателям, так и экономике страны в целом.

Согласно результатам исследования, проведенного американским провайдером Akamai в 2021 г.,

пользователи интернета по всему миру посетили пиратские сайты 132 млрд раз, из которых 7,2 млрд посещений приходится на пользователей из Российской Федерации [9, с. 66]. Данный показатель позволил России занять второе место в мировом рейтинге стран по количеству посещений сайтов с нелегальным контентом, что свидетельствует о больших масштабах распространения интернет-пиратства на территории страны. Во многом это связано с менталитетом и установившимися привычками наших сограждан, которые сложились одно-два десятилетия назад: в то время о легальной покупке цифрового контента задумывались единицы, остальные же без какого-либо труда находили необходимые материалы в свободном доступе.

Экономические потери от деятельности интернет-пиратов также значительны. По оценкам бывшего министра культуры РФ Владимира Мединского, ежегодно российская экономика теряет от 40 до 70 млрд рублей из-за нелегального распространения контента в интернете [8].

Приведенные данные наглядно иллюстрируют масштабы проблемы интернет-пиратства и ее актуальность в условиях стремительного развития информационных технологий и увеличения скорости обмена информацией в цифровой среде. Очевидно, что для эффективного противодействия данному виду нарушений авторских прав необходимо не только совершенствование законодательства и правоприменительной практики, но и активное международное сотрудничество в данной сфере, а также повышение уровня правовой грамотности и ответственности пользователей интернета.

Установление конкретных форм незаконных действий против объектов интеллектуальной собственности имеет решающее значение, поскольку цифровой контент является жизненно важным компонентом культурной и креативной индустрии. Защищенные авторским правом произведения в киберпространстве поддерживают различные секторы, такие как кино, музыка, издательское дело, игры и многое другое. Распространение этого контента позволяет творческим личностям демонстрировать свои работы и талант. Именно благодаря цифровому контенту большинство людей сегодня могут познакомиться с творениями перспективных писателей, музыкантов и художников, которые делятся своими работами онлайн. Успешные творческие начинания в итоге монетизируются, внося значительный вклад в экономику страны.

Однако простота копирования цифровых файлов и обмена ими привела к безудержному пиратству и нарушению авторских прав. В отличие от физических товаров, цифровой контент можно дублировать и распространять мгновенно практически бесплат-

но. Это сделало несанкционированное копирование фильмов, музыки, программного обеспечения, книг и других материалов, защищенных авторским правом, чрезвычайно распространенным явлением.

Итак, в первую очередь нам необходимо юридически определить, что квалифицируется как незаконное копирование и распространение цифрового контента, защищенного авторским правом. Уголовный кодекс РФ в ст. 146 определяет его следующим образом: «Незаконное использование объектов авторского права или смежных прав, а равно приобретение, хранение, перевозка контрафактных экземпляров произведений или фонограмм в целях сбыта». Схожее определение дано в ст. 7.12 КоАП РФ: «Ввоз, продажа, сдача в прокат или иное незаконное использование экземпляров произведений или фонограмм в целях извлечения дохода в случаях, если экземпляры произведений или фонограмм являются контрафактными в соответствии с законодательством Российской Федерации об авторском праве и смежных правах либо на экземплярах произведений или фонограмм указана ложная информация об их изготовителях, о местах их производства, а также об обладателях авторских и смежных прав, а равно иное нарушение авторских и смежных прав в целях извлечения дохода».

Применительно к цифровой среде незаконное копирование и распространение защищенного контента может включать в себя загрузку защищенных авторским правом файлов с торрент-сайтов, копирование контента из потоковых сервисов, совместное использование полных копий электронных книг, взлом средств защиты DRM, другие методы получения и распространения контента без разрешения правообладателей и многие другие варианты.

Санкции за упомянутые нарушения включают в себя гражданско-правовую ответственность, административные штрафы, конфискацию контрафактной продукции (в случае цифрового контента — ее удаление). Уголовные же наказания гораздо более существенны и зависят от количества контрафакта: крупный размер начинается от 100 тыс. рублей, а особо крупный — от 1 млн рублей. В сети приводится следующее интересное сравнение: если некий неосознательный гражданин решит нелегально распространить копию среднестатистической видеоигры, то уже 15 ее копий будут считаться крупным размером, а 150 копий — особо крупным. За подобное деяние гражданин получит уголовный срок на два года или шесть лет соответственно [10]. Правда, стоит отметить, что подобные наказания в судебной практике встречаются не так часто, как хотелось бы.

В других странах подход к наказаниям за несанкционированное копирование нередко отличается от

российского. Так, в США гражданско-правовые санкции шире распространены, и они могут быть гораздо более существенными, чем отечественные. В соответствии с Законом об авторском праве владелец авторских прав может подать в суд на возмещение фактического ущерба (денег, которые он потерял из-за нарушения) или ущерба по закону. Установленный законом ущерб может составлять от 750 до 30 тыс. долларов за каждое нарушенное произведение, а если будет доказано, что нарушение было умышленным (что сделать несложно), сумма может вырасти до 150 тыс. долларов за каждое произведение [7, с. 48].

Это означает, что, если гражданин США нелегально скачает несколько десятков песен или фильмов, он потенциально может получить штраф на миллионы долларов при условии, что правообладатель решит подать в суд. Представить подобный масштаб в пространстве СНГ, к сожалению, невозможно. Хотя такие крупные судебные решения редки, на практике они встречаются, что существенно ограничивает желание граждан рисковать и незаконно копировать что-либо.

Уголовные наказания применяются реже, но могут быть еще более суровыми. В случае признания вины нарушителю может грозить тюремное заключение сроком до пяти лет или штраф в размере 250 тыс. долларов за первое правонарушение. Рецидивисты могут получить до 10 лет тюремного заключения [7, с. 49]. На практике уголовные преследования за индивидуальный файлообмен редки. Министерство юстиции, как правило, сосредотачивает свои ресурсы на крупномасштабных операциях по борьбе с пиратством, однако угроза уголовного преследования по-прежнему служит сдерживающим фактором.

Кроме того, американскому, британскому и другим законодательствам знакомо понятие *Fair Use* («добросовестное использование»). Как писал автор в своем исследовании «Защита авторских прав на формат онлайн-шоу», это юридическая доктрина, допускающая ограниченное использование материалов, защищенных авторским правом, без необходимости получения разрешения от правообладателей. Эта концепция особенно важна в США и является частью Закона об авторском праве, изложенного в параграфе 107 разд. 17 Закона об авторском праве США (17 U.S.C. § 107) Свода законов США. В российском праве, в отличие от концепции *Fair Use*, применяется перечневый подход, то есть закрепление в ГК РФ исчерпывающего перечня случаев свободного использования. Например, согласно ст. 1274 ГК РФ, можно делать пародии в соответствии со ст. 1275 для библиотек и архивов без извлечения прибыли, можно копировать произведения для сохранности и т.п. Какие-либо инициативы по изменению отечественного

законодательства в сторону популярной западной концепции в настоящее время неизвестны.

Соблюдение же авторских прав в России было и остается достаточно слабым — этот факт не нуждается в подтверждении. Хотя в России имеется нормативно-правовая база (впрочем, морально устаревшая), соблюдение соответствующего закона носит спорадический и непоследовательный характер. Онлайн-пиратство процветает, и многие веб-сайты открыто предлагают бесплатную загрузку фильмов, музыки и программного обеспечения. Российское правительство столкнулось с международным давлением в целях борьбы с пиратством, однако существенных мер по его ограничению до сих пор не принято.

Как отметил А.Э. Киракосян, «в российской правовой действительности отправной точкой формирования надежной правовой базы по борьбе с нарушениями исключительных прав на объекты авторского и смежных прав в интернете стало принятие Федерального закона от 02.07.2013 № 187-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях», изначально направленного именно на охрану аудиовизуальной продукции. Этот закон положил начало серьезному упорядочению оборота информации в интернет-среде, одновременно формируя оперативный механизм применения предварительных мер обеспечения и блокирования пиратского видеоконтента» [6, с. 71]. Действительно, законодательная база есть (положения об авторском праве присутствуют и в Уголовном кодексе, и в КоАП РФ, и в Гражданском кодексе, и в отдельных федеральных законах), но насколько хорошо она работает и как часто применяется на практике — вопрос открытый.

Во многих других странах ситуация с соблюдением авторских прав совершенно иная. В уже упомянутых Соединенных Штатах законы об авторском праве, как правило, гораздо более строгие и активно соблюдаются населением и органами власти. Так, американский Закон об авторском праве в цифровую эпоху (DMCA) 1998 г. является ключевым законодательным актом, регулирующим авторское право в период цифровых технологий. Он криминализирует производство и распространение технологий, устройств или услуг, предназначенных для обхода мер, контролирующих доступ к произведениям, которые защищены авторским правом. Он также ограничивает ответственность поставщиков онлайн-услуг за нарушение авторских прав их пользователями [1, с. 55–56].

Согласно DMCA, правообладатели могут отправлять уведомления веб-сайтам и поставщикам услуг с требованием удалить контент, нарушающий автор-

ские права. Если поставщик соблюдает требования, он освобождается от ответственности. Это привело к созданию системы, в которой многие онлайн-платформы, такие как YouTube и Facebook (как уже указывалось, принадлежат компании Meta, деятельность которой запрещена на территории РФ), имеют автоматизированные системы для обнаружения и удаления материалов, защищенных авторским правом.

Более того, как уже упоминалось, в США частные лица могут столкнуться с серьезными последствиями за нарушение авторских прав. Американская ассоциация звукозаписывающей индустрии (RIAA) и Американская ассоциация кинематографистов (МРАА) предъявляли иски отдельным файлообменникам на сотни тысяч долларов в качестве компенсации ущерба. Хотя в последние годы подобные судебные иски стали менее распространенными, они создали атмосферу страха вокруг загрузки контента, защищенного авторским правом.

Упомянутое различие в правоприменении привело к совершенно разным отношениям к авторскому праву в США и России. В США многие люди действительно боятся загружать материалы, защищенные авторским правом, зная, что они могут столкнуться с серьезными юридическими последствиями. В России же загрузка пиратского контента часто рассматривается как нормальная и общепринятая практика.

Однако ситуация не настолько полярная: в США по-прежнему многие занимаются пиратством (так, активное сообщество Piracy в популярной социальной сети Reddit насчитывает более 1,5 млн участников [2]), а в России предпринимаются усилия по улучшению соблюдения авторских прав — это можно наблюдать по активности таких организаций, как Российское авторское общество. Но в целом разница в правовой и культурной среде, связанной с авторским правом, между двумя странами очевидна.

Подчеркну, что борьба с пиратством не должна ограничиваться законодательными методами или созданием атмосферы страха перед ними. Хотя надежные законы об авторском праве и правоприменение важны, сами по себе они не являются полным решением. Представляется интересным далее рассмотреть альтернативные способы борьбы с незаконным копированием цифрового контента, которые могут быть далеко не очевидными.

Начнем с того, что особой проблемой для Российской Федерации пиратство стало в свете санкционного давления. Введенные против России экономические санкции существенно ограничили возможности граждан по приобретению лицензионного программного обеспечения, музыки, фильмов и других объектов интеллектуальной собственности зарубежного про-

изводства. В условиях отсутствия прямого доступа к официальным каналам дистрибуции и зарубежным банковским картам россияне вынуждены либо обращаться к посредникам, что влечет значительное удорожание конечной стоимости продукта, либо использовать альтернативные, зачастую нелегальные источники.

Сложившаяся ситуация привела к резкому росту потребления пиратского контента на территории РФ. По данным исследования компании Group-IB, в 2022 г. объем рынка интернет-пиратства в России увеличился на 42% по сравнению с предыдущим годом и достиг отметки 7,2 млрд рублей. При этом наибольшей популярностью среди нелегальных ресурсов пользуются онлайн-кинотеатры и сервисы для просмотра сериалов, на долю которых приходится более половины всего пиратского трафика.

Эксперты отмечают, что в сложившихся обстоятельствах вопрос защиты прав интеллектуальной собственности в цифровой среде приобретает для России особую актуальность и требует выработки комплексных мер по противодействию интернет-пиратству как на законодательном, так и на технологическом уровнях. В частности, предлагаются ужесточение ответственности за нарушение авторских прав, разработка эффективных механизмов блокировки нелегальных ресурсов, а также создание доступных легальных альтернатив пиратскому контенту с учетом покупательной способности населения и специфики российского рынка.

В отношении последнего можно сказать, что создание легальных альтернатив пиратскому контенту в России действительно набирает обороты. В условиях ограниченного доступа к зарубежным сервисам на российском рынке активно развиваются отечественные онлайн-кинотеатры, музыкальные платформы и другие цифровые продукты, призванные заменить популярные иностранные аналоги.

Так, за последние годы в России появился ряд легальных стриминговых сервисов, таких как «Яндекс.Музыка», VK Music, «Сбер.Звук» и другие, которые предлагают пользователям доступ к обширным каталогам музыкального контента по подписке или на основе рекламной модели [3, с. 40]. Аналогичная ситуация наблюдается и в сегменте онлайн-кинотеатров, где локальные игроки, такие как «Кинопоиск HD», Ivi, Okko, Wink, активно наращивают аудиторию и расширяют контентное предложение, в том числе за счет эксклюзивных премьер и оригинальных проектов.

Важно отметить, что успешное развитие легальных цифровых платформ в России во многом обусловлено государственной политикой импортозамещения и поддержки отечественных IT-компаний. Государство стимулирует создание и продвижение российских аналогов зарубежных сервисов через различные

механизмы, включая налоговые льготы, гранты, преференции при госзакупках и т.д.

Однако, несмотря на позитивные тенденции, говорить о полном решении проблемы интернет-пиратства в России преждевременно. Легальные сервисы пока не могут в полной мере удовлетворить спрос на разнообразный зарубежный контент, особенно в условиях ограниченной платежеспособности населения. Кроме того, пиратские ресурсы по-прежнему обладают рядом преимуществ, таких как бесплатность и широта ассортимента, что делает их привлекательными для значительной части интернет-аудитории.

В этой связи дальнейшее развитие легального рынка цифрового контента в России будет во многом зависеть от способности отечественных компаний предложить пользователям конкурентоспособный продукт, сочетающий в себе качество, удобство и доступность. Параллельно с этим необходимо продолжать совершенствование законодательства в сфере защиты интеллектуальной собственности и внедрение эффективных технологических решений по борьбе с пиратством.

Наряду с развитием легальных платформ продолжается активная работа по внедрению различных технологических способов противодействия незаконному копированию и распространению цифрового контента. Среди наиболее передовых и перспективных решений в этой области можно выделить следующие:

1) блокчейн-технологии: использование децентрализованных реестров для надежной фиксации прав собственности на цифровые активы и отслеживания их использования. Блокчейн позволяет создавать неизменяемые записи о правообладателях и лицензиях, предотвращая несанкционированное копирование и распространение контента;

2) цифровые водяные знаки: внедрение специальных меток в аудио-, видео- и графические файлы, которые позволяют идентифицировать источник контента и отслеживать его распространение в сети. Цифровые водяные знаки устойчивы к различным типам модификаций файлов и могут быть извлечены даже из измененных копий произведений;

3) технологии на основе искусственного интеллекта: использование алгоритмов машинного обучения для автоматического обнаружения и блокировки нелегального контента в интернете. ИИ-системы способны анализировать огромные объемы данных, выявлять нарушения авторских прав и принимать меры по их пресечению в режиме реального времени;

4) криптографическая защита: шифрование цифровых файлов с использованием современных криптографических алгоритмов, которые предотвращают не-

санкционированный доступ и копирование контента. Доступ к зашифрованным произведениям предоставляется только авторизованным пользователям на основе системы лицензий и ключей;

5) технологии на базе NFT (невзаимозаменяемых токенов): использование блокчейн-токенов для создания уникальных цифровых активов, владение которыми закрепляется за конкретными пользователями. NFT позволяют реализовать новые модели монетизации цифрового контента, такие как продажа ограниченных серий произведений или перепродажа «подержанных» цифровых копий.

Описанные выше способы как минимум отчасти являются рабочими и внедряются во многих государствах в разной степени. Наиболее эффективными в этом отношении представляются цифровые водяные знаки и NFT — к примеру, вокруг последнего феномена за последние годы сформировалась собственная культура, насчитывающая десятки тысяч пользователей, а отдельные произведения могут легально продаваться за огромные суммы денег.

Есть и другие перспективные способы защиты контента от несанкционированного копирования — например, один из них приводится в работе В.В. Шелепова и Т.А. Никифоровой: «Технология DRM (управление цифровыми правами, Digital Rights Management) имеет обширный функционал. Среди часто используемых выделяют такие, как ограничение или запрет на редактирование контента, его рассылку или печать, создание скриншотов контента. Вдобавок DRM позволяет оставлять водяные знаки на цифровых данных для защиты авторских прав» [11, с. 140]. Однако далее авторы сами признают, что в силу своих особенностей технология нежизнеспособна и имеет ряд пробелов, позволяющих произвести копирование контента.

Нельзя забывать и о саморегулировании интернет-сообщества. Так, М.А. Гордеева и А.А. Новикова приводят, по их мнению, убедительный пример: блогер Сьюзи Лу опубликовала видеоролики-«реакции», на самом деле представляющие собой полные эпизоды популярных японских аниме-сериалов, без разрешения правообладателей. Действия Лу не только сделали защищенные материалы доступными широким массам бесплатно, но и позволили ей монетизировать контент на платформах с подписками, таких как Twitch и Patreon — по сути, дав ей возможность перепродавать чужую интеллектуальную собственность со скидкой. Это привлекло внимание более широкого сообщества поклонников сериалов, включая других известных блогеров. Благодаря совместным усилиям в массовых жалобах они смогли оказать давление на различные платформы, размещающие контент Лу,

чтобы те приняли меры и в итоге заблокировали ее аккаунты [4, с. 48]. Это демонстрирует силу, которую могут иметь вовлеченные онлайн-сообщества в борьбе с нарушением авторских прав и недобросовестными участниками в своих собственных рядах.

Хотя это и не идеальное или всеобъемлющее решение, такого рода саморегулирование на низовом уровне может стать важным дополнением к правовым и технологическим мерам по борьбе с пиратством. Оно использует любовь и чувство сопричастности, которые фанаты испытывают к любимому контенту, превращая их в заинтересованных лиц в борьбе с кражей и неправомерным использованием.

В целом, представляется маловероятным, что когда-либо будет найден абсолютно надежный способ предотвратить несанкционированное копирование цифрового контента. Независимо от того, насколько продвинутыми становятся технологические меры защиты, всегда найдутся опытные и решительные «пираты», которые отыщут новые способы обойти их.

Как только разрабатывается новая защита от копирования, хакеры начинают работать над ее взломом. Пиратство существовало с первых дней рождения интернета и цифровых медиа, и в ближайшей перспективе оно не исчезнет. По мнению автора, музыкальная индустрия осознала это еще тогда, когда впервые появился пиринговый файлообмен. Несмотря на все усилия остановить это с помощью судебных исков и DRM, незаконное скачивание музыки продолжало распространяться. В конце концов музыкальная индустрия перешла к новым бизнес-моделям (таким как потоковое вещание), которые сделали пиратство менее привлекательным, предложив доступную и удобную легальную альтернативу.

Таким образом, хотя технологии борьбы с пиратством по-прежнему важны и заслуживают развития, автор считает, что наиболее эффективным долгосрочным решением является продолжение инноваций в моделях распространения и платформах, которые привлекательнее и удобнее для потребителей, чем пиратство. Необходимо упрощать и вознаграждать легальный доступ к контенту. Игровая индустрия преуспела в этом благодаря таким вещам, как частые распродажи, эксклюзивные цифровые бонусы и онлайн-функции.

Повторю, что всегда найдутся люди, которые будут пиратствовать, несмотря ни на что. Но если законные варианты привлекательны и имеют разумную цену, а также доступны в российском регионе, думается, многие потребители с радостью заплатят за дополнительное удобство и душевное спокойствие. Цель должна заключаться в маргинализации пиратства, а не в безнадежных попытках полностью его искоренить.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Adams R. The Evolution of Intellectual Property Rights in the Digital Age // *Journal of Modern Law and Policy*. 2023. No 3. P. 52–63.
2. Piracy subreddit [Electronic resource]. URL: <https://www.reddit.com/r/Piracy/> (date of access: 22.03.2024).
3. Афанасьева А.В. Борьба с нарушением авторских прав как актуальное направление развития музыкальной индустрии в условиях цифровизации российской экономики // *Фундаментальные научные исследования: сб. статей Международного научно-исследовательского конкурса*. Санкт-Петербург, 2020. С. 37–41.
4. Гордеева М.А., Новикова А.А. Незащищенность контента в цифровой среде: поиски решения // *Труды по интеллектуальной собственности*. 2022. № 3. С. 42–51.
5. Горенко Д.В. К вопросу о специфике объектов авторского права, размещаемых в информационно-цифровом пространстве // *Юристъ-Правоведъ*. 2022. № 1 (100). С. 188–193.
6. Киракосян А.Э. Некоторые проблемы нарушения авторских прав в сети «Интернет» // *Труды по интеллектуальной собственности*. 2023. № 1. С. 68–74.
7. Павлычева А.И. Пресечение нарушений интеллектуальных прав в сети «Интернет». Опыт США // *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. 2019. № 26. С. 44–56.
8. Пират вне очереди: как отучают от кражи интеллектуальной собственности [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/922615/mariia-rubnikovich/pirat-vne-ocheredi-kak-otuchaiut-ot-krazhi-intellektualnoi-sobstvennosti> (дата обращения: 22.03.2024).
9. Рокоман М.В. Проблемы защиты авторских прав в эпоху книжного пиратства // *Научный потенциал*. 2023. № 1–2 (40). С. 65–68.
10. Что такое пиратство с точки зрения российского законодательства. [Электронный ресурс]. URL: <https://dtf.ru/life/1839968-chto-takoe-piratstvo-s-tochki-zreniya-rossiiskogo-zakonodatelstva> (дата обращения: 22.03.2024).
11. Шелепов В.В., Никифорова Т.А. Технология управления цифровыми правами для защиты авторских прав на цифровой контент // *Наука XXI века: технологии, управление, безопасность: материалы II национальной научной конференции / отв. редактор Е.Н. Полякова*. Курган, 2022. С. 139–142.
12. Шохова В.А. Цифровой контент как правовая категория // *МНСК-2022: материалы 60-й Международной научной студенческой конференции*. Новосибирск, 2022. С. 174–175.

REFERENCES

1. Adams R. The Evolution of Intellectual Property Rights in the Digital Age // Journal of Modern Law and Policy. 2023. No. 3. P. 52–63.
2. Piracy subreddit [Electronic resource]. URL: <https://www.reddit.com/r/Piracy/> [date of access: 22.03.2024].
3. Afanas'eva A.V. Bor'ba s narusheniem avtorskih prav kak aktual'noe napravlenie razvitiya muzykal'noj industrii v usloviyah cifrovizacii rossijskoj ekonomiki // V sbornike: Fundamental'nye nauchnye issledovaniya / sb. statej Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa. Sankt-Peterburg, 2020. S. 37–41.
4. Gordeeva M.A., Novikova A.A. Nezashchishchennost' kontenta v cifrovoj srede: poiski resheniya // Trudy po intellektual'noj sobstvennosti. 2022. No. 3. S. 42–51.
5. Gorenko D.V. K voprosu o specifikе ob"ektov avtorskogo prava, razmeshchaemyh v informacionno-cifrovom prostranstve // Yurist-Pravoved. 2022. No. 1 (100). S. 188–193.
6. Kirakosyan A.E. Nekotorye problemy narusheniya avtorskih prav v seti Internet // Trudy po intellektual'noj sobstvennosti. 2023. No. 1. S. 68–74.
7. Pavlycheva A.I. Presechenie narushenij intellektual'nyh prav v seti "Internet". Opyt SSHA // Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam. 2019. No. 26. S. 44–56.
8. Pirat vne ocheredi: kak otuchayut ot krazhi intellektual'noj sobstvennosti (Electronic resource). URL: <https://iz.ru/922615/mariia-rubnikovich/pirat-vne-ocheredi-kak-otuchaiut-ot-krazhi-intellektualnoi-sobstvennosti> (date of access: 22.03.2024).
9. Rokoman M.V. Problemy zashchity avtorskih prav v epohu knizhnogo piratstva // Nauchnyj potencial. 2023. No. 1-2 (40). S. 65–68.
10. Chto takoe piratstvo s točki zreniya rossijskogo zakonodatel'stva [Electronic resource]. URL: <https://dtf.ru/life/1839968-chto-takoe-piratstvo-s-tochki-zreniya-rossiiskogo-zakonodatelstva> (date of access: 22.03.2024).
11. Shelepov V.V., Nikiforova T.A. Tekhnologiya upravleniya cifrovymi pravami dlya zashchity avtorskih prav na cifrovoj kontent // Nauka XXI veka: tekhnologii, upravlenie, bezopasnost'. Materialy II nacional'noj nauchnoj konferencii / otv. redaktor E.N. Polyakova. Kurgan, 2022. S. 139–142.
12. Shohova V.A. Cifrovoy kontent kak pravovaya kategoriya // V knige: MNSK-2022. Materialy 60-j Mezhdunarodnoj nauchnoj studencheskoj konferencii. Novosibirsk, 2022. S. 174–175.

Научная статья
УДК: 004.8, 347.78
DOI: 10.17323/tis.2025.28904

Original article

ЯВЛЯЕТСЯ ЛИ ПРОМПТ ОБЪЕКТОМ АВТОРСКОГО ПРАВА: АРГУМЕНТЫ «ЗА» И «ПРОТИВ»

WHETHER PROMPT IS AN OBJECT OF COPYRIGHT: PROS AND CONS

Наталья Николаевна КОВАЛЕВА

НИУ ВШЭ, Москва, Россия,
nnkovaleva@hse.ru,
ORCID 0000-0001-7103-6033,
Web of Science S-1151-2016,
Scopus 56719282400

Марина Александровна РОЖКОВА

Институт законодательства и сравнительного право-
ведения при Правительстве РФ, Российская государ-
ственная академия интеллектуальной собственности,
Москва, Россия,
rozhkova-ma@mail.ru,
ORCID 0000-0001-8071-174X,
Web of Science AAE-6264-2019,
Scopus 56646306300

Информация об авторах

Н.Н. Ковалева — руководитель департамента права
цифровых технологий и биоправа факультета права
НИУ ВШЭ, доктор юридических наук, профессор
М.А. Рожкова — главный научный сотрудник Института
законодательства и сравнительного правоведения при
Правительстве РФ, профессор Российской государ-
ственной академии интеллектуальной собственности,
президент IP CLUB, доктор юридических наук

Аннотация. Результаты, получаемые пользователями при
обращении к различного рода программам, приложе-
ниям и сервисам, основанным на применении техноло-
гий искусственного интеллекта, принято называть «сге-
нерированный искусственным интеллектом контент»,

- к которому относятся текст, изображения, аудио и ви-
• део. Не меньший исследовательский интерес вызывает
• сам запрос пользователя-человека, инициирующий
• генерацию соответствующего контента искусственным
• интеллектом, для него в большинстве случаев употре-
• бляется англоязычный термин «промпт». Именно промпт
• (запрос пользователя) становится отправной точкой для
• создания искусственным интеллектом объектов, внешне
• крайне схожих с объектами интеллектуальных прав. Об-
• щепризнанным стало то обстоятельство, что наиболее
• релевантные запросу пользователя результаты могут
• быть сгенерированы искусственным интеллектом только
• при условии креативного, творческого подхода к соз-
• данию промпта, что поставило на повестку дня вопрос
• о том, может ли промпт охраняться нормами законода-
• тельства об интеллектуальной собственности в качестве
• объекта интеллектуальных прав. Этот вопрос имеет
• не только теоретическое, но и прикладное значение,
• поскольку сегодня создаются целые базы и библиотеки
• удачных промптов, обладающие серьезной экономиче-
• ской ценностью.

- Настоящая статья подготовлена в развитие сравни-
тельно недавно возникшей и набирающей силу дис-
куссии о допустимости причислять промпты (запросы)
пользователей к числу объектов авторского права.
- Авторы, придерживаясь диаметрально противополож-
ных взглядов на обозначенный вопрос, решили в одной
статье объединить свои аргументы, объясняющие их
позиции, в стремлении способствовать нахождению
юристами правильного ответа на поставленный вопрос.
Использованный подход не позволяет однозначно
• охарактеризовать юридическую природу промпта, но

дает дополнительную пищу для последующих изысканий в рассматриваемой области.

Ключевые слова: пром프트, объекты авторских прав, интеллектуальная собственность

Для цитирования: Ковалева Н.Н., Рожкова М.А. Является ли пром프트 объектом авторского права: аргументы «за» и «против» // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 55, № 4. С. 107–115; DOI: 10.17323/tis.2025.28904

Natalia Nikolaevna KOVALEVA

Higher School of Economics, Moscow, Russia,
nnkovaeva@hse.ru,
ORCID 0000-0001-7103-6033,
Web of Science S-1151-2016,
Scopus 56719282400

Marina Alexandrovna ROZHKOVA

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government, Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia,
rozhkova-ma@mail.ru,
ORCID 0000-0001-8071-174X,
Web of Science AAE-6264-2019,
Scopus 56646306300

Information about the authors

N.N. Kovaleva — Head of the Digital Law and Bio-Law Department of the Faculty of Law at the National Research University Higher School of Economics, Doctor of Legal Sciences, Professor

M.A. Rozhkova — IP CLUB President, Chief Researcher at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor of the Russian State Academy of Intellectual Property, Doctor of Legal Sciences

Abstract. Results, obtained by users when accessing various types of programs, applications, and services based on the use of artificial intelligence technologies, are usually referred to as “content generated by artificial intelligence”, which includes text, images, audio, and video. No less research interest is aroused by the request of a human user, which initiates the generation of the corresponding content by artificial intelligence, for which the English term “prompt” is used in most cases. It is the prompt (user request) that becomes the starting point for the creation of objects by artificial intelligence that are outwardly extremely similar to objects of intellectual property rights. It has become generally accepted that the most relevant results to a user’s

- request can be generated by artificial intelligence only if
- there is a creative approach to creating the prompt itself,
- which has put on the agenda the question of whether
- a prompt can be protected by the norms of intellectual property law as an object of intellectual rights. This question
- has not only theoretical but also practical significance, since today entire databases and libraries of successful prompts
- are created that have serious economic value.

This article has been prepared in the development of a relatively recent and gaining momentum discussion about the admissibility of classifying user prompts (requests) as objects of copyright. The authors of this article, adhering to diametrically opposed views on the designated issue, decided to combine their arguments explaining their positions in one article in an effort to help lawyers find the right answer to the question posed. The approach used in this article does not allow us to unambiguously characterize the legal nature of the prompt, but it does provide additional food for thought for subsequent research in the area under consideration.

- **Keywords:** prompt, copyright objects, intellectual property

For citation: Kovaleva N.N., Rozhkova M.A. Whether

- Prompt is an Object of Copyright: Pros and Cons // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2025. Vol. 55 (4). P. 107–115; DOI: 10.17323/tis.2025.28904

В рамках пленарного заседания V Международной научно-практической конференции «АВТОР/AUTHOR-2025» прозвучало два доклада, посвященных теме допустимости квалификации промпта (запроса пользователя) в качестве объекта интеллектуальных прав. При этом М.А. Рожкова в своем выступлении склонялась к мысли, что промпт не следует причислять к объектам авторских прав, тогда как Н.Н. Ковалёва придерживалась противоположного мнения, предоставив ряд доводов в поддержку своей позиции. В связи с тем, что аргументы обоих докладчиков были признаны примечательными и однозначно заслуживающими внимания, родилась идея написания совместной статьи с изложением резонов обоих докладчиков. Выбор, какую позицию поддержать, докладчики — авторы настоящей статьи — решили оставить за читателями.

ПОНЯТИЕ «ПРОМПТ»

В рабочем документе Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) под названием «Первоначальные соображения относительного политики генеративного искусственного интеллекта» специально обозначены возможности этого типа искусственного интеллекта (далее — ИИ) и указана роль промпта в генерации контента: «Системы генеративного искусственного интеллекта создают новый контент, включающий текст, изображения, аудио или видео, на основе обучающих данных и в ответ на промпты» [1, с. 6]. Подчеркивалось, что для создания (синтетического) контента — текста, изображения, аудио и видео, которые сегодня практически неотличимы от результатов человеческого творчества, — генеративные модели используют промпты (англ. *prompt* — подсказка), под которыми понимаются конкретные запросы (англ. *specific requests*) [1, с. 10]. Там же отмечено: ажиотаж вокруг генерации синтетического контента поднялся в 2023 г. из-за фотографии папы Франциска в белой стеганой куртке — многие считали, что это изображение было подлинным, хотя оно было создано генератором изображений на основе текстового запроса пользователя (англ. *user's text prompt*) [1, с. 10].

В современных публикациях можно встретить различные дефиниции понятия «промпт», содержа-

ние которых обуславливается, как правило, областью применения этого термина. Поэтому в одних случаях промпты определяются как «текстовые запросы, которые преобразуются искусственным интеллектом в детализированные визуальные образы и сцены» [2, с. 142], в других — как «предопределенные шаблоны взаимодействия с моделью, которые задают структуру диалога и направляют модель в решении конкретных задач» [3], в третьих — как «запрос, с помощью которого ставится задача языковой модели» [4, с. 51], и т.д. Проведенный анализ позволил установить, что весьма многозначный термин «промпт» употребляется для обозначения действий как разработчиков компьютерной программы, так и пользователей приложений или сервисов, использующих технологию ИИ.

В целях настоящей статьи важно подчеркнуть, что речь в ней идет не о промпте разработчика программы в виде компьютерного кода, а именно о человекочитаемом запросе пользователя, который в диалоговом интерфейсе приложения или сервиса формулирует для ИИ параметры нужного ему результата (контента).

Необходимость упомянутого разграничения промптов и потребность в исследовании промпта именно как запроса пользователя на естественном языке подтверждаются, в частности, в Отчете Всемирной организации интеллектуальной собственности, посвященном генеративному ИИ, в котором подчеркивается: «“Промпты” здесь соответствуют текстовым инструкциям, обычно создаваемым людьми-пользователями, опционально в сочетании с некоторыми заданными данными» [5]. В Руководстве по использованию генеративного ИИ в образовании и научных исследованиях, подготовленном ЮНЕСКО, также отмечено, что технология генеративного ИИ «автоматически создает контент в ответ на запросы, формулируемые в диалоговых интерфейсах на естественном языке» [6, с. 9].

С учетом сказанного для целей настоящей статьи **«промпт»** можно определить как *човекочитаемые текстовые или иные данные, введенные пользователем в соответствующее диалоговое окно интерфейса приложения или сервиса для получения желаемого результата — текста, изображения, аудио и видео, которые на основании этих данных генерирует ИИ.*

Заметим, что промпт пользователя может быть кратким и весьма абстрактным, что, по сути, отдает созданием результата полностью на откуп самому ИИ. Но промпт может излагаться и достаточно подробно, ясно, определенно, с использованием ключевых слов — для того чтобы получить от ИИ наиболее приближенный к искомому (а иногда при этом и креативный) результат [7]. Например, текстовый запрос пользователя на создание изображения кота может ограничиваться словом «котик» в диалоговом интерфейсе генератора изображений, работающего на основе ИИ. В то же время такой промпт может быть сформулирован довольно подробным образом: «Абстракция 5d, вид сверху сбоку с высоты птичьего полета, огромные лапы снежного белого огромного пушистого милого котика лежат на снежных мини-горах с белым лесом, пышный хвост, хмурые кучевые снежные облака ... сюрреализм» [8].

Более того, промпт может формулироваться и с использованием профессиональных навыков в сфере промпт-инжиниринга, который определяется как «разработка правильных “инструкций” для генеративных нейросетей, позволяющих лучше понять запросы пользователей» [4, с. 51]. Применение инструментария промпт-инжиниринга позволяет посредством использования разнообразных методик оптимизировать текстовый запрос пользователя. Такое «продвинутое» формулирование промпта существенно улучшает качество и релевантность конечного результата — сгенерированного ИИ контента.

АРГУМЕНТЫ ПРОТИВ ОТНЕСЕНИЯ ПРОМПТА К ЧИСЛУ ОБЪЕКТОВ АВТОРСКИХ ПРАВ

Переходя к анализу запросов пользователей в контексте права интеллектуальной собственности, нельзя не вспомнить, что объекты авторских прав собираются из триады — произведений литературы, искусства и науки. Причем если первые две разновидности имеют множество общих признаков, что позволяет исследовать их вкупе [9], то произведения науки обладают настолько существенной спецификой, что нередко вызывают сомнения в самой возможности применения к ним ряда положений авторского права [10].

Вместе с тем, как известно, общим для всех объектов авторских прав условием охраноспособности является создание произведения в результате творческого труда физического лица. Отсутствие творческой составляющей исключает возможность квалификации промпта в качестве авторского произведения. И здесь следует признать, что всякий промпт, бесспорно, будет результатом интеллектуального труда, но творческая составляющая присутствует далеко не во всех случаях, что обусловлено следующим.

Во-первых, формулирование промпта, как правило, имеет целью **решение конкретной практической задачи**. Для получения желаемого результата пользователь должен донести до соответствующей модели ИИ суть самого задания, а то и способы его решения. На это обращается внимание в литературе: «Промпты можно сравнить с рабочими инструкциями, которые помогают модели более эффективно решать специализированные задачи: составление резюме, анализ кода, генерация идей и т.д.» [3].

Таким образом, упоминание в начале работы о создании ИИ *синтетического контента по запросу пользователя* вовсе не означает, что речь идет исключительно о генерации ИИ результатов, аналогичных авторским произведениям, которые создаются человеком. Отнюдь нет. Промпты пишут в том числе и для чисто утилитарных целей наподобие разрешения школьной математической задачи, составления расписания дня, подготовки поздравительного адреса, получения рекомендаций по режиму питания и прочего. То есть множество промптов создается для получения результата, который даже не приближается к авторским произведениям, при том что сгенерированный ИИ результат внешне весьма схож с результатами, которые выдавал бы человек при решении такой (практической) задачи.

Во-вторых, затрудняет признание промптов объектами авторского права и то, что промпт — это только постановка задачи перед ИИ, то есть собственно **инструмент для создания результата**, но не сам результат, который генерируется ИИ. Да, промпт предопределяет начало генерации, но написание промпта человеком и генерация контента ИИ — суть разные явления, которые в целях правильного определения их природы должны разделяться и рассматриваться автономно друг от друга.

При этом абсолютно обосновано заключение А.Е. Кирпичева, что «роль промпта и сгенерированного результата намного сложнее, чем просто ввод запроса и получение конечного результата» [11, с. 909]. Это заключение автор объясняет существованием двух направлений в использовании генеративного ИИ: нацеленность запроса может быть, во-первых, на получение предварительного/промежуточного результата (например, варианта дальнейшего развития сценария, плана научной статьи, наброска художественного произведения) и только во-вторых — на получение конечного результата.

Более того, сегодня получили широкое распространение запросы пользователей, ставящие перед ИИ задачу сформулировать высокоэффективный промпт, наиболее подходящий для получения желаемого результата. После уточнения человеком (или без такового) созданный ИИ запрос вводится в качестве

промпта в диалоговое окно интерфейса, что позволяет ИИ генерировать *синтетический контент на основе синтетического промпта*. Вряд ли можно усмотреть творческую составляющую в синтетическом промпте.

В-третьих, надо признать, что наиболее удачные с разных точек зрения результаты генерации ИИ могут получаться в том случае, если запрос создавался профессионалом в области промпт-инжиниринга (англ. *prompt engineering*), который обладает навыками составления высокоэффективных инструкций для ИИ. В этих условиях шансы представителей креативных профессий, не обладающих подобными навыками, существенно ниже, хотя их промпты могут быть значительно выразительнее, креативнее, понятнее, нежели профессиональные. А уже тем более односложные запросы (наподобие упомянутого выше «котика»), ведущие к генерации ИИ абсолютно непредсказуемого контента, лишены даже призрака творческого начала.

Сказанное дает основания для вывода, что *при составлении промпта большей значимостью обладает профессиональный навык, нежели креативность*, и позволяет увидеть некоторое сущностное сходство промптов с охраняемыми авторским правом компьютерными программами (программами для ЭВМ), которые, строго говоря, являются не итогом творчества, а результатом разрешения практической задачи. Примечательно, что законодатель, причисляя компьютерные программы к кругу объектов авторских прав, прямо не называет их произведениями, но говорит, что они охраняются так же, как литературные произведения [12].

На основании изложенного надо признать, что далеко не во всех случаях формулирование промпта носит творческий характер. Причем более удачные с литературной или эстетической точки зрения результаты генерации ИИ получаются по итогам запроса, созданного не с творческой искрой, а с использованием инструментария промпт-инжиниринга.

В этих условиях промпт как явление не может получить однозначную оценку в качестве результата творческой деятельности и быть квалифицирован как объект авторских прав.

АРГУМЕНТЫ ЗА ОТНЕСЕНИЕ ПРОМПТА К ЧИСЛУ ОБЪЕКТОВ АВТОРСКИХ ПРАВ

Промпт представляет собой структурированный текстовый запрос, содержащий инструкции, контекст, стилистические указания и ограничения для ИИ. Промпты, демонстрирующие высокую эффективность в генерации уникального контента (текстов, изображений, кода), приобретают значительную рыночную стоимость. Эмпирические данные указывают на экспоненциальный рост их ценности. Отсутствие

гарантированной правовой охраны создает риски неконтролируемого копирования и использования, приводя к прямым экономическим потерям правообладателей и обесцениванию инвестиций в их разработку и оптимизацию [13, 14].

Правовая неопределенность в отношении принадлежности и защищенности прав на промпт выступает сдерживающим фактором для инвестиций в R&D в области *prompt engineering*. Закрепление исключительных прав создает необходимые экономические стимулы для инновационной деятельности, аналогично охране других объектов интеллектуальной собственности (ИС) [15]. Утрата контроля над стратегическими промптами ведет к существенной конкурентной уязвимости компаний.

Четкое определение правового режима необходимо для развития легального рынка промптов, включая их лицензирование, франчайзинг и отчуждение, что невозможно без юридически определенного объекта прав [16].

Промпт представляет собой гибридный объект, сочетающий элементы текстового выражения (потенциально охраняемого авторским правом) и функциональной инструкции/метода (традиционно исключаемых из охраны авторским правом по ст. 1259 ГК РФ)¹. Эта двойственная природа не вписывается в рамки классических объектов ИС.

Основным правовым режимом, рассматриваемым для охраны промптов, служит авторское право (часть четвертая ГК РФ, Бернская конвенция). Классическими критериями охраны произведения являются: творческий характер (произведение должно быть результатом творческой деятельности, ст. 1257 ГК РФ); объективная форма выражения (произведение должно существовать в какой-либо материальной форме); оригинальность/уникальность (произведение должно быть оригинальным, не быть копией, хотя уровень требуемой оригинальности варьируется) [17].

В то же время авторско-правовую модель применить в полном объеме в настоящее время не представляется возможным, так как требование творчества (ст. 1257 ГК РФ) для признания промпта объектом авторского права вызывает острые доктринальные споры. Многие промпты носят технико-оптимизационный характер, что сближает их с неохранными «идеями, процедурами, методами» [18]. Доказывание уникального творческого вклада автора в каждый конкретный промпт затруднительно [19]. Современное законодательство (ст. 1257 ГК РФ) связывает ав-

¹ Гражданский кодекс РФ (часть четвертая) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 52 (часть I). Ст. 5496.

торство исключительно с творческим вкладом человека. Однако роль ИИ в интерпретации и реализации промпта ставит вопрос о достаточности вклада человека для признания его единственным автором. Масовость генерации и вариативность схожих промптов создают значительные сложности в доказывании оригинальности конкретного промпта и факта его создания определенным лицом [19].

Однако существующее правовое регулирование ограничено в возможностях защиты прав на промпты. Так, хоть коммерческая тайна (ст. 1465 ГК РФ) и применима, этот режим требует соблюдения строгих режимных мер конфиденциальности, что не всегда возможно при использовании промптов в облачных сервисах или при передаче контрагентам [20].

Патентное право охраняет технические решения, что редко соответствует сути промпта как инструкции. Охрана баз данных (ст. 1260 ГК РФ) может защитить коллекцию промптов как подбор и расположение данных, но не отдельные промпты как самостоятельные объекты. Таким образом, отсутствие прямого упоминания промптов в законе (ст. 1225 ГК РФ) создает правовой вакуум, порождающий многочисленные споры об их охраноспособности и объеме прав создателей [21]. Это увеличивает транзакционные издержки и риски при коммерциализации.

В условиях отсутствия специальных норм защита прав в суде (в случае плагиата или несанкционированного использования) сталкивается с проблемами доказывания творческого характера, авторства и нарушения исключительных прав. Судебная практика только формируется и неоднородна [22, 23]. Глобальный характер ИИ-сервисов требует гармонизированного подхода к охране промптов. Различия в национальных законодательствах (например, в трактовке творческого вклада или роли ИИ) создают сложности в трансграничной защите прав [24].

Более 12 стран активно разрабатывают или уже внедрили элементы специального регулирования ИИ и связанных с ним активов, включая промпты [25]. Отсутствие прогрессивного регулирования в РФ может привести к оттоку разработчиков и инвесторов в юрисдикции с более предсказуемым правовым полем. Закрепление прав на промпт отвечает этическому принципу справедливого вознаграждения за интеллектуальный труд. Разработка эффективных промптов требует значительных временных, интеллектуальных и материальных ресурсов [13, 14]. Правовая охрана обеспечивает признание и защиту этого труда [26].

Перспективы специального регулирования лежат в плоскости адаптации национальных законодательств (включая ГК РФ), международной гармонизации подходов под эгидой ВОИС, развития судебной

экспертизы и внедрения технологий доказательства создания и принадлежности промптов. Этика и право должны развиваться синхронно с технологиями генеративного ИИ, обеспечивая баланс между стимулированием инноваций, защитой инвестиций в создание ценных промптов и свободой развития искусственного интеллекта. Игнорирование данной потребности не только тормозит развитие перспективной области цифровой экономики, но и создает существенные правовые риски для всех участников рынка генеративного ИИ. Правовое закрепление охраны промптов является необходимым условием для устойчивого развития инноваций в эпоху искусственного интеллекта.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Промпт как инструмент взаимодействия с генеративным ИИ представляет собой новый, сложный для правовой квалификации объект. Существующее авторское право сталкивается с фундаментальными трудностями при попытке распространить свою охрану на промпты ввиду проблем с установлением творческого характера, авторства и оригинальности. Альтернативные механизмы (коммерческая тайна, договоры) и технологические решения (блокчейн) предлагают временные пути защиты, но не решают системных вопросов.

Изложенные в настоящей статье доводы и обозначенные сомнения могут найти как дополнительную аргументацию, так и контраргументы, что, на взгляд авторов, позволит дискуссии не только набрать обороты, но и в итоге выработать единственно верную позицию по рассматриваемому вопросу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Initial policy considerations for generative artificial intelligence. OECD Artificial Intelligence Papers September 2023. No. 1. URL: https://www.oecd.org/en/publications/initial-policy-considerations-for-generative-artificial-intelligence_fae2d1e6-en.html
2. Рахманкулов Б.М. Промпт как новый элемент кино-языка, или как Sora может изменить будущее цифрового кино? // Культура и искусство. 2025. № 2. С. 138–150. DOI: 10.7256/2454-0625.2025.2.70171
3. Дибиров С. МСР: революция в мире искусственного интеллекта. [Электронный ресурс] // Хабр. 2025. 19 мая. URL: <https://habr.com/ru/articles/910524/>
4. Алексеева Л.Г., Алексеев П.С. Язык промптов, или особенности формулирования запросов к генеративным нейросетям для создания изображений // VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. 2024. № 3 (13). С. 50–61. DOI: 10.34680/VERBA-2024-3(13)-50-61

5. 1 Generative AI: The main concepts. World Intellectual Property Organization. First published 2024. URL: <https://www.wipo.int/web-publications/patent-landscape-report-generative-artificial-intelligence-genai/en/1-generative-ai-the-main-concepts.html>
6. Руководство по использованию генеративного искусственного интеллекта в образовании и научных исследованиях. Опубликовано в 2024 г. ООН по вопросам образования, науки и культуры. Париж. URL: <https://aspnet-unesco.ru/prod/files/doc/event/c4d192913ca89aa65b274ac99c2b4214.pdf>
7. Рожкова М.А. Объекты, сгенерированные ИИ, и объекты, создаваемые человеком с использованием ИИ, — суть различий. [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2025. 12 февраля. URL: https://zakon.ru/blog/2025/02/12/obekty_sgenerirovannye_ii_i_obekty_sozdavaemye_chelovekom_s_ispolzovaniem_ii__sut_razlichij
8. URL: <https://shdevrum.ai/post/4ff010561cdc11f08619caf2840a7b5b/>
9. Рожкова М.А. Пять признаков (критериев охраноспособности) произведений литературы и искусства, закрепленных действующим законодательством. [Электронный ресурс] // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. № 1 (43) (март). С. 49–61. URL: <http://ipcmagazine.ru/articles/1729314/>
10. Рожкова М.А. Пять признаков (критериев охраноспособности) произведений науки, закрепленных действующим законодательством. [Электронный ресурс] // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2024. № 2 (44) (июнь). С. 145–152. URL: <http://ipcmagazine.ru/articles/1729318/>
11. Кирпичев А.Е. Промпты (запросы) для генеративного искусственного интеллекта в юридическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: «Юридические науки». 2024. Т. 28, № 4. URL: <https://journals.rudn.ru/law/article/view/41937/24175>
12. Рожкова М.А. Понятие «компьютерная программа» (программа для ЭВМ) в российском праве (подробный комментарий к статье 1261 Гражданского кодекса) // Право цифровой экономики — 2022 (18): ежегодник-антология / рук. и науч. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2022. С. 10–61. URL: <https://rozhkova.com/pdf/program-2022.pdf>
13. Liu Vivian, Chilton Lydia. (2021). Design Guidelines for Prompt Engineering Text-to-Image Generative Models. 10.48550/arXiv.2109.06977. (https://www.cs.columbia.edu/~chilton/web/my_publications/LiuPromptsAIGenArt_CHI2022.pdf)
14. Lemley Mark A., Casey Bryan. Remedies for Robots (July 31, 2018). 86 University of Chicago Law Review 1311 (2019), Stanford Law and Economics Olin Working Paper No. 523, Available at SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=3223621> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3223621>
15. Arrow Kenneth J. Economic Welfare and the Allocation of Resources for Invention (1962). University of Illinois at Urbana-Champaign's Academy for Entrepreneurial Leadership Historical Research Reference in Entrepreneurship, Available at SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=1497764>
16. Gervais D.J. (Re)structuring copyright: A comprehensive path to international copyright reform. Northampton, Massachusetts: Edward Elgar Publishing, Inc., 2017. 10.4337/9781785369506.
17. Ginsburg Jane C., Budiardjo Luke Ali. Authors and Machines (October 21, 2019). Columbia Public Law Research Paper No. 14-597 // Berkeley Technology Law Journal. 2019. Vol. 34, No. 2. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3233885> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3233885>
18. Ginsburg J.C. People Not Machines: Authorship and What it Means in the Berne Convention. IIC 49. P. 131–135 (2018). URL: <https://doi.org/10.1007/s40319-018-0670-x>
19. Ryan Abbott Allow patents on AI-generated inventions — for the good of science // Nature (London)/ 2023. Vol. 620(7975). P. 699–699. DOI: <https://doi.org/10.1038/d41586-023-02598-2>
20. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: понятие, система, задачи кодификации: сб. ст. Исслед. центр част. права. М.: Статут, 2005. 413 с. ISBN 5-8354-0168-X.
21. Вашеняк Н.Е. Искусственный интеллект и авторские права: международный опыт, этические дилеммы и путь регулирования в России // Вестник науки. 2024. № 3 (72).
22. Shenzhen Nanshan District People's Court (2019). Case No. (2019) Yue 0305 Min Chu No. 14010 (Tencent v. Yingxun). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/judgments/details/1775> (date of access: 12.06.2025).
23. Andersen v. Stability AI Ltd. et al., US District Court for the Northern District of California, Case No. 3:23-cv-00201 // <https://dockets.justia.com/docket/california/candce/3:2023cv00201/407208> (date of access: 12.06.2025).
24. WIPO (2023). Issues Paper on Intellectual Property Policy and Artificial Intelligence. WIPO/IP/AI/2/GE/23/1. URL: https://www.wipo.int/meetings/en/doc_details.jsp?doc_id=470053 (date of access: 12.06.2025).
25. OECD.AI Policy Observatory (2023). National AI Policies & Strategies // <https://oecd.ai/en/> (date of access: 12.06.2025).

26. European Commission (2019). Ethics Guidelines for Trustworthy AI // <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/ethics-guidelines-trustworthy-ai> (date of access: 12.06.2025).

REFERENCES

1. Initial policy considerations for generative artificial intelligence. OECD Artificial Intelligence Papers September 2023. No. 1. URL: https://www.oecd.org/en/publications/initial-policy-considerations-for-generative-artificial-intelligence_fae2d1e6-en.html
2. *Rahmankulov B.M.* Prompt kak novyj element kinoyazyka, ili kak Sora mozhet izmenit' budushchee cifrovogo kino? // *Kul'tura i iskusstvo*. 2025. No. 2. S. 138–150. DOI: 10.7256/2454-0625.2025.2.70171
3. *Dibirov S.* MCP: revolyuciya v mire iskusstvennogo intellekta [Elektronnyj resurs] // *Habr*. 2025. 19 maya. URL: <https://habr.com/ru/articles/910524/>
4. *Alekseeva L.G., Alekseev P.S.* (2024). Yazyk promptov, ili osobennosti formulirovaniya zaprosov k generativnym nejrosetyam dlya sozdaniya izobrazhenij // *VERBA. Severo-Zapadnyj lingvisticheskij zhurnal*. 2024. No. 3(13). S. 50–61. DOI: 10.34680/VERBA-2024-3(13)-50-61
5. Generative AI: The main concepts. World Intellectual Property Organization. First published 2024. URL: <https://www.wipo.int/web-publications/patent-landscape-report-generative-artificial-intelligence-genai/en/1-generative-ai-the-main-concepts.html>
6. *Rukovodstvo po ispol'zovaniyu generativnogo iskusstvennogo intellekta v obrazovanii i nauchnyh issledovaniyah*. Opublikovano v 2024 g. OON po voprosam obrazovaniya, nauki i kul'tury. Parizh. URL: <https://aspnet-unesco.ru/prod/files/doc/event/c4d192913ca89aa65b274ac99c2b4214.pdf>
7. *Rozhkova M.A.* Ob"ekty, sgenerirovannye II, i ob"ekty, sozdavaemye chelovekom s ispol'zovaniem II — sut' razlichij [Elektronnyj resurs] // *Zakon*. ru. 2025. 12 fevralya. URL: https://zakon.ru/blog/2025/02/12/obekty_sgenerirovannye_ii_i_obekty_sozdavaemye_chelovekom_s_ispolzovaniem_ii__sut_razlichij
8. URL: <https://shdevrum.ai/post/4ff010561cdc11f08619caf2840a7b5b/>
9. *Rozhkova M.A.* 5 priznakov (kriteriev ohranosposobnosti) proizvedenij literatury i iskusstva, zakreplennyh dejstvuyushchim zakonodatel'stvom [Elektronnyj resurs] // *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam*. 2024. No. 1 (43) (mart). S. 49–61. URL: <http://ipcmagazine.ru/articles/1729314/>
10. *Rozhkova M.A.* 5 priznakov (kriteriev ohranosposobnosti) proizvedenij nauki, zakreplennyh dejstvuyushchim zakonodatel'stvom [Elektronnyj resurs] // *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam*. 2024. No. 2 (44) (iyun'). S. 145–152. URL: <http://ipcmagazine.ru/articles/1729318/>
11. *Kirpichev A.E.* Prompty (zaprosy) dlya generativnogo iskusstvennogo intellekta v yuridicheskom diskurse // *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov*. Ser.: "Yuridicheskie nauki". 2024. T. 28, No. 4. URL: <https://journals.rudn.ru/law/article/view/41937/24175>
12. *Rozhkova M.A.* Ponyatie "komp'yuternaya programma" (programma dlya EVM) v rossijskom prave (podrobnij kommentarij k stat'e 1261 Grazhdanskogo kodeksa) // *Pravo cifrovoj ekonomiki* — 2022 (18): *Ezhegodnik-antologiya* / Ruk. i nauch. red. M.A. Rozhkova. M.: Statut, 2022. S. 10–61. URL: <https://rozhkova.com/pdf/program-2022.pdf>
13. *Liu, Vivian & Chilton, Lydia.* (2021). Design Guidelines for Prompt Engineering Text-to-Image Generative Models. 10.48550/arXiv.2109.06977. (https://www.cs.columbia.edu/~chilton/web/my_publications/LiuPromptsAIGenArt_CHI2022.pdf)
14. *Lemley Mark A., Casey Bryan.* Remedies for Robots (July 31, 2018). 86 University of Chicago Law Review 1311 (2019), Stanford Law and Economics Olin Working Paper No. 523, Available at SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=3223621> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3223621>
15. *Arrow Kenneth J.* Economic Welfare and the Allocation of Resources for Invention (1962). University of Illinois at Urbana-Champaign's Academy for Entrepreneurial Leadership Historical Research Reference in Entrepreneurship, Available at SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=1497764>
16. *Gervais D.J.* (2017). (Re)structuring copyright: A comprehensive path to international copyright reform. Northampton, Massachusetts: Edward Elgar Publishing, Inc., 2017, 10.4337/9781785369506.
17. *Ginsburg Jane C., Budiardjo Luke Ali.* Authors and Machines (October 21, 2019). Columbia Public Law Research Paper No. 14-597 // *Berkeley Technology Law Journal*. 2019. Vol. 34, No. 2, Available at SSRN. URL: <https://ssrn.com/abstract=3233885> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3233885>
18. *Ginsburg J.C.* People not Machines: Authorship and What it Means in the Berne Convention. 2018. IIC 49. P. 131–135. URL: <https://doi.org/10.1007/s40319-018-0670-x>
19. *Ryan Abbott* Allow patents on AI-generated inventions — for the good of science // *Nature* (London). 2023. Vol. 620(7975). P. 699. DOI: <https://doi.org/10.1038/d41586-023-02598-2>
20. *Dozorcev V.A.* Intellektual'nye prava: ponyatie, sistema, zadachi kodifikacii: sb. st. Issled. centr chast. prava. M.: Statut, 2005. P. 413. ISBN 5-8354-0168-X.

21. Vashenyak N.E. Iskusstvennyj intellekt i avtorskie prava: mezhdunarodnyj opyt, eticheskie dilemmy i put' regulirovaniya v Rossii // Vestnik nauki. 2024. No. 3 (72).
22. Shenzhen Nanshan District People's Court (2019). Case No. (2019) Yue 0305 Min Chu No. 14010 (Tencent v. Yingxun). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/judgments/details/1775> (date of access: 12.06.2025).
23. Andersen v. Stability AI Ltd. et al., US District Court for the Northern District of California, Case No. 3:23-cv-00201. URL: <https://dockets.justia.com/docket/california/candce/3:2023cv00201/407208> (date of access: 12.06.2025).
24. WIPO (2023). Issues Paper on Intellectual Property Policy and Artificial Intelligence. WIPO/IP/AI/2/GE/23/1. URL: https://www.wipo.int/meetings/en/doc_details.jsp?doc_id=470053 (date of access: 12.06.2025).
25. OECD.AI Policy Observatory (2023). National AI Policies & Strategies. URL: <https://oecd.ai/en/> (date of access: 12.06.2025).
26. European Commission (2019). Ethics Guidelines for Trustworthy AI // <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/ethics-guidelines-trustworthy-ai> (date of access: 12.06.2025)

АВТОРСКИЕ ПРАВА НА ПУБЛИКАЦИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА COPYRIGHT FOR PUBLICATIONS USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS

Роман Оморович ОМОРОВ

Институт машиноведения, автоматике и геомеханики
Национальной академии наук Кыргызской Республики
(ИМАГ НАН КР), Бишкек, Кыргызская Республика,
romano_ip@list.ru,
ORCID 0000-0003-3555-1323

Информация об авторе

Р.О. Оморов — заведующий лабораторией Института машиноведения, автоматике и геомеханики Национальной академии наук Кыргызской Республики (НАН КР), доктор технических наук, профессор, член-корреспондент НАН КР, академик Международной инженерной академии, Заслуженный деятель науки Кыргызской Республики

Аннотация. В связи с развитием искусственного интеллекта (ИИ) и технологий на базе систем искусственного интеллекта возникли проблемы в определении правосубъектности ИИ в отношении объектов интеллектуальной собственности, созданных с помощью ИИ или даже самим ИИ, функционирующим в автономном режиме.

Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) ведет работу по изучению и обсуждению проблем и вопросов, связанных с использованием технологий и систем ИИ для определения политики в области интеллектуальной собственности. Для обсуждения проблем, связанных с искусственным интеллектом, ВОИС инициировал специальные дискуссии среди государств — членов этой всемирной организации с участием ученых и специалистов, которые прошли в 2019–2020 гг. в Женеве, в штаб-квартире ВОИС. Дискуссии были организованы на базе специального вопросника, предложенного ВОИС.

Автор данной статьи также принял заочное участие в обсуждении этих дискуссионных вопросов, исследовательские результаты которого опубликованы в известных журналах «E-Management» и «Право интел-

- лектуальной собственности» соответственно в 2020 г.
- и 2021 г. Проблемы касательно авторских прав на произведения науки, литературы и искусства, создаваемые с помощью ИИ и собственно ИИ в автономном режиме, были рассмотрены на базе дискуссионных вопросов: шесть — касательно авторства и прав собственности; семь — нарушения и исключения; девять — общие вопросы политического характера для этих случаев прав интеллектуальной собственности.

- Основные концептуальные принципы, предложенные автором на дискуссионный вопросник ВОИС, заключаются в следующих выводах: 1) права авторства и собственности на объекты интеллектуальной собственности, в частности на объекты авторско-правовой охраны, должны быть предоставлены одушевленному субъекту — человеку (коллективу) — разработчику искусственного интеллекта с фиксацией последнего как субсубъекта или инструмента субъекта права; 2) искусственный интеллект должен служить инструментом усиления человеческого творческого потенциала с учетом свободы творчества, но с предусмотренными дополнительными мерами ответственности. Также предлагается в случае использования систем искусственного интеллекта в публикациях и докладах требовать у авторов этих публикаций и докладов указывать системы искусственного интеллекта, материалы и данные которых при этом использованы. В противном случае автор предлагает приравнивать эти публикации и доклады к плагиату.

- **Ключевые слова:** авторские права, произведения науки, литературы и искусства, интеллектуальная собственность, искусственный интеллект, правосубъектность искусственного интеллекта, дискуссии ВОИС, права авторства и собственности, правомерное использование систем искусственного интеллекта

- **Для цитирования:** Оморов Р.О. Авторские права на публикации с использованием систем искусственного

интеллекта // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 55, № 4. С. 116–123; DOI: 10.17323/tis.2025.28906

Roman O. OMOROV

Institute of Mechanical Science, Automation and Geomechanics of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic (IMAG NAS KR), Bishkek, Kyrgyz Republic,
romano_ip@list.ru,
ORCID 0000-0003-3555-1323

Information about the author

R.O. Omorov — Head of Laboratory of the Institute of Mechanical Engineering, Automation and Geomechanics of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic (NAS KR), Doctor of Technical Sciences, Professor, Corresponding Member of the NAS KR, Academician of the International Academy of Engineering, Honored Scientist of the Kyrgyz Republic

Abstract. In connection with the development of artificial intelligence and technologies based on artificial intelligence systems, problems have arisen in determining the legal personality of artificial intelligence in relation to intellectual property objects created with the help of or even by artificial intelligence itself, operating autonomously. The World Intellectual Property Organization (WIPO) is working to study and discuss problems and issues related to the use of artificial intelligence technologies and systems to determine intellectual property policies. To discuss problems related to artificial intelligence, WIPO initiated special discussions among the member states of this global organization with the participation of scientists and specialists, which took place in 2019–2020 in Geneva, at WIPO headquarters. The discussions were organized on the basis of a special questionnaire proposed by WIPO.

The author of this article also took part in the discussion of these discussion questions in absentia, the research results of which were published in the well-known journals "E-Management" and "Intellectual Property Law" in 2020 and 2021, respectively. The issues concerning copyrights to works of science, literature, and art created with the help of, and by artificial intelligence in autonomous mode, were considered on the basis of discussion questions 6, 7, and 9 for these cases of intellectual property rights.

As a result, the main conceptual principles proposed by the author to the WIPO discussion questionnaire are as follows: 1) the rights of authorship and ownership of intellectual property objects, in particular on objects of copyright protection, should be provided to an animate subject — a person (collective) — a developer of artificial

- intelligence with the latter being fixed as a sub-subject or instrument of the subject of law; 2) artificial intelligence should serve as a tool for enhancing human creative potential, taking into account freedom of creativity, but with additional measures of responsibility provided. It is also proposed that in the case of using artificial intelligence systems in publications and reports, the authors of these publications and reports be required to indicate these artificial intelligence systems, the materials and data of which were used. Otherwise, equate these publications and reports to plagiarism.

- **Keywords:** copyrights, works of science, literature and art, intellectual property, artificial intelligence, legal personality of artificial intelligence, discussions of the WIPO, rights of authorship and ownership of intellectual property, lawful use of artificial intelligence systems

- **For citation:** Omorov R.O. Copyright for Publications Using Artificial Intelligence Systems // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2025. Vol. 55 (4). P. 116–123; DOI: 10.17323/tis.2025.28906

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, понятие «искусственный интеллект» впервые появилось в 1956 г. в контексте одноименного научно-исследовательского проекта Дартмутского колледжа [1, 2]. Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС) ведет работу по изучению и обсуждению проблем и вопросов, связанных с использованием технологий и систем искусственного интеллекта (ИИ) для управления административными процессами и политикой в области интеллектуальной собственности [3–10].

Искусственный интеллект и правовые отношения, связанные с развитием систем ИИ, становятся все более актуальными проблемами для рассмотрения и регулирования [10–13]. Особо острые вопросы возникают при правовом регулировании в связи с генерированием объектов интеллектуальной собственности с помощью ИИ или даже их созданием собственно ИИ в автономном режиме [2, 7, 8, 10–14]. Следует отметить, что развитие технологий ИИ является неотъемлемой частью грядущей четвертой промышленной революции «Индустрия 4.0» [15, 16].

В статье рассмотрены вопросы, связанные с авторскими правами на публикации при использовании систем ИИ [10, 16–19].

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ОБЪЕКТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Классическое определение объектов интеллектуальной собственности и их классификация даны ВОИС [4, с. 4, 9, 10], где в семи пунктах перечислены все виды объектов, охраняемых правами интеллектуальной собственности (ИС). Помимо перечисленных в этих пунктах объектов отмечено, что «ИС включает права, касающиеся и всех других прав, являющихся результатом интеллектуальной деятельности в промышленной, научной, литературной или художественной областях».

Таким образом, последнее утверждение в перечне объектов ИС предполагает, что искусственный интеллект как таковой, а также технологии и системы ИИ могут быть отнесены к видам объектов ИС в зависимости от области их применений. Так, по данным ВОИС, со времени зарождения понятия «искусственный ин-

теллект» (1956 г.) в мире поданы патентные заявки на 340 тыс. изобретений в этой области (в среднем ежегодно более 5 тыс. заявок) [1]. Более всего заявок подано в США (более 150 тыс.) и в Китае (более 135 тыс.), т.е. почти 85% заявок зарегистрированы в этих двух странах. При этом около 20% (68 тыс.) патентных заявок в области ИИ оформлены по международной процедуре ВОИС (система РСТ). Лидерами подачи заявок в области ИИ являются фирмы: IBM, Microsoft, Toshiba, Samsung, NEC, а также Китайская академия наук (CAS), от каждой из них направлено по несколько тысяч патентных заявок (например, IBM подала более 8 тыс. заявок).

По анализу заявок на ИИ, проведенному ВОИС, самыми распространенными приложениями ИИ являются технологии компьютерного зрения, в том числе системы распознавания образов. Таких заявок оказалось 49% общего количества заявок в области ИИ с ежегодным ростом в период с 2013 г. в среднем на 24%. Также широкое применение ИИ получает в области обработки естественного языка (14% всех патентов) и обработки речи (13% патентов). В последние годы растет число заявок и полученных патентов в области ИИ, связанных с технологиями создания роботов и разработкой методов управления.

По способам создания систем ИИ доминирует машинное самообучение — 40% патентов в области ИИ с ежегодным ростом числа патентных заявок с 2013 г. в среднем на 28%. Особое значение использованию машинного самообучения придается при так называемом глубоком обучении и применении нейронных сетей, которые используются в системах машинного перевода.

К значимым областям применения технологий ИИ относятся:

- *информационные системы* (автоматические классификации, поиск и анализ по базам данных);
- *машинный перевод* естественных языков;
- *телекоммуникации* (компьютерные сети, интернет, радио- и телевидение и т.п.);
- *транспорт* (авионика, автономные транспортные средства, системы распознавания водителя/автомобиля, системы организации транспортного движения);
- *наука о жизни и медицина* (биоинформатика, биоинженерия, биомеханика, фармацевтика, геномика, нейро- и кардиоробототехника и другие).

Значимость перечисленных областей применения технологий ИИ в последние десятилетия возрастает. Так, доля патентных заявок в области ИИ, связанных с секторами телекоммуникаций, транспорта или науки о жизни и медицине, составляет свыше 40% всех заявок по ИИ.

Таким образом, основными объектами ИС в области ИИ являются изобретения или объекты промышленной собственности.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ВЕРОЯТНЫЙ СУБЪЕКТ ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В настоящее время во многих странах практически отсутствуют правовые инструменты по регулированию правовых отношений, связанных с технологиями ИИ [13]. Отдельные развитые государства имеют нормативные правовые документы, регулирующие частично сферу отношений, связанных с ИИ.

На правосубъектность ИИ как «электронного лица» имеются разные точки зрения, которые неочевидны и требуют дополнительного изучения [2, 11–13]. Эти обозначено и в предлагаемых ВОИС дискуссионных вопросах [7, 8]. В работах [10, 17, 18] автор рассмотрел проблему правосубъектности ИИ в концептуальном ракурсе через ответы на вопросы дискуссии ВОИС, которые непосредственно затрагивают эту проблему.

В итоге *основные концептуальные принципы*, принятые в ответах на вопросы дискуссии ВОИС, таковы:

- права авторства и собственности на объекты интеллектуальной собственности должны быть предоставлены одушевленному субъекту — человеку (коллективу) — разработчику искусственного интеллекта с фиксацией последнего как субсубъекта (субавтора) или инструмента субъекта права;
- искусственный интеллект должен служить инструментом усиления человеческого творческого потенциала с учетом свободы творчества, но с предусмотренными дополнительными мерами ответственности.

Отмечу, что аналогичных позиций по праву авторства искусственного интеллекта придерживаются и многие другие исследователи, в частности авторы работ [14, 19].

АВТОРСКОЕ ПРАВО НА ПРОИЗВЕДЕНИЯ НАУКИ, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА, В ТОМ ЧИСЛЕ НА ПУБЛИКАЦИИ

В соответствии с законодательством Кыргызской Республики, как и многих других стран [4, 9], авторское право распространяется на произведения науки,

литературы и искусства, являющиеся результатами творческой деятельности, т.е. публикации ученых, как и публикации писателей, поэтов и других творческих деятелей литературы и искусства, относятся к объектам авторского права. Поэтому публикация трудов ученых и творческих деятелей подпадает под действие норм авторского права.

Основной субъект авторского права — *автор* — это физическое лицо, *творческим трудом* которого создано произведение [4, 9, 10].

Как сказано выше, в процессе развития искусственного интеллекта и информационных систем на их основе возникли проблемы, связанные с правосубъектностью ИИ, на них имеются различные дискуссионные точки зрения [2, 11–13]. Эти проблемы рассмотрены и в ходе дискуссий, инициированных ВОИС в 2019–2020 гг. [6–8], в частности, касательно авторских прав на произведения науки, литературы и искусства, создаваемые с помощью собственно ИИ в автономном режиме. Проблемы авторско-правовых отношений при этом были рассмотрены на базе дискуссионных вопросов 6, 7 и 9 [6–8, 10, 17, 18].

Так, в вопросе 6 дискуссионного вопросника [7], где поставлены вопросы касательно «авторства и права собственности», предлагается права авторства на произведения, созданные ИИ, предоставить человеку (коллективу) — разработчику искусственного интеллекта с фиксацией последнего как субсубъекта или инструмента субъекта права [10, 17, 18].

Представим формулировку вопроса 6 и ответы по нему в полном объеме.

Вопрос 6: авторство и права собственности

(i) Следует ли распространить режим авторско-правовой охраны на оригинальные литературные и художественные произведения, которые создаются ИИ в автономном режиме, или же для этого необходимо участие в их создании человека?

(ii) В том случае, если режим авторско-правовой охраны может распространяться на произведения, созданные ИИ, кому именно предоставляются права автора? Следует ли рассмотреть возможность наделяния ИИ-программы, самостоятельно создающей оригинальные произведения, статусом юридического лица, чтобы права авторства предоставлялись такому лицу, а само это лицо действовало бы и становилось бы предметом купли-продажи аналогично корпорациям?

(iii) Необходимо ли формировать для оригинальных литературных и художественных произведений, самостоятельно создаваемых ИИ-программами, отдельную систему охраны (предусматривающую, например, более короткий срок охраны, а также другие ограничения или приравнивающую произведения, созданные ИИ-программами, к исполнениям)?

Ответы 6

(i) На оригинальные литературные и художественные произведения, которые создаются ИИ в автономном режиме, следует распространить режим авторско-правовой охраны.

(ii) Права авторства следует предоставить человеку (коллективу) — разработчику ИИ с фиксацией последнего как субъекта или инструмента субъекта права.

(iii) Возможно, следует ввести определенные ограничения правовой охраны для оригинальных литературных и художественных произведений (уменьшить срок охраны и другое, требуется дополнительное изучение).

В вопросе 7 рассматриваются нарушения и исключения при несанкционированном использовании данных для машинного обучения. Здесь предлагается такое использование данных, которые относятся к произведениям, являющимся объектами авторско-правовой охраны, не считать нарушением авторского права [10].

Вопрос 7: нарушения и исключения

(i) Следует ли считать несанкционированное использование для машинного обучения данных, которые относятся к произведениям, являющимся объектами авторско-правовой охраны, нарушением авторского права? Если нет, то нужно ли предусмотреть в системе авторского права или в других профильных нормативно-правовых актах конкретное исключение в отношении использования таких данных для обучения ИИ-программ?

(ii) Если будет принято решение считать несанкционированное использование для машинного обучения данных, которые относятся к произведениям, являющимся объектами авторско-правовой охраны, нарушением авторского права, то какие последствия это будет иметь для развития ИИ, а также для свободного обмена данными в целях стимулирования инноваций в сфере ИИ?

(iii) Если несанкционированное использование для машинного обучения данных, которые относятся к произведениям, являющимся объектами авторско-правовой охраны, будет считаться нарушением авторского права, следует ли предусмотреть исключение по меньшей мере в отношении некоторых действий, имеющих ограниченные цели, включая, например, использование таких данных для некоммерческих проектов, реализуемых пользователями, или для научных исследований?

(iv) Если несанкционированное использование для машинного обучения данных, являющихся объектами авторско-правовой охраны, будет считаться нарушением авторского права, то как именно в свете этого

нарушения будут рассматриваться существующие исключения в отношении текста и анализа данных?

(v) Если несанкционированное использование для машинного обучения данных, которые относятся к произведениям, являющимся объектами авторско-правовой охраны, будет считаться нарушением авторского права, потребуется ли принимать какие-либо меры политического характера для содействия лицензированию?

(vi) Каким именно образом будут обеспечиваться выявление и пресечение случаев несанкционированного использования для машинного обучения данных, которые относятся к произведениям, являющимся объектами авторско-правовой охраны, особенно в условиях, когда значительное число произведений, охраняемых авторским правом, создается ИИ?

Ответы 7

(i) Несанкционированное использование для машинного обучения данных, которые относятся к произведениям, являющимся объектами авторско-правовой охраны, не следует считать нарушением авторского права. При этом в системе авторского права или в других профильных нормативно-правовых актах надо предусмотреть конкретное исключение в отношении использования таких данных для обучения ИИ-программ.

В вопросе 9 рассматриваются общие политические темы. Здесь предлагается в сфере социальной политики способствовать сохранению существующей системы авторского права, ставящей интересы человеческого творчества выше задач, связанных с поощрением инноваций в сфере ИИ, т.е. использовать последние для усиления человеческих возможностей [6, 13, 14].

Вопрос 9: общие политические темы

(i) Имеются ли какие-либо очевидные или неочевидные последствия авторского права с точки зрения предвзятости при рассмотрении заявок, связанных с ИИ? Следует ли сформировать такую иерархию приоритетов в сфере социальной политики, которая способствовала бы сохранению существующей системы авторского права и ставила бы интересы человеческого творчества выше задач, связанных с поощрением инноваций в сфере ИИ, или же действовать прямо противоположным образом?

Ответ 9

(i) Да, следует сформировать такую иерархию приоритетов в сфере социальной политики, которая способствовала бы сохранению существующей системы авторского права и делала бы интересы человеческого творчества приоритетом, прежде всего рассматривая поощрение инноваций в сфере ИИ для усиления человеческих возможностей.

Дополнительно к вопросам 6, 7, 9 дискуссии ВОИС, касающимся непосредственно авторских прав при публикациях, рассмотрим вопрос 10, который также может иметь отношение к публикациям.

Вопрос 10: дополнительные права, касающиеся данных

(i) Следует ли рассмотреть возможность того, чтобы в рамках политики в сфере ИС были предусмотрены дополнительные права в отношении данных или же для защиты данных достаточно действующих прав ИС, законов о борьбе с недобросовестной конкуренцией и аналогичных им механизмов охраны, норм контрактного права и мер технического характера?

(ii) Если бы было принято решение рассмотреть вопрос о новых правах ИС в отношении данных, то на какие именно категории данных распространялось бы их действие?

(iii) Если бы было принято решение рассмотреть вопрос о новых правах ИС в отношении данных, то какие причины политического характера могли бы лечь в его основу?

(iv) Если бы было принято решение рассмотреть вопрос о новых правах ИС в отношении данных, то какие именно права ИС подошли бы для этой цели — исключительные права, права, предусматривающие вознаграждение, или обе эти категории прав?

(v) Будут ли возможные новые права основываться на свойствах, изначально присущих данным (включая, например, их коммерческую ценность), на защите от ненадлежащих или недобросовестных видов конкуренции или действий применительно к некоторым категориям данных или же и на том, и на другом?

(vi) Как именно возникновение каких-либо прав подобного рода повлияло бы на свободный обмен данными, который может быть необходимым условием совершенствования ИИ, а также способов его применения в научных, технических или коммерческих целях?

(vii) Какими могли бы быть характер влияния или взаимосвязи любых новых прав ИС с другими рамочными нормативными механизмами, действующими в отношении данных, включая механизмы, касающиеся неприкосновенности частной жизни и требований безопасности?

(viii) Как можно было бы обеспечить эффективное соблюдение новых прав ИС?

Ответы 10

(i) Возможно, максимально используя существующие правовые нормы, необходимо предусмотреть дополнительные права в отношении данных, но в целом, вопрос требует дальнейшего изучения.

(ii) На данные, сгенерированные ИИ.

(iii) Принципы: усиление человеческого творческого потенциала и свобода инновационного творчества.

(iv) При положительном решении вопроса подошли бы обе категории прав — исключительные права и права, предусматривающие вознаграждение.

(v) Возможные новые права могли бы основываться на таких присущих данным свойствах, как защита от ненадлежащих или недобросовестных видов конкуренции и действий применительно к некоторым категориям данных.

(vi) — (viii) Вопросы требуют дополнительного изучения.

В итоге, *основные концептуальные принципы*, предложенные автором в дискуссионном вопроснике ВОИС, основаны на выводах, которые сформулированы в предыдущем разделе статьи.

ПУБЛИКАЦИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Как выше отмечено, в соответствии с законодательством Кыргызской Республики, как и многих других стран [4, 9], публикации ученых, писателей, поэтов и других творческих деятелей литературы и искусства относятся к объектам авторского права.

В связи с развитием систем ИИ возникают новые проблемы по их законному использованию в разных сферах человеческой деятельности. В научных исследованиях и публикациях результатов исследований получают широкое применение приложения на основе систем ИИ, такие как ChatGPT, DeepSeek, GigaChat и др.

Как показано в работе [16], среди развитых стран идет конкурентная борьба за лидерство в области использования ИИ в научных исследованиях, что наглядно отражено в рейтинге публикаций в журналах по ИИ. Из баз данных Scopus, Web of Science видно, что первые пять стран по индексу Хирша — это США, Китай, Великобритания, Германия и Канада, а по количеству публикаций в области ИИ в 2023 г. в первую тройку стран вошли Китай, США и Индия.

Во многих публикациях в журналах и докладах на конференциях, сделанных учеными, специалистами и должностными лицами, зачастую используются данные и материалы, разработанные системами ИИ (а в некоторых случаях весь материал этих работ создан ИИ). В таких случаях также возникают законные вопросы авторско-правовых отношений человека (коллектива) — автора публикации либо доклада и ИИ (системы ИИ) в автономном режиме. Предлагается в соответствии с описанной дискуссией ВОИС для правомерного использования систем ИИ требовать у авторов этих публикаций и докладов указывать, какие системы ИИ при этом использованы. В противном случае автор предлагает приравнять эти публикации и доклады к плагиату.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие компьютерной техники и систем программирования привело к возникновению технологий и систем искусственного интеллекта, которые могут функционировать в автономном режиме. Соответственно возникают вопросы о правосубъектности ИИ по отношению к интеллектуальной собственности, в частности, при публикациях в журналах и других СМИ, а также при докладах на публичных мероприятиях. Поэтому ВОИС как специализированная структура ООН в области интеллектуальной собственности ведет интенсивную работу по решению не только вопросов использования возможностей, предоставляемых ИИ, для улучшения административных процедур в ВОИС и ведомствах по интеллектуальной собственности во всем мире, но и более важных правовых вопросов в связи с технологиями ИИ. Многие правовые вопросы требуют решения на международном уровне под эгидой ВОИС.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тенденции развития технологий: Искусственный интеллект: Доклад ВОИС, 2019. 158 с. URL: http://www.wipo.int/tech_trends/ru/artificial_intelligence/story.html
2. Ястребов О.А. Правосубъектность электронного лица: Теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 2. С. 36–55.
3. Конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности (подписана в Стокгольме 14.07.1967 и изменена 02.10.1979). Женева: ВОИС, 1990.
4. Введение в интеллектуальную собственность. Женева: ВОИС, 1998. 652 с.
5. Совещание ведомств интеллектуальной собственности (ВИС) по ИКТ-Стратегиям и использованию искусственного интеллекта (ИИ) для управления административными процессами в области ИС: Резюме координатора // WIPO/IP/ITAI/GE/18/5, Женева, 23–25 мая 2018 г. URL: http://www.wipo.int/meetings/ru/details.jsp?meeting_id=46586
6. Дискуссия ВОИС на тему «Интеллектуальная собственность (ИС) и искусственный интеллект (ИИ)» // WIPO/IP/AI/GE/INF 2, Женева, 27 сентября 2019 г. URL: http://www.wipo.int/meetings/ru/details.jsp?meeting_id=5176
7. Дискуссия ВОИС на тему «Интеллектуальная собственность (ИС) и искусственный интеллект (ИИ)»: Второй раунд // WIPO/IP/AI/2/GE/20/1, 13 декабря 2019 г. URL: http://www.wipo.int/meetings/ru/doc_details.jsp?doc_id=470053
8. Дискуссия ВОИС на тему «Интеллектуальная собственность (ИС) и искусственный интеллект (ИИ)»: Второй раунд // WIPO/IP/AI/2/GE/20/1 Rev, 21 мая 2020 г. URL: http://www.wipo.int/meetings/ru/doc_details.jsp?meeting_id=55309
9. Оморов Р.О., Роман А. Введение в интеллектуальную собственность в Кыргызской Республике. Изд. 2-е. Бишкек: Илим, 2016. 388 с.
10. Роман Н., Оморов Р.О., Роман А. Введение в интеллектуальную собственность инновации в Кыргызской Республике. Бишкек: Илим, 2023. 439 с.
11. Морхат П.М. Особенности развития права интеллектуальной собственности в контексте использования искусственного интеллекта // Право будущего: Интеллектуальная собственность, инновации, интернет. Ежегодник. Сер. «Правоведение». М.: РАН. ИНИОН. Центр. социал. науч.-информ. исслед. Отд. правоведения; Каф. предпринимательского права МГУ имени М.В. Ломоносова, 2018. С. 65–69.
12. Морхат П.М. Право на результаты интеллектуальной деятельности, произведенные юнитом искусственного интеллекта: Гражданско-правовые проблемы // Право и государство. 2018. № 1–2 (76–79). С. 204–215.
13. Понкин И.В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник РУДН. Сер. «Юридические науки». 2018. Т. 22. № 1. С. 91–109.
14. Бахтеев Д.В. Правовой статус систем искусственного интеллекта и модели дифференциации юридической ответственности за причиненный ими вред // Lex russica. 2024. Т. 77. № 4. С. 9–23.
15. Оморов Р.О., Роман Н. Интеллектуальная собственность в условиях четвертой промышленной революции и показатели инновационного индекса Кыргызской Республики по данным GII // Известия КГТУ имени И. Раззакова. 2017. № 4 (44). С. 371–377.
16. Раевская Е.Г. Публикации в области искусственного интеллекта в базах данных Scopus и Web of Science // Новости науки и технологий. 2024. № 4 (71). С. 61–65.
17. Оморов Р.О. Интеллектуальная собственность и искусственный интеллект // E-Management. 2020. Т. 3. № 1. С. 43–49.
18. Оморов Р.О. Искусственный интеллект и интеллектуальная собственность // Право интеллектуальной собственности. 2021. № 1. С. 9–13.
19. Титов С.Н. О возможности признания произведений, создаваемых искусственным интеллектом, объектом уголовно-правовой охраны // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2023. № 6. С. 131–138.

REFERENCES

1. WIPO Technology Trends 2019: Artificial Intelligence. Geneva: WIPO, 2019. 158 p. URL: http://www.wipo.int/tech_trends/ru/artificial_intelligence/story.html
2. Jastrebov O.A. Pravosub"ektnost' jelektronnogo lica: Teoretiko-metodologicheskie podhody // Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN. 2018. T. 13. No. 2. S. 36–55.
3. Konvencija, uchrezhdajushhaja Vsemirnuju organizaciju intelektual'noj sobstvennosti (podpisana v Stokgol'me 14.07.1967 i izmenena 2.10.1979). Zheneva: VOIS, 1990.
4. Vvedenie v intelektual'nuju sobstvennost'. Zheneva: VOIS, 1998. 652 s.
5. Meeting of Intellectual Property Agencies (IP) on ICT Strategies and the Use of Artificial Intelligence (AI) to Manage IP Administrative Processes: Coordinator Summary // WIPO/IP/ITAI/GE /18/5, Geneva, May 23–25, 2018. Access mode: http://www.wipo.int/meetings/ru/details.jsp?meeting_id=46586.
6. Diskussija VOIS na temu "Intellektual'naja sobstvennost' (IS) i iskusstvennyj intellekt (II)" // WIPO/IP/AI/GE/INF 2, Zheneva, 27 sentjabrja 2019 g. Rezhim dostupa: http://www.wipo.int/meetings/ru/details.jsp?meeting_id=5176
7. Diskussija VOIS na temu "Intellektual'naja sobstvennost' (IS) i iskusstvennyj intellekt (II)": Vtoroj raund // WIPO/IP/AI/2/GE/20/1, 13 dekabrja 2019 g. URL: http://www.wipo.int/meetings/ru/doc_details.jsp?doc_id=470053
8. WIPO Discussion on Intellectual Property (IP) and Artificial Intelligence (AI): The Second Round // WIPO/IP/AI/2/GE/20/1, Rev, May 21, 2020. URL: http://www.wipo.int/meetings/ru/doc_details.jsp?meeting_id=55309
9. Omorov R.O., Roman A. Vvedenie v intellektual'nuju sobstvennost' v Kyrgyzskoj Respublike. Izd. 2-e. Bishkek: Ilim, 2016. 388 s.
10. Roman N., Omorov R.O., Roman A. Vvedenie v intellektual'nuju sobstvennost' i innovacii v Kyrgyzskoj Respublike. Bishkek: Ilim, 2023. 439 s.
11. Morhat P.M. Osobennosti razvitiya prava intellektual'noj sobstvennosti v kontekste ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta // Pravo budushhego: Intellektual'naja sobstvennost', Innovacii, Internet Ezhegodnik. Ser. "Pravovedenie". M., 2018. S. 65–69.
12. Morhat P.M. Pravo na rezul'taty intellektual'noj dejatel'nosti, proizvedennye junitom iskusstvennogo intellekta: Grazhdansko-pravovye problemy // Pravo i gosudarstvo. 2018. No. 1-2 (76–79). S. 204–215.
13. Ponkin I.V., Red'kina A.I. Iskustvennyj intellekt s točki zrenija prava // Vestnik RUDN. Serija Juridicheskie nauki. 2018. T. 22. No. 1. S. 91–109.
14. Bahteev D.V. Pravovoj status sistem iskusstvennogo intellekta i modeli differenciacii juridicheskoy otvetstvennosti za prichinennyj imi vred // Lex russica. 2024. T. 77. No. 4. S. 9–23.
15. Omorov R.O., Roman N. Intellektual'naja sobstvennost' v uslovijah chetvertoj promyshlennoj revoljucii i pokazateli innovacionnogo indeksa Kyrgyzskoj Respubliki po dannym GII // Izvestija KGTU imeni I. Razzakova. 2017. No. 4 (44). S. 371–377.
16. Raevskaja E.G. Publikacii v oblasti iskusstvennogo intellekta v bazah dannyh Scopus i Web of Science // Novosti nauki i tehnologij. 2024. No. 4 (71). S. 61–65.
17. Omorov R.O. Intellektual'naja sobstvennost' i iskusstvennyj intellekt // E-Management. 2020. T. 3. No. 1. S. 43–49.
18. Omorov R.O. Iskustvennyj intellekt i intellektual'naja sobstvennost' // Pravo intellektual'noj sobstvennosti. 2021. No. 1. S. 9–13.
19. Titov S.N. O vozmozhnosti priznaniya proizvedenij, sozdavaemyh iskusstvennym intellektom, ob"ektom ugovovno-pravovoj ohrany // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo. 2023. No. 6. S. 131–138.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В МУЗЫКАЛЬНОЙ СФЕРЕ

LEGAL ASPECTS OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE MUSIC FIELD

Татьяна Юрьевна РУДЕНКО

Тульский государственный университет, Тула, Россий-
ская Федерация,
tatiyana_ru@mail.ru,
ORCID 0009-0000-7549-4162

Информация об авторе

Т.Ю. Руденко — доцент Тульского государственного
университета, кандидат юридических наук

Аннотация. Резюмирован антропоцентрический подход к правовому регулированию вопросов создания музыкальных произведений с использованием технологии искусственного интеллекта. Рассмотрены особенности генерации современной музыки в сравнении с традиционными видами творчества. Предложен состав действий сочинителя, использующего нейросеть, позволяющий отнести результаты такой деятельности к творчеству. Приведены примеры из мировой практики критического отношения к созданию промпта как единственного творческого элемента. Проанализирована правоприменительная практика возникновения правоотношений при создании музыки с помощью технологии искусственного интеллекта в силу договора.

Ключевые слова: авторское право, искусственный интеллект, музыкальное произведение, права на электронную музыку, цифровое искусство, промпт, лицензионный договор

Для цитирования: Руденко Т.Ю. Правовые аспекты использования искусственного интеллекта в музыкальной сфере // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2025. Т. 55, № 4. С. 124–131; DOI: 10.17323/tis.2025.28907

• **Tatiyana Yu. RUDENKO**

• Tula State University, Tula, Russia,
• tatiyana_ru@mail.ru,
• ORCID 0009-0000-7549-4162
•

• Information about the author

• T.Yu. Rudenko — Associate Professor of the Tula State
• University, Candidate of Legal Sciences
•

• **Abstract.** The article summarizes an anthropocentric approach to the legal regulation of the creation of musical works using artificial intelligence technology. The features of the generation of modern music in comparison with traditional types of creativity are considered. The substance of the actions of a musician using a neural network is proposed, which makes it possible to attribute the results of such activities to creativity. The examples of the world practice of a critical attitude to the creation of a prompt as the only creative element are revealed. The article analyzes the law enforcement practice of the emergence of legal relations regarding the creation of music using artificial intelligence technology by virtue of a contract.

• **Keywords:** copyright, artificial intelligence, music work,
• electronic music rights, digital art, prompt, license agreement

• **For citation:** Rudenko T.Y. Legal Aspects of the Use of Artificial Intelligence in Music Field // Trudi po Intellectualnoy Sobstvennosti (Works on Intellectual Property). 2025. Vol. 55 (4). P. 124–131; DOI: 10.17323/tis.2025.28907
•

Технология искусственного интеллекта, оставаясь наиболее непредсказуемым изобретением со сложно прогнозируемыми правовыми последствиями его применения, все активнее включается в гражданские правоотношения в области творчества.

Для российского рынка резонансным примером является нейродизайнер Николай Иронов — искусственный интеллект (нейросеть), созданный Студией Артемия Лебедева. Новость о том, что нашумевшие спорные логотипы по заданным параметрам заказчика создает не человек, а генеративная технология, относится к 2020 г.

Уникальный прецедент 2025 г. связан с Венским университетом прикладного искусства, который впервые в мировой практике зачислил систему искусственного интеллекта в качестве студента на программу цифрового искусства [1]. Возможность такого зачисления с юридической точки зрения руководство университета объяснило отсутствием письменных норм, определяющих студента Венского университета как человека.

Термин «искусственный» в понимании Владимира Ивановича Даля — это нечто неестественное, сделанное наподобие настоящего, природного [2]. В этой связи могут ли результаты деятельности нейросети признаваться настоящими объектами авторского права и какова роль человека при их создании?

Вдаваясь в гипотетическое сравнение, следует отметить, что возможность самообучения искусственного интеллекта и компиляция накопленной информации при создании собственного произведения прямо сравнимы с когнитивными механизмами человека. Морально-нравственные принципы могут быть заложены в нейросеть программистами в форме законов поведения и также могут порождать внутренние коллизии, сравнимые с человеческими (по аналогии с тремя законами робототехники в знаменитом произведении Айзека Азимова «Я, робот»). При этом уникальность каждого человека связана как с указанными аспектами, так и с индивидуальными психоэмоциональными переживаниями, обусловленными в том числе сложными биохимическими процессами.

Представляется, что сам термин «искусственный интеллект» некорректен с точки зрения формирования

ложного представления о возможности отождествления технологии с человеком. Аналогичное сравнение человека и животных зачастую критически оценивается научным сообществом. Справедливо публичное утверждение профессора Т. Черниговской о невозможности применения модели человека при рассуждениях о животных [3]. В природе нет этики. Для животных характерны лишь привязанность, альтруизм и взаимопомощь. При этом указанные свойства ученые все-таки относят к эволюционным механизмам выживания, а не к «тонким душевным» характеристикам [4].

Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений к термину «художественное произведение» относит любую продукцию в области искусства, включая музыкальные сочинения с текстом или без текста (ст. 2) [5].

Гражданское законодательство Российской Федерации [6] характеризуется антропоцентрическим подходом при оценке охраноспособности результатов интеллектуальной деятельности и напрямую не позволяет рассматривать искусственный интеллект как автора или как субъект гражданских правоотношений¹.

Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490, также следует антропоцентрическому видению и определяет искусственный интеллект как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека [7].

По мнению Верховного Суда Российской Федерации², при разрешении вопроса об отнесении кон-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (далее также ГК) авторами (соавторами) как результатов интеллектуальной деятельности в целом, так и произведений науки, литературы или искусства, музыкальных произведений в частности признает физических лиц (граждан), творческим трудом которых созданы такие произведения (ст. 1228, 1257 и 1258 ГК).

² Пункт 80 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».

кретного результата интеллектуальной деятельности к объектам авторского права следует учитывать, что по смыслу ст. 1228, 1257 и 1259 ГК РФ в их взаимосвязи таковым является только тот результат, который создан творческим трудом. При этом надлежит иметь в виду, что, пока не доказано иное, результаты интеллектуальной деятельности предполагаются созданными творческим трудом.

Творческий характер создания произведения не зависит от того, создано произведение автором собственноручно или с использованием технических средств. Вместе с тем результаты, созданные с помощью технических средств в отсутствие творческого характера деятельности человека (например, фото- и видеосъемка работающей в автоматическом режиме камерой видеонаблюдения, применяемой для фиксации административных правонарушений), объектами авторского права не являются [8].

Резюмируя изложенное, российские законодатели и правоприменители в качестве автора признают человека, а нейросети относят к техническим средствам.

Так в какой же момент автор музыки, использующий автоматические процессы, привносит мистику, основанную на личном опыте, духовно-нравственных переживаниях и психоэмоциональном состоянии?

Представляется, что наиболее полный состав действий создателя музыкального произведения, применяющего технологию искусственного интеллекта, включает в себя следующие составляющие:

- 1) проявление воли к созданию музыкального произведения;
- 2) формирование запроса-команды для нейросети, ответ на который способен удовлетворить творческому замыслу музыканта;
- 3) ранжирование и отбор окончательного результата;
- 4) самостоятельная авторская корректировка результата или использование результата в составе итогового музыкального произведения, а также использование авторского произведения при обращении к технологии искусственного интеллекта.

Совокупность первых трех составляющих можно сравнить с действиями заказчика произведения. При этом заказчики (за редким исключением) не претендуют на право называться соавтором произведения. Учитывая, что заказчик также инициирует создание произведения (проявляет волю к его созданию), формирует техническое задание на создание произведения, а также производит отбор и утверждение конечного результата, к безусловно творческой составляющей, отличающей автора от заказчика произведения в понимании гражданского законодательства Российской Федерации, можно отнести последнюю

составляющую из предложенных — самостоятельную авторскую корректировку результата или использование результата в составе итогового музыкального произведения, а также использование авторского произведения при обращении к технологии искусственного интеллекта.

Считаем, что права лица, действия которого при создании произведения (в том числе музыкального) включают только первые три составляющие без последнего четвертого, также могут быть приравнены к правам продюсера, предусмотренным ст. 140 и 1263 Гражданского кодекса Российской Федерации. Согласно указанным нормам, лицу, организовавшему создание произведения, принадлежит право его использования, а также исключительное право на составное аудиовизуальное произведение (если иное не следует из договоров, заключенных с авторами произведений, вошедших в состав сложного объекта). В рассматриваемом случае лицо, использовавшее технологию искусственного интеллекта, будет иметь имущественные права на созданное музыкальное произведение, но автором называться не сможет.

Некоторые схожие характеристики действий лица, не включающих четвертую из предложенных составляющих, следует отметить и в деятельности режиссера-постановщика спектакля, который также руководит исполнителем в целях создания итогового произведения, отражающего внутреннее представление режиссера. При этом, согласно ст. 1318 Гражданского кодекса Российской Федерации, за режиссером-постановщиком спектакля закрепляется исключительное право на постановку.

При рассмотрении этапов создания музыки с применением искусственного интеллекта в целях оценки результата такой деятельности как творческого отдельно необходимо остановиться на вопросе написания запросов-команд (текстовых инструкций) для нейросетей — так называемых промптов (от английского *prompt* — «запрос, запрашивать, побуждать, подталкивать»).

Практики выделяют целое направление деятельности — «промпт-инжиниринг», указывая на то, что это не просто наука, а искусство, требующее от пользователей постоянной практики и совершенствования.

Обучение промптингу предлагают многочисленные интернет-курсы и учебные заведения. Например, Москову мьюзик скул (Moscow Music School) [9], создавшая первый в России бакалавриат в области современной популярной музыки, включила в программу обучения занятия по разработке промптов от одного из ведущих российских электронных музыкантов Никиты Забелина.

Примером критического отношения к созданию промпта как единственному творческому элементу, достаточному для признания результата труда творческим, является прецедент с победителем конкурса в Колорадо в 2022 г. в категории «Цифровое искусство» — Алленом Джейсоном [10]. Графическая работа «Пространственный оперный театр» (Théâtre D'opéra Spatial) была создана художником с применением технологии Midjourney. Для генерации потребовалось более недели и свыше ста промптов художника. Впоследствии Аллен Джейсон обратился в Бюро регистрации авторских прав США (United States Copyright Office — американское федеральное агентство, основанное в 1870 г., которое в том числе администрирует Реестр авторских прав США; далее также — Бюро, USCO) и получил отказ в связи с тем, что в соответствии с позицией Бюро даже наиболее детализированные промпты не позволяют человеку в достаточной степени контролировать результат работы нейросети.

На фоне развития компьютерных технологий USCO озадачилось вопросом авторского права на произведения, созданные с применением таких технологий, еще в 1965 г. [11]. Вывод тех лет был связан с индивидуальным подходом к оценке на основе конкретных обстоятельств в каждом отдельном случае. С учетом увеличивающегося числа обращений по поводу регистрации авторских прав на произведения, созданные с применением нейросетей, Бюро вернулось к обсуждению темы, провело опросы и исследования. Большинство из десяти тысяч опрошенных, в том числе художников, программистов, юристов и философов, ответили, что если искусственный интеллект самостоятельно выбирает направление стиля, принимает решение композиционное, колористическое (выбирает ритм, гармонию — в музыке), принимает решения в отношении иных деталей и составляющих, а человек формирует общий запрос, то такое произведение следует считать полностью созданным искусственным интеллектом, не подлежащим защите авторским правом.

Бюро также провело обширное исследование с использованием одинаковых промптов с целью выявить их влияние на конечный результат [11]. Итоги тестирования показали, что детализированные промпты не влияют на финальное решение, и изображения в каждом отдельном случае разнятся. В связи с этим Бюро пришло к выводу, что промпты сами по себе не играют ту роль, при которой появилась бы юридическая возможность признать вклад человека и полученные результаты охраноспособным творчеством.

В марте 2023 г. Бюро опубликовало Положение о политике [12], разъясняющее практику рассмотре-

ния и регистрации произведений, содержащих материалы (текстовые, визуальные или звуковые), созданные с использованием технологии искусственного интеллекта. Положение включает в себя раздел «Требование об авторстве человека» и упоминает аналогичный подход, закрепленный в Конституции США, в Законе об авторском праве и решениях Верховного Суда США. В Положении указано, что технологические инструменты могут быть частью творческого процесса. Отмечается, что авторы уже давно используют такие инструменты для создания своих работ или для переработки, преобразования или адаптации своего выразительного авторства. Например, художник, который использует фотопшоп (Adobe Photoshop) для редактирования изображения, остается автором измененного изображения, а музыкант может использовать такие эффекты, как гитарные педали, при создании звукозаписи. В каждом конкретном случае важно то, в какой степени человек обладал творческим контролем над выражением произведения и «фактически сформировал традиционные элементы авторства».

Основываясь на своей позиции о неохраноспособности произведений, созданных «автоматически» нейросетью, Бюро в соответствии с Положением о политике при подаче заявки обязывает авторов раскрывать информацию об использовании технологии при создании рассматриваемого результата, а также об этапах, способах и целях ее использования.

В силу Положения лицам, претендующим называться авторами произведения, запрещено указывать нейросеть и ее разработчиков в качестве соавторов произведения, а также предписано исключать отдельные элементы, созданные нейросетью, из состава произведения, предлагаемого к регистрации в Реестре авторских прав.

Наглядным примером реализации указанных норм является разбирательство по поводу графического романа художницы из Нью-Йорка Крис Каштановой (Kris Kashtanova). На сайте художницы [13] работа поименована как (AI) Zarya of the Dawn — Midjourney («(ИИ) «Заря рассвета» — Миджорни»). В 2022 г. USCO зарегистрировало работу художницы в Реестре авторских прав США, после чего художница объявила в социальных сетях о создании прецедента регистрации авторских прав на произведение, созданное технологией искусственного интеллекта. После указанной публикации Бюро запросило дополнительные разъяснения у художницы, утверждая, что обозначенный процесс создания произведения не был описан в заявке. По мнению Бюро [14, с. 8], указание слова «Midjourney» на обложке не является достаточным раскрытием информации и без сопровождения знаками копирайта или товарного

знака воспринимается как часть аутентичного названия произведения. Итогом разбирательства стало предоставление охраны для текстовой части комикса с исключением из охраняемого объекта изображений, созданных нейросетью. В настоящее время на сайте Крис Каштановой в качестве инструментов, использованных при создании комикса, указаны Midjourney и Comic Life 3 (Комик Лайф 3) — нейросеть и приложение для создания динамических комиксов на основе фотографий.

В развитие упомянутого Положения в январе 2025 г. Бюро опубликовало Отчет [14] реестра авторских прав, который включает в себя следующие выводы и рекомендации: 1) вопросы защиты авторских прав и искусственного интеллекта могут быть решены в соответствии с действующим законодательством США; 2) использование инструментов искусственного интеллекта для содействия, а не подмены творческого потенциала человека не влияет на доступность защиты авторских прав на результаты; 3) авторское право защищает оригинальное выражение в произведении, созданном человеком-автором, даже если работа также содержит материалы, созданные с помощью искусственного интеллекта; 4) авторское право не распространяется на материалы, созданные исключительно с помощью искусственного интеллекта, или материалы, выразительные элементы которых недостаточно контролируются человеком; 5) достаточен ли вклад человека в результаты, генерируемые ИИ, для установления авторства, необходимо анализировать в каждом конкретном случае; 6) исходя из функционирования современных общедоступных технологий, можно сказать, что промпты сами по себе не обеспечивают достаточного контроля; 7) авторы-люди имеют право обладать авторским правом на свои авторские произведения, которые проявляются в результатах, сгенерированных с помощью искусственного интеллекта, а также в творческом отборе, координации или расположении материалов в результатах, или в творческих модификациях результатов; 8) не было представлено доказательств необходимости дополнительной защиты авторских прав или специальной защиты в отношении контента, созданного с помощью искусственного интеллекта.

Интерес представляет термин, введенный в указанном Отчете: «недостаточный контроль со стороны человека» (*insufficient human control*).

Традиционному искусству также знаком принцип случайности. Например, американский художник, представитель абстрактного экспрессионизма Джеймсон Поллок работал в технике «дриппинг» (от английского *drip painting* — «капельная живопись») и хаотично разбрызгивал краску по холсту

бесконтактным методом. Или представители сюрреалистического «автоматического рисунка» Анре Массон, который поддавался бессознательному с пером в руках, и Иосиф Гинзбург, наносивший хаотичные линии с закрытыми глазами [15]. В музыке существует направление, основанное на случайности, — алеаторика (от латинского *alea* — «игральная кость», возникло в 1950-х годах в ФРГ, Франции и США) [16]. При этом способов «жеребьевки» бесконечно много: например, композитор «разбрызгивает чернила» над нотным станом и выбирает таким образом мелодию или использует различные числовые комбинации.

Но если в традиционном искусстве авторство такого произведения не оспаривается, а к поднимаемым вопросам относится вопрос об уровне его художественной ценности, то в случае с ИИ-произведениями случайность, исходящая от технологии (а не от человека), табуируется при установлении возможности защиты результата авторским правом.

Значимым правовым вопросом использования технологии искусственного интеллекта при создании музыки является вопрос возникновения правоотношений в силу договора.

Поскольку объекты музыки и графического дизайна относятся к группе произведений, охраняемых авторским правом, интерес представляет соглашение об использовании технологии «Николай Иронов» по автоматизированному созданию айдентики от студии Артемия Лебедева.

Согласно оферте [17], студия предоставляет пользователям доступ к функционалу соответствующего программного обеспечения без передачи исключительного права на программу. При этом права на сгенерированные пользователем при помощи программного обеспечения логотипы и другие элементы фирменного стиля предоставляются пользователю на правах исключительной лицензии со сроком действия на весь период охраны на территории всего мира. Права на созданные элементы не могут быть переданы иным лицам, в том числе на основании сублицензионных договоров. Оферта также содержит указание на способы использования сгенерированных элементов: нанесение объектов на любые материальные носители или размещение в интернете, безвозмездное распространение объектов, осуществление публичного показа и доведение до всеобщего сведения, сообщение элементов в эфир и по кабелю.

Не касаясь вопросов авторства, студия оставляет за собой право на некоммерческое использование сгенерированной айдентики в целях информирования (рекламы) о функционале «Николая Иронова».

Интерес представляет также положение об ответственности. Студия не гарантирует, что сгенери-

рованные элементы будут уникальными и охраноспособными, а интеллектуальные права третьих лиц не будут нарушены. Особо подчеркнуто, что созданные решения не будут являться уникальными и полностью оригинальными без творческого вклада самого пользователя.

Рассматривая аспекты договорно-правовых отношений, связанных с использованием искусственного интеллекта в музыке, необходимо отметить, что к наиболее известным и востребованным системам относятся музыкальные нейросети зарубежных компаний.

В соответствии с лицензионным соглашением Soundraw (компания основана в 2020 г. в Японии) [18] пользователю предоставляется право использовать созданные искусственным интеллектом треки в зависимости от типа оплаченной подписки (лицензионное соглашение в том числе включает в себя возможность создания произведений, распространение созданных произведений на сервисах цифровой музыки, например, таких как Apple Music, iTunes или на самой платформе, а также распространение на физических носителях). Указанные правомочия актуальны на период использования, который определяется в соглашении как «бессрочный». Ведение учета и выплата роялти не предусмотрены. При этом платформа, выступая лицензиаром (правообладателем), полностью снимает с себя ответственность за созданные музыкальные произведения.

Лицензионное соглашение AIVA (компания основана в Лондоне в 2016 г.) [19] включает в себя три тарифа: некоммерческий, ограниченно коммерческий и «полное авторское право», при котором платформа передает все права на созданные музыкальные произведения пользователю. Предоставляемые права действуют бессрочно во всем мире. Пользователь несет полную ответственность за создаваемые треки.

Обе площадки выступают на стороне правообладателей генерируемых треков, вопросы авторства указанные лицензионные соглашения не рассматривают. Обозначенный подход характерен для англосаксонской системы авторского права (copyright).

Отечественные организации предлагают не саму технологию искусственного интеллекта для использования, а создание музыкальных произведений с использованием нейросети. Так, компания «ТочкаПродакшн» специализируется на создании песен и музыкальных композиций для бизнеса и применяет нейросети в своей деятельности. На сайте компании [20] подчеркивается, что ИИ — это всего лишь инструмент в руках сотрудников организации. Компания предлагает заключить договор авторского заказа в случае необходимости создания песни под конкретный запрос или договор отчуждения исключительного

права в отношении созданной ранее музыкальной композиции.

Указанное дает основание полагать, что «ТочкаПродакшн» предлагает пользователю приобрести права на служебное произведение, а сотрудник компании, использующий нейросеть, принимается за автора произведения. Стоит также предположить, что «ТочкаПродакшн» использует типы лицензий зарубежных сайтов нейросетей, позволяющие отчуждать права на созданные произведения. Такой подход соотносится с законодательством Российской Федерации и упомянутой позицией Верховного Суда Российской Федерации.

Таким образом, несмотря на то что российским законодательством в сфере интеллектуальных прав прямо не предусмотрено заключение договоров об автоматизированном создании произведений, рассмотренные примеры указывают на возможность оформления таких договоров. При этом соглашения содержат положения о распределении имущественного исключительного права, первичным правообладателем выступает сторона, предоставляющая в пользование технологию искусственного интеллекта, а полную ответственность за созданный продукт несет пользователь нейросети.

Учитывая, что в соответствии с п. 3 ст. 1228 ГК исключительное право на результат интеллектуальной деятельности, созданный творческим трудом, первоначально возникает у его автора, приведенные примеры лицензионных соглашений не признают пользователя нейросети автором.

Согласно изложенному, и законодатель, и правоприменители в большинстве своем исходят из того, что нейросеть является лишь техническим средством, в этой связи без авторской доработки материалов созданная музыка не соотносится с законными критериями творческого результата.

Состав действий автора музыки, использующего технологию искусственного интеллекта, отличается от классического представления о сочинительстве. Современный автор также является инженером, использующим как чувственный, так и рациональный подходы при создании музыкального произведения.

Несмотря на действие презумпции авторства, введенной Бернской конвенцией 1886 г. (положения о признании авторства юридически достоверным, пока не доказано иное), полагаем, что всецело творческим музыкальным произведением может быть признано произведение, создание которого включало в себя самостоятельную авторскую корректировку результата или использование результата в составе итогового музыкального произведения, а также использование авторского произведения при обращении к технологии искусственного интеллекта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федуненко Е. Венский университет прикладного искусства впервые в мире зачислил ИИ студентом // Коммерсантъ. 05.04.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7638466> (дата обращения: 15.04.2025).
2. Значение слова искусственный в толковом словаре Д.Н. Ушакова // Glosum. Толковые словари: хранители слова и его значения. URL: <https://glosum.ru/Значение-слова-искусственный-в-словаре-Ушакова> (дата обращения: 25.05.2025).
3. Черниговская Татьяна. Почему мы никогда не узнаем правду о реальности? // Rutube. 2025. URL: <https://rutube.ru/video/c4b4e665b02229ccc45761f4e5ef1e18> (дата обращения: 25.05.2025).
4. Белецкая Е. Взаимовыручка или корыстный расчет? Ученые поняли, зачем животные помогают друг другу // Вокруг света. 2022. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/articles/vzaimovyruchka-ili-korystnyi-raschet-uchenye-ponyali-zachem-zhivotnye-pomogayut-drug-drugu-id735368/> (дата обращения: 15.04.2025).
5. Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г., дополненная в Париже 4 мая 1896 г., пересмотренная в Берлине 13 ноября 1908 г., дополненная в Берне 20 марта 1914 г., и пересмотренная в Риме 2 июня 1928 г., в Брюсселе 26 июня 1948 г., в Стокгольме 14 июля 1967 г. и в Париже 24 июля 1971 г., измененная 28 сентября 1979 г. // Всемирная организация интеллектуальной собственности. URL: https://www.wipo.int/treaties/ru/text.jsp?file_id=283698 (дата обращения: 20.04.2025).
6. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая. Принята Федеральным законом от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ.
7. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации».
8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».
9. Дроздова А. «Основа творчества — чувства и эмоции»: Никита Забелин — о влиянии нейросетей на музыку // Buro. 2024. 17 сентября. URL: <https://www.buro247.ru/business/technologies/17-sep-2024-ai-in-music.html> (дата обращения: 16.02.2025).
10. Климова М. Американец выиграл конкурс изящных искусств с картиной, созданной нейросетью // Нож. 2022. 1 сентября. URL: <https://knife.media/ai-art/> (дата обращения: 16.02.2025).
11. Борисов Ю. Творцовый переворот: как художникам и коллекционерам защититься от AI-технологий // Forbes. 2023. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/486012-tvorcovyj-perevorot-kak-hudoznikam-i-kollekcioneram-zaschitit-sa-ot-ai-tehnologii> (дата обращения: 18.05.2025).
12. Copyright Registration Guidance: Works Containing Material Generated by Artificial Intelligence [A Rule by the Copyright Office] // Federal Register. The Daily journal of the United States Government. 2023. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2023/03/16/2023-05321/copyright-registration-guidance-works-containing-material-generated-by-artificial-intelligence> (date of access: 19.02.2025).
13. Zarya of the dawn // Kris Kashtanova. Portfolio. URL: <https://www.kris.art> (дата обращения: 15.04.2025).
14. Copyright and Artificial Intelligence. Part 2: Copyrightability [A Report of the register of copyrights] // Copyright.gov. U.S. Copyright Office. 2025. URL: <https://copyright.gov/ai/Copyright-and-Artificial-Intelligence-Part-2-Copyrightability-Report.pdf> (date of access: 15.05.2025).
15. Кириченко В., Малич К. Как художник теряет контроль. Случайность в искусстве // hsedesign.ru [Цифровая экосистема Школы дизайна НИУ ВШЭ]. URL: <https://hsedesign.ru/project/a38934f9976c413b8f3d1b96a8fd7ec7> (дата обращения: 15.05.2025).
16. Виноградов Ю. Алеаторическая техника // Schmusic. 2020. URL: <https://schmusic.ru/алеаторическая-техника> (дата обращения: 19.04.2025).
17. Оферта // Николай Иронов. Уникальный бренд за секунды. Логотип и айдентика с нейросетью Студии Артемия Лебедева. URL: <https://ironov.artlebedev.com/static/offer-ru.pdf> (дата обращения: 25.02.2025).
18. License. Common use cases // Soundraw. The #1 Music Tool for creators and artists. URL: <https://soundraw.io/licens> (date of access: 15.05.2025).
19. IVA End User License Agreement // AIVA. Your personal AI music generation assistant. URL: <https://www.aiva.ai/legal/1> (date of access: 15.05.2025).
20. Авторские права на AI-песни // «ТочкаПродакшн». URL: <https://tochkaproduction.ru/ai-music-copyright-guide> (дата обращения: 15.05.2025).

REFERENCES

1. Fedunenکو E. Venskij universitet prikladnogo iskusstva v pervy`e v mire zachislil II studentom // Kommersant. 05.04.2025. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7638466> (data obrashheniya: 15.04.2025).
2. Znachenie slova "Iskusstvennyj" v tolkovom slovare D.N. Ushakova // Glosum. Tolkovy`e slovari: xraniteli slova i ego znacheniya. URL: <https://glosum.ru/>

- Znachenie-slova-Iskusstvenny`j-v-slovar-Ushakova (data obrashheniya: 25.05.2025).
3. Chernigovskaya Tat`yana. Pochemu my` nikogda ne uznaem pravdu o real`nosti? // Rutube. 2025. URL: <https://rutube.ru/video/c4b4e665b02229ccc45761f4e5ef1e18> (data obrashheniya: 25.05.2025).
 4. Beleczkaya E. Vzaimovy` ruchka ili kory`stny`j raschet? Ucheny` e ponyali, zachem zhivotny` e pomagayut drug drugu // Vokrug sveta. 2022. URL: <https://www.vokrugsveta.ru/articles/vzaimovyruvchka-ili-korystnyi-raschet-uchenye-ponyali-zachem-zhivotnye-pomagayut-drug-drugu-id735368/> (data obrashheniya: 15.04.2025).
 5. Berne Convention for the Protection of Literary and Artistic Works of September 9, 1886, completed at PARIS on May 4, 1896, revised at BERLIN on November 13, 1908, completed at BERNE on March 20, 1914, revised at ROME on June 2, 1928, at BRUSSELS on June 26, 1948, at STOCKHOLM on July 14, 1967, and at PARIS on July 24, 1971, and amended on September 28, 1979 // WIPO. URL: https://www.wipo.int/treaties/ru/text.jsp?file_id=283698 (date of access: 20.04.2025).
 6. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii. Chast` chetvertaya. Prinyata Federal`ny`m zakonom ot 18 dekabrya 2006 g. No. 230-FZ.
 7. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 10 oktyabrya 2019 g. No. 490 "O razvitii iskusstvennogo intellekta v Rossijskoj Federacii".
 8. Postanovleniya Plenuma Verxovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 23 aprelya 2019 g. No. 10 "O primenenii chasti chetvertoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii".
 9. Drozdova A. "Osnova tvorchestva — chuvstva i emocii": Nikita Zabelin — o vliyanii nejroset`yu na muzyku // Buro. 2024. 17.09.2024. URL: <https://buro247.ru/business/technologies/17-sep-2024-ai-in-music.html> (data obrashheniya: 16.02.2025).
 10. Klimova M. Amerikanecz vyigral konkurs izyashchnyh iskusstv s kartinoj, sozdannoj nejroset`yu // Nozh. 2022. URL: <https://knife.media/ai-art/> (data obrashheniya: 16.02.2025).
 11. Borisov Yu. Tvorcovyj perevorot: kak hudozhnikam i kollekcioneram zashchitit`sya ot AI-tehnologii // Forbes. 2023. URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/486012-tvorcovyj-perevorot-kak-hudozhnikam-i-kollekcioneram-zashchitit-sa-ot-ai-tehnologii> (data obrashheniya: 18.05.2025). Tvorcovyj perevorot: kak hudozhnikam i kollekcioneram zashchitit`sya ot AI-tehnologii
 12. Copyright Registration Guidance: Works Containing Material Generated by Artificial Intelligence [A Rule by the Copyright Office] // Federal Register. The Daily journal of the United States Government. 2023. URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2023/03/16/2023-05321/copyright-registration-guidance-works-containing-material-generated-by-artificial-intelligence> (date of access: 19.02.2025).
 13. Zarya of the down // Kris Kashtanova. Portfolio. URL: <https://www.kris.art> (data obrashheniya: 15.04.2025).
 14. Copyright and Artificial Intelligence. Part 2: Copyrightability [A Report of the register of copyrights] // Sopyright.gov. U.S. Copyright Office. 2025. URL: <https://copyright.gov/ai/Copyright-and-Artificial-Intelligence-Part-2-Copyrightability-Report.pdf> (date of access niya: 15.05.2025).
 15. Kirichenko V., Malich K. Kak hudozhnik teryaet kontrol`. Sluchajnost` v iskusstve // hsedesign.ru [Cifrovaya e`kosistema Shkoly` dizajna NIU VShE`]. URL: <https://hsedesign.ru/project/a38934f9976c413b8f3d1b96a8fd7ec7> (data obrashheniya: 15.05.2025).
 16. Vinogradov Yu. Aleatoricheskaya tehnika // Schmusic. 2020. URL: <https://schmusic.ru/aleatoricheskaya-tehnika> (data obrashheniya: 19.04.2025).
 17. Oferta // Nikolaj Ironov. Unikal`nyj brend za sekundy. Logotip i ajdentika s nejroset`yu Studii Artemiya Lebedeva. URL: <https://ironov.artlebedev.com/static/offer-ru.pdf> (data obrashheniya: 25.02.2025).
 18. License. Common use cases // Soundraw. The #1 Music Tool for creators and artists. URL: <https://soundraw.io/licens> (date of access: 15.05.2025).
 19. AIVA End User License Agreement // AIVA. Your personal AI music generation assistant. URL: <https://www.aiva.ai/legal/1> (date of access: 15.05.2025).
 20. Avtorskie prava na AI-pesni // TochkaProdakshn. URL: <https://tochkaproduction.ru/ai-music-copyright-guide> (data obrashheniya: 15.05.2025).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ПУБЛИКАЦИЙ В ЖУРНАЛЕ «ТРУДЫ ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ» В 2025 г.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. ЮНЕСКО:

НОРМОТВОРЧЕСТВО И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ

- Федотов М.А. Ковчег ЮНЕСКО: 80 лет пути к недостижимой цели — 2025. Т. 55. № 4. С. 8–13.
- Саидов А.Х. Чингиз Айтматов и ЮНЕСКО — 2025. Т. 55. № 4. С. 14–23.
- Наумов В.Б. Развитие идей Хартии ЮНЕСКО о сохранении цифрового наследия в эпоху искусственного интеллекта — 2025. Т. 55. № 4. С. 24–30.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ. ИНФОРМАЦИЯ.

ГОСУДАРСТВО. ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

- Ажене А.М.Дж., Адамс С. Галамсей: формальная и неформальная борьба политических элит в Гане — 2025. Т. 52. № 1. С. 45–55.
- Белякова А.В. Современная парадигма правосудия в условиях «медийности» общества — 2025. Т. 53. № 2. С. 39–48.
- Будник Р.А. Просодия как элемент правовой охраны голоса гражданина — 2025. Т. 53. № 2. С. 49–56.
- Дейнеко А.Г. Стриминг на лезвии частного и публичного права — 2025. Т. 52. № 1. С. 8–18.
- Дейнеко А.Г. Третий закон о маркетинговых: опыт критического анализа — 2025. Т. 54. № 3. С. 8–21.
- Жарова А.К. Защита информационного пространства правовыми средствами от деструктивной информации — 2025. Т. 55. № 4. С. 31–41.
- Захаров И.В., Режецкая А.И. Цифровизация публичного управления: правовые основы становления и развития — 2025. Т. 53. № 2. С. 27–38.
- Кочкин А.В. Эволюция доктринальных подходов к роли медиа в вопросах информационной безопасности в РФ и США в XXI в. — 2025. Т. 52. № 1. С. 37–44.
- Краснов М.А., Сафоклов Ю.И. Светское государство и права человека: взгляд конфессионального конституционалиста — 2025. Т. 53. № 2. С. 8–26.
- Лолаева А.С. Электронная демократия: эволюция народовластия в цифровую эпоху — 2025. Т. 52. № 1. С. 19–29.
- Смородинов Е.В. Письменное согласие на обработку персональных данных в цифровой среде — 2025. Т. 54. № 3. С. 22–34.
- Шайхитдинова С.К. К проблеме нормативного регулирования медианасилия: понятие и модели осмысления — 2025. Т. 52. № 1. С. 30–36.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ. ПРАВА

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

- Афанасьева О.В., Серегин Г.Е., Старшая Я.В. Нейминг спортивных событий и команд в контексте законодательных ограничений на рекламу игр, основанных на риске и пари — 2025. Т. 53. № 2. С. 57–77.
- Белов В.Е. Право авторства как элемент правового статуса личности: к 30-летию присоединения России к Бернской конвенции — 2025. Т. 54. № 3. С. 35–42.
- Борисенко Д.Ю. Ответственность маркетинговых за нарушение исключительных прав в России и за рубежом — 2025. Т. 53. № 2. С. 90–103.
- Бронякина Е.О. Рассмотрение экономических споров хозяйствующих субъектов в области интеллектуальной собственности в евразийском регионе: к вопросу о становлении понятия «наднациональная арбитрабельность» — 2025. Т. 53. № 2. С. 78–89.
- Бузова Н.В., Лукьянов Р.Л. О перспективах охраны и защиты прав на креативные продукты — 2025. Т. 52. № 1. С. 84–94.
- Вальдес-Мартинес Э.Р. Вознаграждение за вторичное использование фонограмм как механизм, обеспечивающий баланс интересов исполнителя — 2025. Т. 54. № 3. С. 59–68.
- Вартанов А.С. Несанкционированное копирование цифрового контента — 2025. Т. 55. № 4. С. 99–106.
- Васюкова О.А., Афонин В.П. Цифровая модель как объект интеллектуальной собственности: теоретические аспекты возможного применения на основе анализа международных аналогов — 2025. Т. 55. № 4. С. 68–78.
- Витко В.С. О необходимости установления характера труда, при разрешении судами споров о пародиях — 2025. Т. 55. № 4. С. 49–57.
- Залевский С.А. Порочность товарного знака, сходного с произведением, которое имеет режим общественного достояния — 2025. Т. 53. № 2. С. 104–110.
- Каминская Е.В. Экстерриториальность личных неимущественных прав автора как идея и реальность — 2025. Т. 55. № 4. С. 42–48.
- Комашко М.Н. Охрана идей как интеллектуальной собственности: предпосылки, опыт, перспективы — 2025. Т. 52. № 1. С. 71–83.
- Лукьянов Р.Л., Бузова Н.В. Об отдельных аспектах законопроекта «О деятельности по разработке и рас-

- пространению видеоигр на территории Российской Федерации» — 2025. № 3. Т. 54. С. 43–53.
- Маммадли Э.Д. Развитие понятия «промышленный образец» в России и Азербайджане — 2025. Т. 54. № 3. С. 54–58.
- Покровская А.В. Гармония в масштабе: охрана музыкальных произведений в цифровую эпоху (англ. яз.) — 2025. Т. 55. № 4. С. 88–98.
- Покровская А.В. Использование новых технологий для защиты авторских прав на платформах электронной коммерции: международный опыт — 2025. Т. 52. № 1. С. 95–108.
- Сергеева Н.Ю. Если правообладатель не изобретатель или как защитить права работника (автора) от действий недобросовестного работодателя — 2025. Т. 55. № 4. С. 79–87.
- Синельникова В.Н., Плешкова М.Д. Креативные индустрии на примере рынка моды — 2025. Т. 55. № 4. С. 58–67.
- Стулова О.В. Культурный капитал: интеллектуальная собственность как основа креативного туризма — 2025. Т. 54. № 3. С. 69–75.
- Федотов М.А. Официальные церемонии и формулы бесцеремонности — 2025. Т. 52. № 1. С. 56–70.
- Саидов А.Х. Искусственный интеллект и будущее цифрового парламента: современные вызовы, глобальное регулирование и роль парламентариев — 2025. Т. 52. № 1. С. 109–121.
- Самарцева М.В. Использование охраняемых произведений при машинном обучении генеративного искусственного интеллекта — 2025. Т. 53. № 2. С. 120–138.
- Сомонов В.В., Егорова Л.Д., Тарасов А.С. Исследование проблем права интеллектуальной собственности при практическом применении искусственного интеллекта в судостроении — 2025. Т. 52. № 1. С. 136–145.
- Чудесенко А.В. Использование технологии искусственного интеллекта в процессе судопроизводства: сравнительно-правовой анализ проблем правового регулирования в условиях обеспечения информационной безопасности РФ — 2025. Т. 53. № 2. С. 120–126.
- Ширкова И.В., Подгайная Е.В. Эволюция договорного процесса экономических отношений: проблемы и перспективы правового регулирования с внедрением искусственного интеллекта — 2025. Т. 54. № 3. С. 92–103.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ПРАВО ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

- Архипов В.В., Наумов В.Б., Старостенко В.А., Нестеров А.А. Использование искусственного интеллекта в высшем образовании: опыт СПбГУ — 2025. Т. 52. № 1. С. 122–135.
- Ковалева Н.Н., Рожкова М.А. Является ли промпт объектом авторского права: аргументы «за» и «против» — 2025. Т. 55. № 4. С. 107–115.
- Лебедева Д.А. Особенности правового режима интеллектуальной собственности объектов, созданных искусственным интеллектом в медицине — 2025. Т. 53. № 2. С. 111–119.
- Олифиренко А.А. Правовое регулирование обработки и использования лица и голоса как исключения из общего режима персональных данных для обучения моделей искусственного интеллекта — 2025. Т. 54. № 3. С. 104–116.
- Оморов Р.О. Авторские права на публикации с использованием систем искусственного интеллекта — 2025. Т. 55. № 4. С. 116–123.
- Руденко Т.Ю. Правовые аспекты использования искусственного интеллекта в музыкальной сфере — 2025. Т. 55. № 4. С. 124–131.
- Рыбин А.И. Правосубъектность искусственного интеллекта в свете концепций римского права — 2025. Т. 54. № 3. С. 76–91.

unesco

Кафедра

**О Кафедре ЮНЕСКО
по авторскому праву, смежным,
культурным и информационным
правам НИУ «Высшая
школа экономики»**

Международный научно-образовательный центр «Кафедра ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам» (сокращенно — «Кафедра ЮНЕСКО НИУ ВШЭ») создан решением Ученого совета НИУ ВШЭ в октябре 2020 г. в соответствии с Соглашением между ЮНЕСКО и Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) от 7 августа 2020 г.

Свою историю Центр ведет от Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву и другим правам интеллектуальной собственности, созданной по инициативе Постоянного представителя Российской Федерации при ЮНЕСКО в 1993–1998 гг., Чрезвычайного и Полномочного посла, доктора юридических наук, профессора М.А. Федотова. Соглашение о создании Кафедры ЮНЕСКО на базе Института международного права и экономики имени А.С. Грибоедова (ИМПЭ, ныне — Московский университет имени А.С. Грибоедова) было подписано 12 июня 1998 г. в 2009 г. Кафедра по согласованию с Секретариатом ЮНЕСКО была передислоцирована в Высшую школу экономики.

Кафедра ЮНЕСКО является научно-образовательным структурным подразделением НИУ ВШЭ. Одновременно она входит во всемирную сеть кафедр ЮНЕСКО в соответствии с Программой UNITWIN/UNESCO Chairs, учрежденной по решению 26-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в 1991 г. для развития межуниверситетского сотрудничества на глобальном, межрегиональном, региональном и субрегиональном уровнях по отдельным направлениям образования, науки, культуры и коммуникации. Программа UNITWIN/UNESCO Chairs объединяет в настоящее время более тысячи кафедр и 45 специализированных кафедральных сетей в 125 странах.

Во всем мире кафедры ЮНЕСКО, действуя в духе академической солидарности, стимулируют процесс формирования крепких и устойчивых связей между университетами и академическими учреждениями, правительствами, местными властями, предпринимательскими кругами, гражданским обществом и т.д. основополагающим принципом программы UNITWIN/UNESCO Chairs является полноценное и равноправное партнерство университетов, которые через кафедры ЮНЕСКО инициируют и реализуют в ее рамках различные проекты, уважая университетскую автономию и академическую свободу.

Кафедра ЮНЕСКО НИУ ВШЭ специализируется в областях авторского права и смежных прав, культурных и информационных прав, включая правовое регулирование киберпространства, технологий искусственного интеллекта и трансгуманизма. Деятельность Кафедры осуществляется в сотрудничестве с соответствующими подразделениями Секретариата ЮНЕСКО, в особенности с Сектором культуры и Сектором информации и коммуникации, с Институтом ЮНЕСКО по информационным технологиям в образовании, а также с Комиссией Российской Федерации по делам ЮНЕСКО.

Разносторонняя исследовательская, образовательная, просветительская, законопроектная, консультационная и экспертная деятельность Кафедры ЮНЕСКО в сферах свободы творчества и свободы выражения мнений, правовых и этических аспектов информационного плюрализма, развития ин-

формационного общества, многоязычия в киберпространстве, преодоления цифрового неравенства, технологий трансгуманизма, влияния искусственного интеллекта на институты права и общественное развитие требует стабильного функционирования открытой дискуссионной площадки для обмена мнениями, обсуждения идей, передачи и популяризации знаний.

С 1999 г. Кафедра ЮНЕСКО выпускает ежеквартальный научно-аналитический журнал «Труды по интеллектуальной собственности» (Works on Intellectual Property) (www.tis.hse.ru). у его истоков стояли такие выдающиеся российские правоведы, как И.Л. Бачило, М.М. Богуславский, Э.П. Гаврилов, В.А. Дозорцев, А.П. Сергеев, М.А. Федотов и их зарубежные коллеги Mihaly Ficsor (WIPO, CEECA, CITIP), Adolf Ditz (Max Planck Institute for Innovation and Competition), Peter Maggs (Illinois University), Kaarle Nordenstreng (University of Tampere) и др.

Журнал публикует научные статьи и аналитические материалы, рецензии на книги, экспертные мнения по широкому кругу правовых проблем интеллектуальной собственности и современной информационной экосистемы. в числе тем, привлекающих внимание авторов и читателей журнала, — актуальные проблемы авторского права и смежных прав, право интеллектуальной собственности в условиях цифровизации, культурные и информационные права в контексте конвенций и рекомендаций ЮНЕСКО, права человека в цифровую эпоху, правовое регулирование киберпространства, массовых коммуникаций, цифровых платформ и экосистем, технологий искусственного интеллекта и трансгуманизма.

Журнал выпускается на основании Соглашения между ЮНЕСКО и НИУ ВШЭ об учреждении Кафедры ЮНЕСКО по авторскому праву, смежным, культурным и информационным правам. Входит с 2014 г. в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК при Минобрнауки России). Журнал индексируется Российским индексом научного цитирования (РИНЦ) и Российским центром научной информации (РЦНИ). Свежий номер и архив журнала доступны на сайте Кафедры ЮНЕСКО: <https://hse.ru/unesco/tis>, а также на странице журнала <https://tis.hse.ru/>

Кафедра ЮНЕСКО НИУ «Высшая школа экономики» выпускает также ежемесячный информационный бюллетень «Среда», который бесплатно рассылается в электронном виде по подписке. Бюллетень содержит информацию о вступающих в силу нормативных правовых актах, о проектах новых законов, указов и постановлений, о прецедентных судебных решениях, о прошедших и предстоящих научных конференциях, семинарах, форумах и т.д.

Контакты Кафедры ЮНЕСКО НИУ ВШЭ:

109028, Москва, Б. Трехсвятительский пер., 3, каб. 436;

тел./факс +7(495) 772-95-90 * 23017;

www.hse.ru/unesco/

tis@hse.ru

unesco

Chair

About the UNESCO Chair
on Copyright, Neighboring,
Cultural and Information Rights
at HSE University

The International Scientific and Educational Center “UNESCO Chair on Copyright, Neighboring, Cultural and Information Rights” (abbreviated as “UNESCO Chair at the HSE University”) was built by the decision of the Academic Council of the HSE University in October 2020 under the Agreement between UNESCO and the National Research University Higher School of Economics (HSE University) dated August 7, 2020.

The Center traces its history back to the UNESCO Chair on Copyright and Other Intellectual Property Rights, established by initiative of the Permanent Representative of the Russian Federation to UNESCO in 1993–1998, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation (ret.), Doctor of Legal Sciences, Professor Mikhail A. Fedotov. The Agreement on the organization of the UNESCO Chair based on the A.S. Griboyedov Institute of International Law and Economics (IMPE, now — A.S. Griboyedov Moscow University) was signed on June 12, 1998. In 2009, the Chair, on the UNESCO Secretariat approval, was relocated to the HSE University.

The UNESCO Chair is a scientific and educational structural subdivision of the HSE University. It participates in the worldwide network of the UNITWIN/UNESCO Chairs Program. The program works based on the decision of the 26th session of the General Conference of UNESCO (1991). The Program focuses on inter-university cooperation at the global and regional levels of education, science, culture, and communication. The UNITWIN/UNESCO Chairs Program currently unites more than 1000 Chairs and 45 specialized chair networks in 125 countries.

All over the world, UNESCO Chairs, acting in the spirit of academic solidarity, stimulate sustainable ties between universities and institutions, governments, local authorities, business circles, civil society, etc. The fundamental principle of the UNITWIN/UNESCO Chairs Program is an equal partnership of universities, which, through the UNESCO Chairs, initiate and implement various projects within its framework, respecting university autonomy and academic freedom.

The UNESCO Chair at the HSE University specializes in copyright, neighboring, cultural and information rights, including the legal regulation of cyberspace, artificial intelligence technologies, and transhumanism. The Chair cooperates with the relevant divisions of the UNESCO Secretariat, particularly the Sector of Culture and the Sector of Information and Communication. The Chair cooperates with the UNESCO Institute for Information Technologies in Education and the Commission of the Russian Federation for UNESCO.

The UNESCO Chair realizes versatile research, education, consulting, and expert activities in the field of freedom of creativity and freedom of expression, legal and ethical aspects of information pluralism. The Chair works on the progress of the informational society and multilingualism in cyberspace. The Chair toils on overcoming the digital divide, transhumanism technologies, and the impact of artificial intelligence on social and legal institutions. All this requires the stable functioning of an open discussion platform for the exchange of opinions, discussion of ideas, transfer and popularization of scientific knowledge.

Since 1999, the UNESCO Chair has published a quarterly scientific and analytical journal named Works on Intellectual Property (www.tis.hse.ru). Its origins were such prominent Russian jurists as professors Illariya L. Bachilo, Mikhail M. Boguslavsky, Eduard P. Gavrilov, Viktor A. Dozortsev, Alexander P. Sergeev, Mikhail A. Fedotov, and their foreign colleagues Mihaly Ficsor (WIPO, CEECA, CITIP), Adolf Ditz (Max Planck Institute for Innovation and Competition), Peter Maggs (Illinois University), Kaarle Nordenstreng (University of Tampere) and others.

The journal publishes scientific articles and analytics, book reviews, and expert opinions on a wide range of IP problems and the modern information ecosystem. Among the topics that attract the attention of the authors and readers of the journal are topical issues of copyright and neighboring rights, other intellectual property rights in the context of digitalization, as well as cultural and information rights in the context of UNESCO conventions and recommendations. The list embraces human rights in the digital age, legal regulation of cyberspace, mass communications, digital platforms and ecosystems, artificial intelligence technologies, and transhumanism.

The journal published based on the Agreement between UNESCO and the National Research University Higher School of Economics. Since 2014 the journal presented in the List of peer-reviewed scientific publications publishing the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science for the degree of Doctor of Science (the List of Higher Attestation Commission under the Ministry of Education and Science of Russia). The journal is indexed by the Russian Science Citation Index (RSCI) and the Russian Center for Scientific Information (RCSI).

The latest issue and archive of the journal are on the website of the UNESCO Chair: <https://hse.ru/unesco/tis>; and on the journal web page <https://tis.hse.ru/>.

The UNESCO Chair at the HSE University also publishes a monthly newsletter "Sreda", distributed free of charge in electronic form by subscription. The newsletter contains information about normative legal acts coming into force, drafts of new laws, decrees and resolutions, precedent judicial decisions, past and upcoming scientific conferences, seminars, forums, etc.

Contacts of the UNESCO Chair at the HSE University:
109028, Moscow, B. Trekhsvyatitsky per., 3, room. 436;
tel./fax +7(495) 772-95-90 * 23017;
website: www.hse.ru/unesco/
e-mail: tis@hse.ru

Для заметок
